

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI

TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

579

ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Труды по русской и славянской филологии

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 579 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ
ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Труды по русской и славянской филологии

ТАРТУ 1981

Редакционная коллегия:

Е.И.Гурьева, А.Д.Дуличенко, С.В.Смирнов,
М.А.Шелякин (отв. ред.).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ И
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
НЕБОЛЬШОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАРОДНОСТИ

К.К. Трофимович

В статье речь идет о языке самой маленькой славянской народности — лужицких сербов, которые на протяжении почти тысячи лет терпели социальный и национальный гнет, но сохранили самую большую ценность народа. Наиболее интересному периоду истории лужицких сербов, в котором решалась судьба их языка, посвящена наша неопубликованная пока докторская диссертация "Становление и развитие верхнедужицкого литературного языка", в которой подробно излагается проблематика языковой ситуации в Лужице в XIX веке и в трех первых десятилетиях XX века [8]. Наблюдения и выводы в этой работе делаются с учетом социально-экономических преобразований в Германии. Смена феодализма капитализмом и переход последнего в высшую стадию — империализм, наглядно отражены в изменении языковой ситуации в Лужице. На фоне этих перемен показано развитие верхнедужицкого литературного языка — одного из двух литературных языков славянского населения этого уголка восточной Германии.

В названной диссертации мы уже сделали вывод о том, что, изучая историю литературного языка на протяжении ряда эпох, не следует выдвигать на передний план смену типов общности людей (например, превращение феодальной народности в буржуазную нацию) как неизбежную предпосылку смены типов литературного языка (язык народности — язык нации). На первое место следует ставить и изменения в общественно-экономических формах, которые играют решающую роль в трансформациях литературного языка. Новые подробности и детали были нами приведены в двух журнальных статьях [7; 9] и в докладе "Диалектика развития литературного языка и художественной культуры (на серболужицком материале)" [6].

Суть наших выводов заключается в следующем. Прямое и прямолинейное соотнесение качественных различий между донациональным периодом развития языка и периодом национальным не является точным. Формула "язык народности сменяется языком нации" [3; 4] верна, но она может быть невольно понята так, что переход литературного (письменного) языка из одного качества в другое происходит благодаря смене одной формы общности людей - народности другой общностью - нацией. Это верно только отчасти.

Наблюдающееся в истории европейских народов хронологическое совмещение общественно-экономических формаций феодализма и капитализма с формами общности людей, называемых народностью и нацией, привело к тому, что в лингвистической литературе при описании путей развития славянских литературных (письменных) языков качественные различия между их состоянием на разных этапах связываются с качественными различиями между формами общности людей на различных этапах их развития. На самом же деле следует видеть основную зависимость уровня развития литературного (письменного) языка от типа общественно-экономической формации. Правда, связь общности людей, называемой нацией, с общественно-экономической формацией капитализма несомненна [1, 427; 2, 258-259], однако в конечном счете коренные изменения в литературных языках происходят в связи со сменой общественно-экономических формаций. Не случайно ведь в специальной советской литературе приводится немало аргументов в пользу того, что литературный язык нации в досоциалистическую и в социалистическую эпохи тоже не является одним и тем же феноменом [5].

Этот наш вывод находит подтверждение также данными, полученными в результате изучения дальнейшей судьбы литературного языка верхних лужицких сербов в новых условиях - в период строительства социализма.

Лужицкие сербы как были народностью, скажем, пятьдесят лет тому назад, так народностью остались и в наши дни, но литературный язык верхних лужичан (впрочем, это относится и к нижнелужицкому литературному языку) претерпел значительные изменения, как изменялась качественно и сама народность. Причиной этих перемен является смена общественно-экономических формаций. Социалистический базис с соответствующей надстройкой коренным образом изменил условия развития литера-

турного языка лужицких сербов. Эти новые условия значительно расширили функции языка при обслуживании общества, но вызвали также и некоторые структурные изменения.

Для более полного уяснения процессов, происходящих в жизни серболужицкого народа в наше время и в общественных функциях серболужицкого языка, важно коснуться положения языка лужичан в прошлом^ж. Письменность на различных серболужицких диалектах появилась в связи с Реформацией в середине XVI в. Феодальная раздробленность народа как нельзя лучше отражалась в письменности: у единой народности сложились два письменных языка (верхнелужицкий и нижнелужицкий), но и более развитой и распространенный (верхнелужицкий) тоже не был единым. Он состоял из двух конфессиональных вариантов — протестантского и католического (распространенных, впрочем, в разных ареалах). С переходом Германии от феодализма к капитализму и превращением немецкой народности в немецкую нацию было связано и превращение лужицких сербов из феодальной народности в буржуазную народность (нацией лужичане в силу ряда причин стать не могли). С середины XIX в. до 30-х годов XX в. произошли огромные изменения в языке письменности. Нижние лужицкие сербы, наиболее германизированная и наименее общественно активная часть населения, не добились заметных успехов в развитии своего письменного языка, но верхнелужицкий литературный язык совершил истинный скачок в новое качество, соответствующее более передовой, в сравнении с феодализмом, общественно-экономической формации — капитализму. Важнейшим достижением было создание единого для всех верхних лужичан литературного языка, пришедшего на смену двум старым вариантам. Он стал распространяться в ряде сфер жизни людей (художественная литература, театр, музыка, наука, средства массовой информации), стал все больше и больше отеснять старые варианты (протестантский и католический) в сферу церковной и религиозной жизни. Новый верхнелужицкий литературный язык был неплохо кодифицирован в области грамматики и лексики.

Все это требовало огромных усилий со стороны деятелей науки и национального движения (Я.-А. Смолер, Г. Зейлер,

^ж Для более подробного ознакомления отсылаем читателя к упомянутому уже автореферату /8/, в котором приводится литература вопроса.

М. Горник, Я. Барт-Чилинский, К.-Б. Пфуль, Г.Краль, Ф. Резак, А. Мука и др.), но сил этих не хватало и не могло хватить, чтобы добиться равноправия в обществе, нормальных условий для развития. Без равноправия невозможно было проникновение литературного языка во все новые сферы деятельности людей, не было реальной базы для борьбы за культуру речи, трудно было осуществить научно обоснованную кодификацию. Немецкое государство никогда не способствовало развитию литературного языка лужицких сербов (даже в более или менее демократической так наз. Веймарской республике после первой мировой войны), наоборот, оно делало все для того, чтобы лужицкая онемечить и их язык похоронить. Особенно уродливые и жестокие формы преследования лужицких сербов применялись в период гитлеровского режима. В 1937 г. литературный язык верхних лужицан (равно как и нижних) перестал выполнять какие-либо общественные функции.

Революционные преобразования в восточной части Германии, начало которых было положено разгромом фашизма Советской Армией, изменили коренным образом положение лужицких сербов среди немецкого населения, отношение к ним государства (ГДР была создана в 1949 г.) и руководящей партии СЕПГ. Специальный закон о правах лужицких сербов (1948 г.), обе конституции ГДР, ряд правительственных законов и указов, программа СЕПГ и другие документы не только провозглашали, но и гарантировали свободное развитие национальной культуры и языка лужицан [10; 19]. Развивающийся и укрепляющийся социалистический базис в ГДР обеспечивал не только единство экономического развития всего населения, в том числе и серболужицкой национальности, но и способствовал его сплочению. Следует подчеркнуть, что лужицкие сербы стали активной и интегральной составной частью нового общества. Социалистическая надстройка, активно способствующая развитию и укреплению социалистического базиса, строительству нового социалистического общества, тонко отражает новые общественные отношения, сложившиеся в послевоенные годы в ГДР. Впервые надстроечные явления над экономическим базисом в Германии оказались благоприятными для лужицких сербов. Заботой специальных государственных учреждений и организаций является преодоление прежней отсталости лужицкого населения. Марксистско-ленинская идеология, ставшая достоянием широких масс, немцев и лужицких сербов, способствует естественному развитию национальной

культуры лужичан, обогащению ее элементами культуры немцев и других народов, но также и не виданным ранее процессом — обогащением общегосударственной культуры ГДР за счет элементов культуры лужицких сербов [13].

В таких условиях статус литературного языка лужицких сербов стал качественно новым по сравнению с предыдущими эпохами [20, 8], он заслуживает большого внимания, так как его изучение может иметь немалое теоретическое значение при исследовании проблемы "общественно-экономическая формация в ее отношениях с литературными языками".

В Германской Демократической Республике насчитывается около 100 тыс. лужицких сербов. Все они с конца XIX в. двуязычны. Они свободно пользуются немецким языком во всех сферах жизни. И не только в общении с немцами, но при некоторых обстоятельствах также в общении с представителями своей же народности. Это нисколько не умаляет роли родного языка.

Лужицкие сербы представляют собой, несомненно, единую народность, хотя и пользующуюся двумя литературными языками — верхне-лужицким и нижне-лужицким. Заметные различия между ними не могут опровергнуть тезиса о единстве народа: между народными формами существования всенародного языка (между верхне- и нижне-лужицкими диалектами) нельзя провести резкую границу. Между северными лужицкими диалектами ("нижними") и южными ("верхними") простирается широкая полоса переходных говоров. Носители любых диалектов называют себя сербами, а свой язык сербским. С древнейших времен в сознании жителей любых районов противопоставлялись сербы и немцы, никогда не отвергалось единство сербов.

В социалистическом обществе ГДР оба серболужицких литературных языка имеют одинаковое правовое положение. Однако исторические судьбы серболужицкой народности обусловили то, что и в наше время лужичане используют в специальных сферах жизни свои литературные языки не в одинаковой мере. В более подверженных прежней крутой германизации северных (нижне-лужицких) районах после второй мировой войны литературный язык с трудом завоевывает надлежащие ему позиции. И это несмотря на поддержку со стороны государства. В Нижней Лужице сферы употребления литературного языка уже, чем в Верхней Лужице, интенсивность его применения слабее. Верхне-лужицкий литературный язык, которым пользуется население юга (и некоторых районов средней полосы) Лужицы, в годы после второй мировой

войны переживает истинный расцвет.

Новый экономический базис, новая надстройка, социалистический строй позволили верхнедужицкому литературному языку приобрести новую общественную значимость. Это довольно развитой еще в довоенные годы языковой феномен заметно расширил сферы употребления. Если еще в 30-е годы XX в. наряду с современным, сформировавшимся во второй половине XIX в., литературным языком могли употребляться оба старых конфессиональных письменных варианта ("католический" и "протестантский"), то в наше время этим обоим вариантам в большинстве сфер человеческой деятельности места не находится. Их удел — обслуживать потребности церкви.

Оба старых конфессиональных варианта были совершенно вытеснены из школьного обучения. Правда, во всей многовековой истории лужицких сербов не было периода, в котором культивировалось бы широкое преподавание родного языка в школах. Если учили детей, то только чтению и пению по церковным книгам. Исключения из этого правила настолько невелики, что общей картины они не меняли.

В социалистической ГДР на территории Лужицы дети лужичан обучаются в двух типах начальных и средних учебных заведений: в школах типа А, где обучение ведется на родном языке*, и в школах типа Б, в которых серболужицкий язык преподается как один из предметов. Школы типа Б находятся в местностях, где процент серболужицкого населения низок. Учащиеся пользуются бесплатными учебниками по всем предметам, предусмотренным учебными планами. На территории Лужицы расположены две средние школы-двенадцатилетки типа А и 60 политехнических средних школ-десятилеток [10, ч. II, 27].

Употребление современного неконфессионального верхнедужицкого литературного языка в школьном обучении играет революционизирующую роль во всей национальной и культурной жизни лужицких сербов. Впервые за всю историю маленького славянского народа государство принимает участие в массовом распространении серболужицкого литературного языка. За послевоенные годы выросло целое поколение людей, которому планомерно прививались нормы литературного языка. Во второй поло-

* На верхне- или нижнедужицком — в зависимости от расположения школы в южной или северной части Лужицы. В старших классах этих школ физика, математика и естественные науки преподаются на немецком языке.

вине XIX в. и в первой трети XX в. любой из интеллигентов знакомился с литературным языком автодидактически, в наше время приобщение всего общества к литературному языку — работа самого общества. В этом коренное отличие между статусом литературного языка маленького национального меньшинства в обществе, раздираемом классовыми и национальными противоречиями, и в обществе подлинной народной демократии.

Следующей совершенно новой сферой применения верхнедужицкого литературного языка (то же самое следует сказать и о нижнедужицком) является обслуживание общества в сфере административного управления. Конечно, лужицкий не может подменить немецкий язык в многонациональном государстве (лужицкие сербы составляют не более 0,6% всего населения ГДР), но на территории Лужицы его употребление допускается в государственных учреждениях. В таких случаях лужицкие сербы обычно пользуются по своей воле немецким языком, но имеют право обращаться по своим делам на родном языке. Это право хорошо иллюстрируется двуязычными надписями, вывесками, объявлениями. Названия улиц на табличках — двуязычны, на немецком и на лужицком языках составлены все дорожные указатели на территории Лужицы, по два названия находим на почтовых штемпелях и т.д.

Верхнедужицкий литературный язык широко используется в таких сферах: в художественной литературе, в науке, в публицистике, в средствах массовой информации. Традиционной сферой употребления верхнедужицкого литературного языка является наука. Основные правила произношения и изменения форм этого языка впервые были кодифицированы в научном журнале "Časopis Matice Serbskeje", который с 1848 по 1937 г. неизменно придерживался установленных норм при публикации статей по филологии, истории, этнографии, научно-популярных работ по естественным наукам. В настоящее время количество научных и научно-популярных публикаций во много раз возросло, поэтому и сама сфера стала более широкой в жизни современного общества, что, в свою очередь, поднимает общественную значимость литературного языка.

Старой сферой применения литературного языка является художественная литература. До второй мировой войны в этой сфере какую-то роль играли и старые конфессиональные варианты письменного языка (публиковались художественные произведения со специально подчеркнутой христианской моралью и

под.). В ГДР в этой сфере безраздельно господствует новый внеконфессиональный верхнелужицкий литературный язык. Распространение норм верхнелужицкого литературного языка через художественную литературу стало теперь много интенсивнее, чем в лучшие годы прежней истории лужичан. Во-первых, теперь выходит очень много названий оригинальных произведений серболужицких авторов и переводов лучших образцов мировой литературы на верхнелужицкий язык^{*}. Во-вторых, тиражи книг увеличились, в-третьих, организация распространения художественной литературы среди населения поставлена на деловую основу. Все это прокладывает пути литературному языку в самые широкие массы населения.

Значительную роль в распространении литературного языка в первые десятилетия нашего века сыграл театр. Один из деятелей театрального искусства Ф. Краль справедливо отмечал, что любительские серболужицкие труппы приобщали широкие массы населения самым естественным образом к литературному языку. В этой сфере литературный язык в период строительства социализма стал играть еще более заметную роль. И сейчас в Лужице функционируют любительские драматические кружки, но первая роль принадлежит государственному профессиональному театру. Немецко-лужицкий театр попеременно ставит в г. Бауцене пьесы на немецком и на верхнелужицком языках. На представления съезжаются зрители из других городов и деревень; артисты по заранее составленному плану разъезжают по Лужице, ставя пьесы в деревнях и поселках. Население даже самых отдаленных уголков Лужицы приобщается таким образом к литературному языку не только посредством чтения книг, но и прослушивания текстов согласно нормам. Живое слово актера становится образцом для подражания литературного произношения.

Сфера массовой информации, использующая верхнелужицкий литературный язык, многогранна. И в прошлые времена лужицкие сербы читали выходящие на их языке газеты и журналы, объявления, бюллетени и различные листовки, однако их роль в жизни общества и в пропаганде норм литературного языка была ограничена. Дело не только в том, что тиражи этих публикаций были невелики, но и в том, что, например, газета "Serbske

^{*} За двадцать лет существования серболужицкого издательства "Домовина" (1958-1978) было издано 350 названий художественной и 200 названий детской литературы преимущественно на верхнелужицком языке [18, 187].

"Nowiny" не придерживалась установленных норм литературного языка, а регулярно и сознательно нарушала их, употребляя ряд форм, характерных для протестантского конфессионального варианта. На всех изданиях из сферы массовой информации лежала печать старых конфессиональных вариантов литературного языка.

В современной Лужице газета "Nowa doba" - наиболее действенное средство донесения до массового читателя актуальной информации на чистом литературном языке. Проникновению его норм в широкие круги населения способствуют такие периодические издания: ежемесячный общественно-политический и литературный журнал "Rozhlad", методический журнал для учителей "Serbska šula", детский журнал "Rjomjo" (в двух версиях - верхнелужицкой и нижнелужицкой).

Совершенно новым средством массовой информации являются передачи Радио LDR (через радиостанцию Котбус) на серболужицком языке (как верхнелужицком, так и нижнелужицком).

Верхнелужицкий литературный язык (нижнелужицкий - в меньшей мере) успешно используется в повседневной работе национальной социалистической организации "Домовина". Выступления на собраниях, семинарах, заседаниях, документация (планы, протоколы, инструкции, отчеты и т.п.), переписка между звеньями организации ведутся в основном по-верхнелужицки*.

В сфере производства серболужицкий язык используется ограниченно. Если в производственных коллективах в деревне во время работы родной язык лужичан слышится часто, то это все же местный диалект с какими-то возможными наслоениями литературного языка. И в городе в рабочих коллективах литературный язык услышать трудно (здесь, естественно, преобладает немецкий язык, так как чисто лужицких коллективов нет), хотя в каких-то специфических условиях, в небольших группах, не исключено употребление литературного верхнелужицкого языка.

В быту используется целая шкала языковых феноменов: местные немецкие говоры, немецкий литературный язык, серболужицкие диалекты, диалектная речь с наслоением старых вариантов письменного языка, диалектная речь с примесью элементов

* Не исключается из этой сферы, как и из других, немецкий язык. Некоторые мероприятия "Домовины" проводятся специально по-немецки, чтобы привлечь участников, не знающих родного языка, а также граждан немецкой национальности.

современного литературного языка, чистый верхнелужицкий литературный язык. Последний идиом в современной Лужице употребляется гораздо шире, чем это было, например, сорок или пятьдесят лет тому назад. Сейчас в городах, да и в деревне, довольно много интеллигенции, воспитанной на нормах современного литературного языка. Значительная часть этой интеллигенции пользуется как письменной, так и устной формой литературного языка.

Как видно из сказанного, верхнелужицкий язык в Верхней Лужице выполняет общественную функцию в широком диапазоне сфер человеческого общения. Принципиально он не уступает даже языкам ряда молодых и малых наций, и это совершенно естественно, так как не форма общности людей (народность, нация) определяют его употребительность в различных сферах человеческой деятельности. Определяющей является общественно-экономическая формация, которая ставит перед теми или иными общностями людей (производственными, национальными, культурными) различные задачи, для выполнения которых используется то или иное средство общения. В каждом государстве, в федерации государств складываются языковые ситуации, порожденные в первую очередь производственными отношениями, но также и социально-культурными факторами.

Общественное функционирование языка (того или иного его идиосма) является условием, необходимым для жизни и развития языка. Употребление литературного языка в различных сферах человеческого общения неразрывно связано с уровнем структурного развития языка, с выработкой письменной и устной его разновидности, с зарождением и использованием стилей. Здесь между функционированием с структурной развитостью и гибкостью имеется тесная взаимная диалектическая обусловленность. Расширение диапазона функционирования (употребления во все новых и новых сферах общения) порождает с т р у к т у р н у ю о т т о ч е н н о с т ь литературного языка, хорошая кодификация норм и стиливого разнобразия обуславливают надежное функционирование.

Эту диалектическую связь можно ярко продемонстрировать на примере верхнелужицкого литературного языка.

После первой кодификации нового верхнелужицкого литературного языка (1848 г.), то есть после официального его признания, в первые десятилетия сферы употребления его были ограничены. Не было хорошей возможности для надежной проверки

правильности кодификации, отсутствовали условия для возникновения стилей. Только в деле, в работе можно проверить качество и возможности инструмента, только в повседневной практике можно целенаправленно усовершенствовать этот инструмент.

Благодаря титаническим усилиям многих деятелей национального движения верхнелужицкий язык медленно, но неуклонно проникал во все новые сферы человеческой деятельности, а вместе с этим совершенствовались правила его употребления, создавались стилевые разновидности, возникали новые средства выражения.

В тридцатые годы XX в. верхнелужицкий литературный язык был уже сравнительно хорошо кодифицирован в области грамматики и несколько хуже в лексике, но в условиях неравноправности народа и неблагоприятной для лужичан языковой политики государства норма литературного языка не была обязательной для всех, что было одной из причин, тормозящих развитие прочих качеств литературного языка (отрицательно сказывались малые возможности печатания, отсутствие преподавания литературного языка в школах).

Резко изменилась ситуация после 1945 года. Во избежание возможной стихийности в трактовке норм литературного языка была издана грамматика П. Вовчерка [24], опирающаяся на довоенную грамматику Г. Краля. Спустя десятилетия языковеды отмечали, что Вовчерк кодифицировал нормы литературного языка не совсем прецизно и не во всех случаях верно [12], но надо ясно сказать, что в 1949 г. некому было заняться теоретическими вопросами, а следовало в спешном порядке дать рекомендации учителям, работникам печати и т.д., хотя эти, в основном довоенные, рекомендации не всегда были научно обоснованными. Кодификация норм была закреплена в словаре Ф. Якубаша [14]. Этот словарь, заключающий 30 тыс. заглавных статей, в приложении имел грамматический справочник, состоящий из пронумерованных таблиц, на числа которых отсылали индексы, имеющиеся при каждом слове в корпусе словаря. Словарь сыграл огромную роль в стабилизации норм литературного языка, на практике значительно облегчал поиски и нахождение нужной и рекомендованной кодификаторами формы слова. Слабой стороной словаря Якубаша была кодификация самого словарного состава, так как сильно проявляющиеся пуристические стремления составителя привели к включению в сло-

варь неупотребительных и не имевших шансов на выживание слов.

Школа размножила рекомендуемые правила склонения, словообразования, спряжения, соединения слов в сочетания, правила чередований и пр. во множестве школьных учебников и учебных пособий по родному языку.

Однако в ряде случаев наблюдался разнобой в нормах, в том числе в орфографических правилах. Возникали дискуссии на страницах журналов, обсуждались какие-то проблемы в "Языковой комиссии", но законченного кодекса правил правописания не было. В 1962 г. издательство "Домовина" выпустило в свет на ротаципнте школьный орфографический словарь, который должен был одновременно служить основой для всеобщей дискуссии, а в 1970 г. вышел из печати "Верхнелужицко-немецкий словарь. Орфографический словарь", нашедший отклики в научном мире, в том числе в СССР [23]. Словарь был утвержден "Верхнелужицкой языковой комиссией" при Президиуме национальной организации "Домовина" как обязательное пособие для школ и издательства. Обязательность его практически подтверждалась Министерством народного просвещения ГДР, признавшим словарь школьным пособием. Появившаяся в 1974 г. книга "Верхнелужицкая орфография и пунктуация" [22] имеет такой же статус, как и словарь.

Нет до сих пор единой нормативной грамматики, фонетики и орфоэпии верхнелужицкого литературного языка, книги, в которой был бы дан ответ на все вопросы, возникающие у пользователей литературным языком. В научной грамматике Г. Шевца [20; 21] не всегда можно найти однозначную рекомендацию, которую ожидают практики. Впрочем, дела обстоят не так уж плохо, как может показаться при знакомстве с критическими статьями. В них, как мы уже упоминали, поднимается голос против ряда форм литературного языка, которые плохо подтверждаются живыми народными говорами [12]. Нет нужды здесь спорить по существу с критикой, поскольку ясно, что внесение в наше время существенных коррективов — запоздалая реакция. Нововведения только расшатали бы сложившуюся (хотя и не совсем научно оправданную) норму, которая, на наш взгляд, достаточно стабильна и хорошо обслуживает общество.

Отдельного внимания заслуживает отношение интеллигенции к вопросам культуры речи. Правильность выражения — забота не только писателей, журналистов, работников радио или учителей. Культура речи волнует более широкие круги населения. Нельзя сказать, что это нечто совсем новое у лужицких сер-

бов. Еще в прошлом столетии на страницах журналов велась борьба за правильность речи, против ошибок и грубых выражений. Однако основным мотивом выступления журналов была очистка литературного языка от германизмов и некоторых других варваризмов. Это не значит, что борьба с элементарными ошибками сводилась только к осуждению неправильностей, вызванных влиянием немецкого языка на речь двуязычных лужичан.

К сожалению, критика пуристов не всегда была приемлема, а их рекомендации часто были искусственными, нежизненными.

В наше время старые мотивы (напр., борьба с германизмами) остаются актуальными, но социальная основа их уже изменилась. Во-первых, в сознании масс не все немецкое по происхождению достойно порицанию, ибо исчезло недоверчивое или даже враждебное отношение к немцам. С исчезновением антинемецкого духа в среде лужичан этот эмоциональный фактор перестал играть важную роль. Во-вторых, утвердившийся в социалистическом обществе статус верхнедужичского литературного языка, укрепление его среди широких кругов населения, кодифицирование литературного языка и закрепление во множестве печатных изданий его норм — все это делает верхнедужичский литературный язык достаточно крепким и устойчивым. Ему уже не могут угрожать отдельные германизмы. Использование в разговорной речи или даже в литературных произведениях немецкого слова (*doch* вместо *tolá*, *wirklich* вместо *woprawdźity*), срабизированного германизма (*lazować* вместо *čitać*), немецких калек и полукалек (*špocirkij* — нем. *Spazierstock*), калькированных словосочетаний (*hawptska wěc* — *Hauptsache*) и т.п. не могут нарушить (а тем более разрушить) сербодужичского литературного текста. Молодые писатели, напр., К. Кравц, А. Стахова и др. в речи персонажей (а иногда преднамеренно в речи автора) воспроизводят немало таких элементов, которые лет пятьдесят тому назад на страницах книги были бы осуждены. Современные (особенно молодые) писатели не боятся в целях создания колорита использовать разговорные и диалектные элементы. Например, специально употребленные формы слов типа *шб* (вместо литер. *пу*), *миže* (вместо литер. *миžojo*), *wostaj při nami* (вместо *při nas*), *буду jim přiказаć* (вместо *přiказам*), если ими не злоупотреблять, хорошо вписываются в канву повествования.

Эти сознательно введенные германизмы и диалектизмы (разговорные элементы) стали новым стилистическим средством сер-

будущих писателей. В период становления литературного языка в XIX в. это было невозможно. Возможность использования этих средств в современных условиях свидетельствует об устойчивости литературного языка.

Если вернуться к мысли об активной борьбе за чистоту и красоту литературного языка, то следует назвать конкретные шаги, предпринимаемые отдельными лицами и организациями. В первую очередь надо назвать "Языковую комиссию" при Президиуме "Домовины", одной из главнейших задач которой является борьба за культуру речи. Созданная в первое послевоенное десятилетие, комиссия на общественных началах издавала рекомендации, публиковавшиеся в газете "Новая доба". Но только в 1979 г., когда работа комиссии была поставлена под контроль государственных органов [15], от деятельности ее можно ожидать хороших результатов.

Большую работу по разъяснению широким кругам населения необходимости пользоваться литературными, апробированными в кругах наиболее образованных слоев форм выражения, принятых лучшими писателями в их произведениях, проводил журнал "Разгляд". Он помещал статьи и заметки об употреблении отдельных слов, форм, словосочетаний. В конце 60-х годов активность журнала значительно снизилась. Со временем роль советчика по вопросам культуры речи взяла на себя редакция газеты "Новая доба", которая стала помещать в воскресном приложении интересные заметки для любителей родного языка. Не оставило без внимания вопросы культуры речи и издательство "Домовина", которое издало книжечку под прозрачным названием "Меньше ошибок!" [17]. Правда, все названные мероприятия в области культуры речи пока недостаточны.

Ни один, даже самый развитой мировой литературный язык не мог бы успешно выполнять все возложенные на него функции, если бы его носители пренебрегали нормами литературного языка. Поэтому борьба за овладение массами наиболее правильными и в эстетическом отношении привлекательными формами выражения — задача всех культурных народов. Она стоит и перед учеными, и литераторами в Лужице. Актуальность ее здесь особенно велика, так как в условиях двуязычия и диглоссии отход от признанных норм выражения имеет благоприятную почву. В Лужице ощущение индивидом правильности речи притуплено из-за действия разнообразных средств коммуникации. Например, вместо литературного верхнедухичского *čłowjek* (čłóuǰek) в речи

жителя Бауцена, уроженца, например, села Кликс, может появиться спонтанно *šloŋsk*, а в каких-то ситуациях и немецкое *Mensch*. Приведенный случай примитивен, но он хорошо представляет суть дела.

Из сказанного выше можно заключить, что в современной Лужице вырабатываются разговорные варианты литературных языков (не только верхнелужичского, о котором мы все время в основном говорим, но и нижнелужичского). Процесс этот неоспорим, хотя о факте его существования высказывались сомнения. Мы убеждены, что в верхнелужичском литературном языке некая разговорная разновидность существовала уже до второй мировой войны. Такой вывод можно сделать на основе анализа частной переписки, а также некоторых жанров литературы.

В наше время не ведутся специальные исследования разговорного варианта верхнелужичского литературного языка, поэтому нелегко очертить даже контуры его нормы. Однако фрагментарные наблюдения позволяют установить, что носители верхнелужичского литературного языка, придерживаясь принятых норм в официальном устном общении, в непринужденной обстановке пользуются системой лексики и грамматики, которая не совпадает полностью с системой, предусмотренной кодификацией письменного языка. Наблюдатель легко улавливает большую свободу в употреблении германизмов и немецких слов, почти полное отсутствие причастных форм, употребление широко распространенных в диалектах, но отвергнутых кодификацией форм (*rŕi namŕ, rŕi wamŕ*) и т.д. Можно с уверенностью сказать, что в разговорном варианте верхнелужичского литературного языка процесс нивелировки диалектных особенностей достиг значительного прогресса.

* *
* *
* *

Одной из важных задач современной сорабистики является изучение структуры разговорного варианта верхнелужичского литературного языка. В заключение следует сказать и о других задачах, стоящих перед лингвистами. Хотя в наше время уже ведутся серьезные работы по проблемам интерференции разных языковых феноменов на территории Лужицы [16], тем не менее все еще недостаточно исследуется влияние двуязычия на динамику норм литературного языка — верхнелужич-

кого и нижнелужицкого. Смелее следует изучать живые процессы, протекающие в нижнелужицком литературном языке, изыскивать на основе научных исследований пути увеличения его функциональности в обществе.

Литература

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. Изд. 2. М., Госполитиздат.
2. В.И. Ленин. Полн. соб. соч. Т. 25. М., Госполитиздат.
3. Виноградов В.В. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи. М., 1963.
4. Гухман М.М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. I-II. М., 1955-1959.
5. Дешериев Ю.Д. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Развитие общественных функций литературных языков. М., 1976.
6. Трофимович К.К. Диалектика развития литературного языка и художественной культуры (на серболужицком материале). - В кн.: Международная научная конференция "Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст". Тезисы докладов и сообщений. Киев, 1979.
7. Трофимович К.К. Смена общественно-экономических формаций и развитие верхнелужицкого литературного языка. - *Letopis Instituta za serbski ludospyt, rjad A. Budyšin*, 1980, N 27/1.
8. Трофимович К.К. Становление и развитие верхнелужицкого литературного языка. АД. Минск, 1978.
9. Трофимович К.К. Формування літературної мови серболужицької народності. - "Мовознавство", К., 1978, N 5.
10. Суž В. DDR und die Sorben. Eine Dokumentation zur marxistisch-leninistischen Nationalitätenpolitik in der DDR. Bautzen, 1969; 2. Teil, 1979.
11. Faska H. Z džěławosće Hornjoserbskeje rěčneje komisije. - *Rozhlad, Budyšin*, 1978, N 9.
12. Faska H. Wuwićé normy hornjoserbskeje spisowneje rěče a jeje kodifikacije. - *Rozhlad, Budyšin*, 1975, N 7.
13. Hoffmann H.J. V. Festiwal swědči wo přódnosći a wuslěd-

- kach socialistiskeje kulturneje politiki (z narě-
če ministra za kulturu NDR). - Nowa doba, 30.5.1980.
14. Jakubaš F. Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.
 15. Kasper M., Michałk Fr. Zaměry a nadawki Serbskeje rěč-
neje komisije. - Rozhlad, Budyšin, 1979, N 4.
 16. Michalk Š., Protze H. Studien zur sprachlichen Interfe-
renz. I-II. Bautzen, 1967-1974.
 17. Nawka A. Mjenje zmylkow. Rady a pokiwy za dobrou serb-
šćinu. Budyšin, 1972.
 18. Nowinkar 78. Powěstnik Ludoweho nakładnistwa. Budyšin,
1978.
 19. Nowusch H. Die Gleichberechtigung der Bürger sorbischer
Nationalität in der DDR - verwirklichtes Menschen-
recht. Bautzen, 1978.
 20. Šewc H. Gramatika hornjoserbskeje rěče. Fonematika a mor-
fologija. 1. zwjazk. Budyšin, 1968.
 21. Šewc-Schuster H. Gramatika hornjoserbskeje rěče. Syn-
taksa. 2. zwjazk. Budyšin, 1976.
 22. Völkel P. Hornjoserbska ortografija a interpunkcija. Pra-
widža. Budyšin, 1974.
 23. Völkel P. Hornjoserbsko-němski słownik. Obersorbisch-
deutsches Wörterbuch. Prawopisny słownik hornjo-
serbskeje rěče. Budyšin, 1970.
 24. Wowčerk P. Kurzgefasste obersorbische Grammatik. Phone-
tik und Morphologie. Berlin, 1949; 2. Auflage, 1954.

ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПОПЫТОК СОЗДАНИЯ НОВОГО СЛАВЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: РЕЗЬЯНСКИЙ В ИТАЛИИ[‡]

А.Д. Дуличенко

"Я склонен думать, что славяне Северной Италии долго еще сохраняют свой язык и свои этнографические особенности... Непосредственное соседство и постоянные сношения со славянами в Австрии [т.е. со словенцами Словении], необыкновенные способности к изучению и свободному владению несколькими языками, известного рода национальная гордость, не позволяющая менять народный язык точно вышедшее из моды платье, - вот факторы, которые, вероятно, еще долгое время не позволят итальянским славянам сделаться фурланами", - так говорил в "публичной лекции, читанной в пользу голодающих 14 марта 1892 г. в актовом зале Дерптского университета" о северо-итальянских славянах, в том числе и о резьянах, крупнейший славист и диалектолог И.А.Бодуэн де Куртене, горячий "резьянизм"^I которого проявился не только в приверженности и пламенной и преданной любви к небольшому славянскому уголку (срав. его высказывания типа: "Здесь я чувствую себя почти как дома"; "... их край стал мне почти второй родиной"; "... я вынес из этих краев самые светлые, самые приятные воспоминания" и под.), но и в серии больших, поистине планомерских, работ по резьянскому диалекту, вызвавших в последней трети XIX - начале XX вв. (да и сейчас) активный интерес и внимание научных и общественных кругов Европы к славянской

[‡] Статья является дополнением к разделу "Проба создания литературной резьянщины" подготовленной нами к печати монографии "Очерки славянских литературных микроязычков и их проектов" (машинопись), стр. 483-492.

В собирании материалов и исследовании резьянской литературно-языковой проблематики большую помощь оказали академик М. Матичетов и профессора Н.И. Толстой и А.Е. Супрун, которым автор выражает сердечную благодарность.

^I Термин И.А. Бодуэна де Куртене, употребленный им без кавычек в упомянутой лекции, см [2, 29].

(resp. словенской) Резии. Резьяне не только "не поменяли народный язык", но, напротив, сохранив его, предпринимают решительные попытки создать свой собственный литературный язык.

* * *

Первые эксперименты по созданию резьянского литературного языка относятся, вероятно, к XVIII в. По крайней мере, как свидетельствовал Б. Копитар [26, 176-180], в XVIII в. резьяне пользовались религиозными (рукописными) книгами на родном языке. Одну из таких книг в 1791 г. во время поездки в Резию обнаружил польский граф Я. Потоцкий: "Scatca dottrina cristiana" - сборник христианских поучений, переведенных с итальянского. Концом XVIII в. датируется так же переводной катехизис "Libri od, Lvzi nebeske", созданный в 1797 г. в с. Нива и найденный И.А. Бодуэном де Куртенэ во время его диалектологической экспедиции к североитальянским словенцам. И.А. Бодуэн де Куртенэ обнаружил и несколько иной вариант катехизиса. Оба варианта известны под названием "Резьянский катехизис - Il catechismo resiano" и опубликованы И.А. Бодуэном де Куртенэ трижды - оригинальной графикой в 1875 и 1895 гг., в фонетической транскрипции (и отдельной книгой) - в 1894 г. [5; 19, 445-474; 18]. Существовали и другие резьянские тексты преимущественно религиозного содержания. Большинство из них так и не обнаружено до сих пор [36, 123-144; 35, 9]. Не опубликовал по не известным нам причинам большое число резьянских письменных памятников и И.А. Бодуэн де Куртенэ; в предисловии к своим "Материалам для южнославянской диалектологии и этнографии" он писал, что объемом собранные им в 1890-1893 гг. рукописные тексты, подобно "Резьянскому катехизису", могли бы составить целый том: "Die Ausgabe dieser Texte ist einem besonderen Bande vorbehalten" [19, XIV].

Все (или почти все) эти тексты были по преимуществу переводами с итальянского либо переложениями или переделками (опять же по итальянскому или латинскому образцу), хотя есть основания полагать, что резьяне создавали и оригинальные тексты. Таков, вероятно, сборник христианских проповедей "Christjanske uzihilo", составленный в с. Раванцы в 1845-1850 гг. и опубликованный И.А. Бодуэном де Куртенэ в 1913 г. [1]. По крайней мере, священник из Удине Иван Тринко (Don Giovanni Trinco), к которому обратился И.А. Бодуэн де Кур-

тенэ, высказал мнение, что сборник представляет собой оригинал, а не перевод: "Moje trdno mnenje torej je, da Vas rezijanski tekst je original, ne pa kak prevod..." [1, 137].

Лингвистический анализ указанных текстов позволяет утверждать, что резьяне уверенно шли по пути создания литературно-языкового койне (менее показательны в этом отношении тексты личного характера - письма, отдельные записки и сообщения и т.п., связь с соответствующими говорами которых ощущается сильнее). Уже И.А. Бодуэн де Куртенэ в комментариях к резьянскому катехизису [5, 267] обратил внимание на то, что в нем "соблюдены не все особенности нивского говора и что составители текста употребляли язык, в известной степени искусственный, сообразуясь как с особенностями не только местного (нивского) говора, но и других говоров, так и с этимологически-морфологическими связями обозначаемых слов"; срав. далее: "... даже в самом зародыше литературного развития, даже столь малочисленные письменные произведения не отражают в себе вполне ни одного местного говора, но представляют, с одной стороны, в некотором смысле смесь разных говоров, с другой же - плод теоретических соображений составителей". И раздел комментариев им назван "Искусственность языка"! Действительно, в резьянском катехизисе свидетельств выйти за рамки одного говора (в частности, нивского) много. Так, представляющие специфику резьянского диалекта так наз. "темные" гласные ö, oe, ü, у в катехизисе не отражены, т.е. они специально не обозначены и передаются точно так же, как соответственно о, е, и, i; заимствованные романские существительные на -г "подведены под аналогию существительных с 'мягко' оканчивающейся основой на -гј- (confessorju, salvatorja); наблюдается архаизм некоторых морфологических форм: bè, nalese, povì (аорист), sprvj в.м. sprjvudý (настоящее совершенное), poznat в.м. poznàn (страдательное причастие) и под. - ни аориста, ни первых форм настоящего совершенного и страдательного причастия живой резьянский диалект не знает; велик процент заимствования романского происхождения, что объясняется не только фактом перевода указанных текстов с итальянского, но и их содержанием, поскольку религиозные тексты пронизаны значительным числом абстрактной (религиозной) лексики, чуждой разговорному языку, - "в обыденной речи резьян, - пишет И.А. Бодуэн де Куртенэ, - это романское влияние гораздо меньше" [5, 17-267; срав. также явление в

предисловии к "Резьянскому катехизису": "Текст катехизиса противоречит данным, сообщенным мною в 'Опыте фонетики [резьянских говоров]' " [5, 37].

И в тексте "Christjanske uzhilo" видны попытки поднять резьянский диалект до уровня литературного языка: "Jedenfalls es [Christjanske uzhilo] ein mensch geschrieben, der das resianische vollständig beherrschte und vermochte, dasselbe als schriftsprache zu verwenden", писал И.А. Бодуэн де Куртене. Здесь также итальянизмы (+ словенизмы, т.е. заимствования из словенского литературного языка) составляют много больший процент, чем они встречаются в живой речи [1, 113, 118]. При этом варьирование во всех этих текстах как внешних (графических и орфографических), так и внутренних (языковых) элементов достаточно велико.

ж ж
ж

Развивающаяся тенденция к созданию литературно-языкового койне несомненно свидетельствовала о наличии у резьян в XVIII-XIX вв. литературно-языкового процесса, конечной целью которого было создание резьянского литературного языка. Однако литературно-языковой процесс здесь был достаточно слаб, как и слабы были связи между отдельными звеньями, его составляющими. Показателем слабости этого процесса является, например, факт сильного варьирования языковых и графико-орфографических элементов (срав. ниже приводимые примеры варьирования, например, z , zz , zh для [č] и др.), отсутствие специальных программ литературно-языкового развития, культурных обществ, печати в широком смысле слова (в XVIII-XIX вв. резьяне не смогли издать ни одной книги) и под.

Во второй половине XIX в. на резьянский литературно-языковой процесс оказывает воздействие движение за национальное и языковое возрождение в славянских странах и прежде всего движение по созданию общесловенского национального литературного языка и внедрению его в систему просвещения, администрации и культуры. Этот факт "не мог не привлечь к себе внимания итальянских славян", - писал И.А. Бодуэн де Куртене [2, 40] и добавлял при этом, что "довольно часты здесь жало-

² Сохраняем используемую И.А. Бодуэном де Куртене для немецкого языка орфографию.

бы на полное исключение резьянского языка из школы, причем жалующиеся ссылаются на положение австрийских славян, прежде всего крайно-словенцев... Резьянские патриоты завидуют крайно-словенцам и выражают желание, чтобы и в их школах учили не только по-итальянски, но и по-резьянски или если уж преимущественно по итальянски, то по крайней мере с помощью резьянского... Этот метод практикуется отчасти теперешним резьянским учителем и теперешней резьянской учительницей, но он не только не одобряется официальными органами итальянского правительства, но даже просто осуждается, как ведущий к сепаратизму и вообще неблагонамеренный" [4, 292]³.

И все же итальянское правительство вынуждено было сделать кое-какие уступки славянам своего Севера. В 1866 г., свидетельствует И.А. Бодуэн де Куртенэ, оно "спросило святопетровских славян и резьян, не желают ли они школы на своем языке. Ответ последовал отрицательный... Виновниками этого решения были сервилитические волостные чиновники, пожелавшие польстить новому начальству и ответившие на вопрос, не спрашивая мнения самого народа. Так погубили наш язык, - жалуются местные патриоты" [2, 407].

Тем не менее и в этой ситуации резьяне постоянно заботились о своем языке: составляли новые и переписывали ранее созданные тексты; в школе на свой риск учителя применяли резьянский не только в устной форме, но и в письменном виде, используя для этих целей ставшую уже традиционной в резьянской письменности итальянскую графику; более того, "закон божий преподавался здесь постоянно и преподается еще и теперь по-резьянски. Следствием этого применения отечественного языка в педагогической практике является заметный успех народного образования в Резии" ([4, 266, 1967; см. также [5, IУ] и свидетельство И. Тринко [1, 1387]).

В конце прошлого века И.А.Бодуэн де Куртенэ обратил вни-

³ Ассимиляторская политика тогдашних итальянских властей проявилась и в развивавшейся ими пресловутой теории единого языка на всей территории страны, срав. формулировку "la patria è là, dove si parla la stessa lingua", т.е. "отечество есть пространство земли, на котором употребляется один и тот же язык". "Между тем ведь это ложь, - жаловалась И.А. Бодуэну де Куртенэ учительница-резьянка, - какая же здесь la stessa lingua (тот же язык)? Разве у нас тот же язык, что у итальянцев?" [2, 41].

манье также на некоторые признаки зарождения среди северо-итальянских славян движения за признание их национально-языковых и культурных прав (появился проект организации в городском музее в Чивидале особого славянского отдела, требование внедрения славянского языка в школах и под.) [2, 43]. В этой связи закономерно ставился вопрос и о том, каким должен быть резьянский литературный язык? Нам неизвестно, были ли в этот период высказаны или же опубликованы специальные программы литературно-языкового развития резьян. Возможно, подобных программ и проектов не существовало вообще. Однако есть живое свидетельство И.А. Бодуэна де Куртене о том, что резьяне раздумывали над вопросом создания своего литературного языка, хотя сформулировать его (этого вопроса) решение оказалось делом весьма трудным, срав.: "По мнению самих резьян, бельский говор более всех прочих годится для письменного употребления, говор же нивский, отличающийся особенною 'мягкостью' и своеобразной шепелявостью, должен бы быть общим разговорным языком всех обитателей Резии" [3, 115].

Идея создания литературного языка на одной говорной основе (бельской) и его устной формы на другой (нивской) так и не была реализована. Собственно, в существе своем эта идея содержит противоречие, которое непросто разрешить. К тому же в начальный период становления и развития нового литературного языка такая расстановка говорных основ не может считаться удачной и перспективной.

* *
* *
* *
* *

Лишь на рубеже 70-80-ых гг. XX в., т.е. буквально на наших глазах, движение резьян за собственный литературный язык принимает массовый и организованный характер. Кульминационным моментом в этом отношении явилась проведенная 21-23 августа 1980 г. в с. Раванцы конференция по проблемам графики и орфографии резьянского литературного языка - "Conferenza sui problemi di una ortografia pratica del Resiano". Материалы и информация об этой конференции любезно предоставлены нам академиком Милко Матичетовым, крупнейшим современным исследователем резьян, инициатором многих акций, направленных на утверждение и развитие резьянского литературно-языкового процесса. Прежде чем сказать о целях, задачах и результатах первой резьянской графико-орфографической конференции, счи-

таем необходимым остановиться на тех предпосылках, которые создали условия и сделали возможным говорить в полный голос о новом (и перспективном) этапе создания славянского литературного языка в Резии.

Одной из наиболее существенных предпосылок следует считать достаточно хорошую изученность резьянского диалекта. Первым его изучал И.И. Срезневский, посетивший с этой целью Резию в 1841 г. [12, 153-155]. Однако "пальма первенства" в изучении резьянской речи принадлежит И.А. Бодуэну де Куртене, который, как он сам признавался в отправленном из Гориче в 1873 г. письме к И.И. Срезневскому, "с лихорадочным рвением занялся исследованиями словенских говоров" и "успел подробно изучить все славянские говоры в Северной Италии (в том числе 6 резьянских говоров)..." [11, 192-193]. Результатом его многократных поездок в Резию явились "Опыт фонетики резьянских говоров" и лишь частично опубликованный резьянский словарь - первый диалектный славянский словарь [3, 4, 223-371]; фрагмент резьянского словаря И.А. Бодуэна де Куртене опубликован Н.И. Толстым в 1966 г.: [6, 183-226]; см. также [15, 21-22; 14, 25, 11-23].⁴ Ф. Рамовш, так и не побывавший в Резии [32, 37], пользовался материалами И.А. Бодуэна де Куртене и определил место архаического резьянского диалекта среди других диалектов словенского языка [42, 107-121; 41, 30-41; 43, 124-126]. Одна из последних работ по резьянскому вокализму принадлежит Т. Логару [32, 1-10].

Издание произведений резьянского народного творчества, особенно с 60-х гг., также повлияло на ход развития молодого литературного языка. Едва ли не единственным исследователем и издателем резьянского поэтического и прозаического творчества является академик М. Матичетов. Он опубликовал множество текстов таких рассказчиц и песенниц, как Тина Вайтова/Вайтава (Tyna Wajtawa), Минка Сантиг/Сантичева (Minka Santig/Santičeva), Дорина Чункина (Dorina Čunkina) и др. (см. выходящую в удинском Обллетене "All'ombra del Canin-Pod Tjanynowo Sinc" резьянскую библиографию за 1929-1979 гг. М.Матичетова [34]; публикации под №№ 74, 75, 76а, 76в, 77, 98, 99, 100, 115, 119, 121, 123 и др.). Резьянский фольклор

⁴ Уже к концу XIX в., после работ И.А. Бодуэна де Куртене, Т. Флоринский, имея в виду хорошую изученность резьянского диалекта по сравнению с другими словенскими диалектами, писал: "Более всего почастливилось резьянскому наречию" [16, 386].

публикуют такие издания в Любляне, как "Prostor in čas", "Sodobnost", "Slavistična revija", "Glasnik Slovenskega etnografskega društva"; в Горнице это ежегодник "Trinkov koledar", в Триесте - ежегодник "Jadranski koledar", "Zaliv", "Dan", в Удине - "All'ombra del Canin - Pod Tjanynowo Sinco", "Ce fastú? Bollettino della Societa Filologica Friulana", "Studi di letteratura popolare friulana" и др. Высшим достижением здесь являются прекрасно изданные М. Матичетовым в 1972 и в 1973 гг. сборники резьянской народной поэзии "Rožice iz Rezije" и народных сказок "Zverinice iz Rezije" [35; 38]; в 1976 г. М. Матичетов издал в Любляне три иллюстрированные книжечки резьянского фольклора [24; 46; 31]. Стараниями акад. М. Матичетова резьянские тексты непременно включаются в антологии и сборники словенского фольклора (см., например, [20; 29; 28] и др.).

К сказанному следует добавить выход пластинок с резьянскими мелодиями и песнями, переиздание в Словении, в Резии и в СССР работ И.И. Срезневского, С. Врза, С. Цафа, И.А. Бодуэна де Куртене (см., например, [45; 6] и т.д.). Наконец, отметим важность издания резьянской библиографии акад. М. Матичетова [34], которая выйдет также отдельной книгой.

Литературно-художественное творчество становится тем фактором, который ставит непосредственную задачу создания литературного языка и его нормирования. Если в XIII-XIX вв. резьянская письменность представлена преимущественно религиозным (и в большинстве своем переводным) жанром, то в XX в. наряду с этим жанром развивается и литература светского содержания. Правда, резьянское литературно-художественное творчество только в стадии зарождения. Но и сейчас мы можем отметить здесь некоторые достижения. В 1927 г. Йозеф Крамаро (Josef Kramarо/Cramarо) выпустил в Горнице отдельной книгой (это первая печатная резьянская книга!) текст христианских поучений в собственном переложении "To kristjanske učilo" [27]; книга была подвергнута лингвистическому анализу со стороны Ф. Гамовша [44, 157-159]. В 1930 г. вышел первый резьянский поэтический сборник Марии Копетти Кюндиной "Canzoni reziane" [21]. После войны издан пока один сборник резьянских стихотворений Дорини ди Ленардо "Te rosaiansche učiže" [30]. Акад. М. Матичетов регулярно публикует стихи резьянских поэтов в различных словенских и итальянских периодических изданиях: в 1974 г. он представил общественности поэта

Джилберто Барбарино (Gilberto Barbarino) из с. Била, в 1980 г. — поэтессу Сильвану Палетти (Silvana Paletti), поэта Ренато Кваля (Renato Quaglia) из с. Солобицы (см., например: [17, 24-25; 39, II37-II41; 40, I25-I28]); известны также имена поэтов Талико Брида Ковача (Taliko Břida Kovač) из Солобиц, Рино Кинезе (Rino Chinese) из Осоян и некот. др.

Сбор и публикация резьянского фольклора, а также оригинальных резьянских литературно-художественных текстов проводится преимущественно учеными и культурными деятелями Словении, пример которой в плане языкового, литературного (и шире — культурного) развития для резьян достаточно притягателен. Точно так же, глядя на своих "южных братьев" (т.е. хорватов Хорватии), в XIX в. под влиянием идей хорватского национального Возрождения "освежали" свой литературный язык и свою культуру градишанские хорваты; благотворное воздействие "юга" сохраняется здесь по сей день (см. подробно об этом [8, 86-146]).

Научный интерес к резьянскому диалекту и резьянской культуре привел к первой научной и международной по характеру конференции, которая была организована Колумбийским университетом из Нью-Йорка и проведена 23-24 сентября 1979 г. в с. Раванцы. Конференция была посвящена 50-летию со дня смерти И.А. Бодуэна де Куртене, которого до сих пор хорошо помнят в Резии, а в последней трети XIX в., когда он посещал Резьянскую долину, его считали там "просто вернувшимся на родину сыном одного резьянина".⁵

* * *

*

Все выше названные факторы самым непосредственным образом способствуют подъему этнического и языкового самосознания резьян. При этом одной из главных целей культурного пробуждения резьян становится создание и совершенствование собственного литературного языка.

Этому вопросу и была посвящена прошедшая в с. Раванцы августовская конференция 1980 г. по проблемам резьянской графики и орфографии. Конференция носила международный характер, поскольку в ней приняли участие представители славистики Югославии (акад. М. Матичетов), Голландии (лингвист

⁵ Свидетельство самого И.А. Бодуэна де Куртене, см. [2, 29].

Б.М. Грен из Утрехтского университета) и США (Э.П. Хэмп из Чикагского университета).⁶ Из итальянских лингвистов присутствовали Дж. Б. Пеллегрини из Падуанского университета, Дж. Франческато из Триеста и Дж. Фрау из Удине. Как свидетельствует акад. М. Матичетов, время конференции было выбрано весьма удачно — как раз проходил самый большой резьянский праздник "Amagna miša", когда в Резьянскую долину съезжается большое число резьян из других мест Италии и из-за границы; кроме того, на заседаниях конференции присутствовало много молодых резьян, которые живо интересовались предметом обсуждения и задавали многочисленные вопросы [33, II8]. Ход конференции освещался многими периодическими изданиями на словенском (например, "Primorski dnevnik", "Novi Matajur", "Primorske novice" и др.) и итальянском языках ("Il Messaggero Veneto", "Il Gazzettino", "All'ombra del Canin - Pod Tjapunowo Sincò" и др.)⁷. В качестве рабочих языков конференции выступали итальянский и резьянский. Последний впервые прозвучал на официальном форуме такого рода: на нем была произнесена поздравительная речь к участникам, на нем говорили и докладчики.

Первостепенная важность решения графико-орфографических вопросов резьянского литературного языка вытекает из насущных практических потребностей резьянского просвещения и культуры вообще. Выступившая на конференции учительница Дорина ди Ленардо Бельтраме рассказала о сложностях, возникающих при введении резьянского в школьное образование. В частности, встает вопрос о том, какую графику следует использовать при записи резьянской речи [33, I20-I21; 23, I7].

На конференции выявилось два основных подхода к решению графико-орфографических проблем литературной резьянщины.

Согласно одному из них, резьянская графика должна быть итальянской, поскольку резьяне получают образование на итальянском языке. Эту точку зрения отстаивал Джованни Клементе Томасиг (Giovanni Clemente Tomasič) из Билой. Однако графический проект этого автора сразу же обнаружил свои слабости. В частности, докладчик для выражения, например, фонемы [š] использует (по итальянскому образцу) два способа пе-

⁶ Э.П. Хэмп не дождался начала конференции, однако оставил свой материал, который и был оглашен.

⁷ В качестве образца мы помещаем в приложении материал из чедадского издания "Novi Matajur", являющийся важным документом современной резьянской культуры.

редачи и оба составного характера, т.е. *sc* (перед гласными переднего ряда) и *sh* (во всех остальных случаях). Непрактичность и нелогичность этого приема (особенно для славянского языка, частотность употребления фонемы [š] в котором много выше, чем в итальянском) становятся очевидными, когда в одном и том же слове требуется применить и *sc*, и *sh*, срав. *roshluscej*.

В русле "итальянского решения" резьянской графики находился и проект американского лингвиста Э.П. Хэмпса "Per un alfabeto resiano pratico", выработанный при непосредственном участии голландца Б.М. Грена, который и огласил перед участниками конференции его текст. В пятом пункте проекта так и сказано: "Conformità massima con la lettura ulteriore [simultanea della lingua] ortografia italiana" [33, 119].

Акад. М. Матичетов замечает, что, согласно установкам этого проекта, фамилия резьянки из Осоян *Anna Sessaia* должна была бы писаться как *Anna Žėkawā*, в то время как по-словенски ее можно передать, как *Ana Čekava* [33, 119]. Э.П. Хэмпс предложил двойное написание, например, существительных типа "огонь" — как *ohogn* и как *wagign*. М. Матичетов задает в этой связи вполне логичный вопрос: как в соответствии с предложенным проектом следует писать форму родительного падежа единственного числа этого существительного — *ohgna/waggn*? [37, 124]. Проект, таким образом, слишком научен (если только судить по написанию фамилии резьянки Анны Чекавы) и мало практичен. Поэтому среди участников конференции он не вызвал поддержки.

Резьянец Альдо Мадотто (*Aldo Madotto*) обосновывал необходимость принятия для литературной резьянщины словенской графики. Проект в основном удачно отражал резьянскую консонантную систему. Его слабой стороной оказалось непоследовательное обозначение резьянских гласных, которые не имеют четкой артикуляции и сильно варьируют от говора к говору.

Акад. М. Матичетов продемонстрировал на конференции 40 диапозитивов с графическими решениями, которые применялись с ХУШ в. в резьянской письменности. Здесь также выделяется "итальянская струя" с ее специфическими обозначениями типа *gn* для [n']: *gnih* [n'ih], *sàdgnen* [sàdn'en]; *ch* — для [k] перед гласными переднего ряда и *c[k]* в остальных случаях: *viliche* [vilike], *ni cradi* [kradi]; *zh, zz*, а также и *z* для [č]: *zhas* [čas], *ozzi* [oči], *zlovech* [človek] и под. Срав.

также применявшиеся по итальянскому образцу ненужные (по-скольку нефункциональны) для резьянского удвоения согласных типа *Mattere, billi, sdillani* и под. К тому же специализация многих знаков не четка и сильно варьирует даже в пределах одного текста (срав. прилагаемые образцы текстов № 1, 2, 3).

Но уже в XIX в. в резьянскую письменность вводятся и элементы славянской латинической ("гуситской") графики. В 1806 г. Й. Добровский опубликовал письмо А. Пишеля, где и применил специфические *š, ž, š* и под. И.И. Срезневский также прибегал к этому же типу графики в комбинации с другими знаковыми элементами западноевропейских языков (правда, его записи больше научного, чем практического характера), срав. записанную им в Билой песню:

Gõra Kílina mojà!
 ná ma trísti počuwál,
 da, kòj sa príde nú tu dnò
 ná ma trísti anu dnò [13, 57],

где *š*, но и *ö* и т.д.

Словенский тип графики последовательно применяли при публикации резьянских письменных памятников словенцы С. Браз и С. Цаф. В опубликованном И.А. Бодуэном де Куртенэ памятнике "Christjanske uzhilo" особенно очевидно стремление к отражению славянской (и словенской) латинической графики; срав. две редакции одного и того же раздела в этом памятнике - "Od sveteha Karsta" (написан в 1845 г.) и "Od karsta sveteha" (написан в 1850 г.):

1845	1850
násho dušho	našo dušo
tákoj Buh kuašúje	tai Buh kuašuje
ušhíuat	ušíuat
je kárszhen	je karsčen

(см. текст приложения под № 2).

Что касается И.А. Бодуэна де Куртенэ, то он использовал для записи резьянской речи научную систему графики, которая, кстати, опиралась не на итальянскую, а на славянскую латиническую традицию. Проекта практической графики и орфографии И.А. Бодуэн де Куртенэ, насколько нам известно, почему-то не дал, хотя и был свидетелем зарождавшегося резьянского литературно-языкового процесса и осознавал стоявшие в этом на-

правлении перед резьянскими деятелями задачи.⁸

В XX в. Й. Крамаро опубликовал свой катехизис "To kristjanske učilo" [27] графичкой словенского типа, срав.: učilo, kuaženega, kristjanske, katekizma, rareža и под., т.е. č, ž, k, j, z.

В связи с изданием резьянского фольклора и произведений оригинального литературно-художественного творчества установилась и плодотворно развивается тенденция к использованию графики, опирающейся в основном на словенскую (и шире - южнославянскую латиническую) традицию, т.е. на гайицу. Поскольку резьянский диалект в звуковом отношении является достаточно специфическим в ряду других диалектов словенского языка, то применить словенский алфавит в полном составе для резьянского письма представляется делом весьма трудным. Именно поэтому представляется наиболее перспективной развиваемая акад. М. Матичетовым идея создания такой графической системы для литературной резьянщины, которая синтезировала бы в себе разные типы славянских латинических ("гуситских") систем, но при этом основой должна стать словенская гайица (гайчица). Таким образом, согласно этому решению, к словенской гайице прибавляются некоторые элементы хорватской гайицы, например, ć (срав. у Матичетова: úreñćići, ćanunawo, librinćeb; см. образец текста № 5). М. Матичетов сделал также попытку в качестве дополнительного элемента применить характерный для словацкой, чешской, лужицких и польской систем ȳ (tɚukradwysti, nɚso, zarɚsal); использован и знак w в фонетической функции, приближающейся к белорусскому ў (wyžise, wlest, tuw, raklinow); для глухого фрикативного [ɣ] М. Матичетов предложил весьма специфический знак ǰ : roǰan, Ğwen Micelli, vanǰeli svetega Senǰwana (см. образец текста № 5).

Дальнейшим развитием "словенского направления" в создании резьянской графики является включение в ее состав харак-

⁸ Показательно в этом отношении приводимое им дважды, в двух работах, сообщение: "... Учительница местного женского училища Джюсти (Giusti) в Раванце (Sul Prato), говоря со мною о трудностях передачи резьянских звуков, высказала между прочим мнение, что "ta unjarska gramatika ba bila najbojža za naš langač" (венгерское правописание было бы самым подходящим для нашего языка)". См. 3, 121; 4, 3387. Оба раза (в 1875 г. и в 1876 г., когда были изданы работы) И.А. Бодуэн де Куртене не комментирует это высказывание, явно приведенное лишь для подтверждения его ошибочной "туранской гипотезы".

терных для ряда западноевропейских языков знаков *ü, ö, ä*, с помощью которых удастся точнее передать особенности резьянского вокализма. Именно такой комбинацией словенской гайицы и указанных знаков отпечатано официальное приглашение на открытие в Резии первого резьянского дома культуры (см. его текст под № 6).

Проект создания резьянской графики с опорой на словенскую гайицу представляется наиболее удачным. Так поступили, обратившись к своему "корню", многие "островные" этнические группы и народности, перед которыми стояла задача создания собственного литературного языка. В 60-е гг. XX в. молизские хорваты (славяне) Италии применили для своего молодого литературного языка хорватскую гайицу (см. [33, 121]; специально об этом [10, 56-99]); албанцы, проживающие в Южной Италии, также используют в своей письменности албанский тип латиницы. Русины Югославии, проживающие в Воеводине и в некоторых местах Хорватии, используют для своего литературного языка украинский тип кириллицы (т.е. с *ї, ъо*, старым *г'* и др.), хотя в отдельные периоды среди них возникали и проекты перехода на кириллическую графику сербского типа (т.е. с *њ, љ, ј* и др.) [9, 231-243]. Одна из важнейших причин именно такого подхода при создании графики состоит в опасении, что лексические и проч. элементы окружающего национального литературного языка крупного народа в оригинальной графической и орфографической форме потоком хлынут в молодой литературный язык и захлестнут его; графические же отличия воспрепятствуют этому весьма опасному для начальной стадии развития литературного языка процессу и создадут в то же время оригинальность его письменных форм.

ж ж

ж

Гаванская конференция 1980 г. не решила резьянскую графико-орфографическую проблему, однако она выявила существующие подходы к вопросу дискуссии. При этом были вскрыты слабости предложенных проектов и указано на необходимость создания такой синтезированной графической системы, которая смогла бы отразить наиболее существенные черты основных резьянских говоров. Для этой цели в декабре 1980 г. предполагалось создать координационный комитет, а в 1981 г. планируется проведение второй резьянской конференции, на которой

ождается принятие уже определенного проекта графики и орфографии для резьянского литературного языка [23, 27]. Можно надеяться, что графико-орфографические проблемы литературной резьянщины будут в скором времени решены, как и решен вопрос о говорной основе этого литературного языка. Активное оживление культурной жизни в славянской Резии налицо. К тому, что мы уже сказали, хотелось бы добавить и ряд новых моментов. В 1979 г. по триестскому радио (Trieste A) впервые вышла в эфир получасовая передача на резьянском языке; с 13 октября 1979 г. резьянские передачи ведутся каждую вторую субботу после полудня [33, 117]. В 1980 г. в Резии на средства, предоставленные Словенией, построено первое культурное учреждение резьян - Rozaianska kulturna hiša - об этом красочно извещает опубликованное в Удине на трех языках (итальянском, резьянском и словенском) приглашение на открытие 22 ноября 1980 г. этого дома (текст приглашения, имеющий историческое значение, приведен нами в приложении, см. № 6). По сообщению акад. М. Матичетова, в настоящее время ведется работа по подготовке и выпуску первого резьянского периодического издания (письмо к актору настоящей статьи от 21.1.1981 г. из Любляны).

Ж Ж
Ж

Немногим более десятка лет назад, в 60-ые гг., среди молизских хорватов, небольшого славянского "острова" в Южной Италии, зародилось движение по созданию собственного литературного на местной диалектной основе (икавско-штокавской, несколько чакавизированной) и с применением хорватской гайицы. С 1967 г. на молизско-хорватском в Риме стал выходить журнал "Naš jezik - La nostra lingua", затем ежегодник-календарь и журнал "Modra lasta - Rondinelle azzurre" напечатана молизско-хорватская грамматика, делаются попытки ввести молодой литературный язык в школу. Однако, как показывает резьянский эксперимент, молизско-хорватский не был самым последним в Славии опытом создания нового литературного языка. На рубеже 70-80-ых гг. мы становимся свидетелями еще одной попытки такого рода: rozajanski lengač на пути утверждения в качестве нового славянского литературного микроязыка.

Литература

1. Бодуэн де Куртене И.А. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. *Materialen zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie*. III. Резьянский памятник - *Resianische Sprachdenkmal "Christjanske uzhlilo"*. - Записки ист.-филологического факультета имп. С.-Петербургского ун-та. Часть СХIV. Спб., 1913.
2. Бодуэн де Куртене И.А. О славянах в Италии. - *Русская мысль*, 1892, кн. 6, июнь.
3. Бодуэн де Куртене И. Опыт фонетики резьянских говоров. - *Варшава-Пбг.*, 1875.
4. Бодуэн де Куртене И.А. Резья и резьяне. - *Славянский сборник*. Т. III. Спб., 1876.
5. Бодуэн де Куртене И. Резьянский катехизис, как приложение к "Опыту фонетики резьянских говоров", с примечаниями и словарем. - *Варшава-Пбг.*, 1875.
6. Бодуэн де Куртене И.А. Резьянский словарь (под редакцией Н.И. Толстого). - *Славянская лексикография и лексикология*. М.: Наука, 1966.
7. Валенте С. О славянском языке в Резьянской долине во Фриули. - В кн.: И.И. Срезневский. *Фриульские славяне*. Спб., 1878; отдельный оттиск: Спб., Тип. имп. АН, 1978, 8 с.; статья на итальянском языке ("*Sul linguaggio slavo della Valle di Resia in Friuli*") и является перепечаткой из изд. *Giornale di Udine*, 1868, N 293, 9 dicembre.
8. Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). II. Градищанско-хорватский литературный язык в Австрии. - В кн.: *Проблемы внутроструктурного и функционального описания языка*. (Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 524. Труды по русской и славянской филологии. XXXIII). Тарту, 1980.
9. Дуличенко А.Д. О творению орфографичних нормох русского литературного языка. (У вязи з издаваньом "Правописа русского языка" М. Кочиша). - *Шветлосц, рок X, Нови Сад*, 1972, № 3.

10. Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). I. Попытки молиско-славянского литературного языка в Италии. - В кн.: Проблемы описания системы языка и ее функционирования. (Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 486. Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая. XXX). Тарту, 1979.
11. Смирнов С.В. И.А. Бодуэн де Куртене и И.И. Срезневский. - В кн.: Из истории русского языкознания. (Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 310. Труды по русской и славянской филологии. XIII. Серия лингвистическая). Тарту, 1973.
12. Срезневский И.И. О наречиях славянских (ошибка: словенских). - ЖМНП, 1841, ч. XXXI, август, раздел II.
13. Срезневский И.И. Фриульские славяне. Статьи И.И.С. с приложениями. Спб., 1878.
14. Толстой Н.И. О работах И.А. Бодуэна де Куртене по словенскому языку. - В кн.: И.А. Бодуэн де Куртене (к 30-летию со дня смерти). М., 1960.
15. Толстой Н.И. Принципы построения резьянского диалектного словаря И.А. Бодуэна де Куртене. - В кн.: Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя. 27 сентября - 6 октября 1961 г. Тезисы докладов. Под ред. Б.А. Ларина. Л., 1961.
16. Флоринский Т. Лекции по славянскому языкознанию. Часть I. Введение. Юго-западные славянские языки (болгарский, сербо-хорватский, словинский). - Киев, 1895.
17. [Barbarino G.] *Pesem iz Rezijske*. - In: *Dan, leto 4, Trst, 1974, št. 6.*
18. Baudouin de Courtenay J. *Il catechismo resiano. Con una prefazione del dott. Giuseppe Loschi.* - Udine, 1894, 113 p.
19. Baudouin de Courtenay J. *Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie. I. Resianische Texte, gesammelt in den JJ. 1872, 1873 und 1877...* St-Petersburg, 1895; заглавие также на русском языке: *Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии; текст катехизиса, с.447-474; его отдельный оттиск: Baudouin de Courtenay J. Il catechismo resiano. ["Ta dütřyna kriřtřanska"]. Pietroburgo, [1895] (Ошибочно дано: 1891), 28 p.*

20. Brenkova K. Slovenske ljudske pripovedi. - Ljubljana, 1970.
21. [Copetti M.] Canzoni resiane. Opera Naz. Dopolavoro - Resia. Tip. C. Elia. - Gemona, [1930].
22. Dobrowský J. Über die Slawen im Thale Resia. In einem Schreiben von 14. April 1801 verzeichnete... A. Pfe-
šel]y... - In: Slawin, Prag, 1806, Heft 2, S. 120-
128; переиздание см. также: Slawin, Prag, 1833, S.
118-124.
23. (g.v.). Rezijani hočejo svoj jezik ne le govoriti, ampak
tudi pisati. - In: Novi Matajur, leto 7, Čedad, 1980,
št. 17, 1.-15. sept.
24. Grdina in rusica. Rezijanska pravljica. Povedala Jelica
v Borovičju, zapisal M. Matičetov. - Ljubljana, 1976,
16 s.
25. Jakopin F. J. Baudouin de Courtenay - slovenski dialek-
tolog. - In: VIII Seminar slovenskega jezika, lite-
rature in kulture. 3.-15. julija 1972. Predavanja.
- Ljubljana, 1972.
26. Kopitar B. Die Slaven im Thale Resia. - In: Vaterländi-
sche Blätter für österreichischen Kaiserstaat, Jg.
IX, Wien, 1816.
27. Kramar J. To kristjanske učilo po rozoanskeh ta s tega
katekizma, kuaženega od tega svetega Očè papeža Pi-
ja X., pretano od jera Jozefa Kramaro, kapalana v
Osojanih. - Gorica, 1927, 50 (+ 4) s.
28. Kumer Z. Pesem slovenske dežele. - Maribor, 1975.
29. Kumer Z., Matičetov M., Merhar B., Vodušek V. Slovenske
ljudske pesmi. I. Pripovedne pesmi. I. - Ljubljana,
1970.
30. Lenardo D. di. Te rosaiansche uisize. Canti resiani. -
Udine, 1974, 117 (+ 3) s.
31. Lisica pridigala kokošim - Petelin, volk in lisica. Re-
zijanski pravljici. Povedala Dorina Čunkina, zapisal
M. Matičetov. - Ljubljana, 1976, 16 s.
32. Logar T. Rezijanski dialekt. (Glasoslovna skica). - In:
VIII Seminar slovenskega jezika, literature in kul-
ture. 3.-15. julija 1972. Predavanja. Ljubljana, 1972.
33. Matičetov M. Pred izbiro pisave za rezijansčino. - In:
Jadranski koledar 1981. Ur. J. Koren. Trst: Založni-
štvo Tržaškega tiska, [1980].

34. Matičetov M. Pubblicazioni resiane e su Resia nel periodo 1927-1979. - In: All'ombra del Canin - Pod Tjanynowo Sinco, Udine, 1979.
35. Matičetov M. Rožice iz Rezijske. Nabral in presadil M.M. - Koper-Trst-Ljubljana, 1972.
36. Matičetov M. Scritti resiani. - In: Ricerche slavistiche, vol. XII, Roma, 1964.
37. Matičetov M. "Srčna govorica" ali poezija Rezijske Silwane Paletti. - In: Jadranski koledar 1981. Ur. J. Koren. Trst, [1980].
38. Matičetov M. Zverinice iz Rezijske. Ujel in udomačil M.M. - Ljubljana-Trst, 1973.
39. Paletti S. "Rezijska srčna govorica". - In: Sodobnost, leto 28, Ljubljana, 1980, št. 12.
40. Paletti S. Stiri pesmi. - In: Jadranski koledar 1981. Ur. J. Koren. Trst, 1980.
41. Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika. VII: Dialekti. - Ljubljana, 1935.
42. Ramovš F. Karakteristika slovenskega narečja v Rezijski. - In: Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino, leto 7, Ljubljana, 1928.
43. Ramovš F. Kratka zgodovina slovenskega jezika. - Ljubljana, 1936.
44. Ramovš F. Nov rezijski katekizem. - In: Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino, leto 7, Ljubljana, 1928.
45. Sreznevskij I.I. I Resiani. - In: Gli Slavi del Friuli. Edito a cura del Circolo di Cultura Resiano. Gorizia, [1959]; вторая часть в издан. Gli Sloveni del Friuli. Udine, [1976].
46. Tri botre lisičice. Povedal 10. febr. v zaselku Ta pod Klancon v Rezijski Stefano Di Floriano, Štifen taw mlinu, posnel in poknjižil M. Matičetov... - Ljubljana, 1976, 24 s.

I

Образы резьянских текстов

I. Il catechismo resiano

Nà ime od Oggiè, od Sinu, anù od Svetaha Duha. Tacu bodi.

Tè dua Misteriha principal.

Tè parvi misterih iè dan sami Buh, dishtint tuv tresh Persunah, chà ni sè clizzajo, Oggià, Sin, anù Sveti Duh, s nò samo bisido Santissima Trinitat.

Tè sehond misterih, dà ta sehond persuna, chà to jè Sin, an jè se sdelal zlovech tuv svotè od Marie Vergine, an jè patel anù umar sanas tanà Crishu, an sè clizze Giesù Crisht, nash Redentor, ver Buh, anù ver zlovech ...

Baudouin de Courtenay J. Materi-
alien zur südslavischen Dialek-
tologie ... I. St. Petersburg, 1895;
S. 447.

2. "Christjanske uzhilo"

a) Od svèteha Kársta (1845).

Tu tin sàdgnen uzhíle ja si uan rékal, da ti svéti Sacramíntovi ni so nikár drúseha, koi míttelnovi, ki skuóse gne tu náshe sárze se ulíuajo méritovi od mártre Jésusa Chrístusa. Sie uan rékal, da bres grázhie Bóshje ne móremo sdéllat nikár dobríha. Sa uojo ísòhà Buh nan shinkúje gnehà svéto grázhio, ma nan jo shinkúje skuóse te svéte Sacramínte. Mamè coshè ushíuat te svéte Sacramínte, zhie mi zhiémo délat to dóbre, anù salvát násho dúsho; ma mamò je ushíuat tákoi Buh kuašúje. Sa da vi moréita je ushíuat tákoi Buh kuašúje, ja si obezhial uan shpiegàt anu sdrobèt usè ...

b) Od karsta sveteha (1850).

U Pondejak ja si uan rekal, da ti sveti Sacramíntovi so ti mittelnovi, ki tu nasho sarze uliuajo merite od Jesusa Chrístusa, anu pomahagne potríbne sa šivit prau, anu sa salvat našo dušo. Sa uojo isso mamò usiuat te svete Sacraminte; ma mamò je usiuat tai Buh kuašuje. Par da vi moreita je usiuat prau, je potríba da vi je intendaita. Sa uojo isso ja

zhion uan spiegate usse zhistu Sacraminte. Sveti Karst je te parvi: od issoha coše ja zhion uan romonēt: anu ja zhion uan pokasat, od koha anu sa koi je bil istituen issi Sacrament; koi nan šinkuje; koi sa dne dolnostni ma ti ki je karsčen...

Бодуэн де Куртенэ И. Материалы для южнославянской диалектологии.... III... Спб., 1913, с. 8, 91.

3. Minka Santig/Santičeva

- a) Te rosizе sengiuanave, b) Te rožice sengwanave,
da ni mi chasaio da gio, ka ni mi kážaō da 'gō',
ma lipama mi di da ne, nu lípa mā mi dí da 'né'.
parosize milesaio. Pa róžice mi lěžaō!
- c) So rožice ivankice
lepo pokazale mi 'da',
moj ljubi pravi pa, da 'ne'.
Še rožice mi lažejo!
- a) Cacò to lepo zittira b) Kakú to lěpo citirà,
ma mle tomaio fraina ma mle to majo frájina,
cha ni tuu ballo lipame. ka ní tow bálo lípa mē.
- c) Kako lepo igra cítira,
al malo mi veselja da,
ko ni na plesu ljubega ...¹

Iz rezijanske ljubezenske lirike. - In: Prostor in čas, leto 4, Ljubljana, 1972, s. 281.

4. Silvana Paletti

- A. a) Rozajanave
Mi se znamo. Mi vimo, da či simò.
Tame stuu mijarjou čemo se poznet.
Mi se čujamo. Mi se kličemo.
Mi znamo našo krij.
Druge jude ni nes gledajo
teј te strašne vedauce,
ni nes študijajo teј no čudno rič,
ni iščejo naše korane.

¹ а) - строфа народной песни в записи М. Сантичевой, в) - эта же строфа в передаче М. Матичетова, с) - в переводе на словенский литературный язык.

Jarbol raste,
ma sve vijece, sve rožice,
nu tana isimo sveto
pa unon je za kej.

b) Rezijani

Mi se poznamo. Mi vemo, kdo smo.
Med stotisoči se bomo spoznali.
Mi se čujemo. Mi se kličemo.
Mi poznamo našo kri.
Drugi ljudje nas gledajo
kakor strašne védavce,
nas študirajo kot čudo,
iščejo naše korenike.

Drevo raste,
ima svoje lističe, svoje cvetove,
in na tem svetu
tudi ono je za kaj.¹

S. Paletti. Rezijanska
srčna govorica. -- In: Sodobnost,
leto 28, Ljubljana, 1980, št. 12,
s. 1140.

B. a) Sunce grij

Po pote uod mé živjosti
sunce rude grij,
usako dušo to ugrij.
Mlaka uod dobrute
uod miga serca
mej se ni šušl.
Dej me roko
nu pujdè na smiho
srest to sunčece,
ke mej me ni pustl.

b) Sonce sije

Po poti mojega življenja
sonce zmerom sije,
vsakogar ogreje.
Dobrotni studenec
mojega srca

¹ a) - резьянский текст, б) - перевод на литературный словенский язык; то же и в тексте В.

se nikdar ne vsuši
Podaj mi roko
in pojdi nasmejan
naproti sončecu,
ki me nikdar ne zapusti.

Jadranski koledar 1981.
Ur. J. Koren. Trst, [1980], s.126.

5. Milko Matičetov

Judi moji ti tuw Rezji!

Wtyčaci, ko na jin je wrastla pluma ano ko ni so ura vlastet ziz gnjizda, sa jin di da úrenčiči. Ni wmijo litat ano ni majo se žyvjet sami. Nje gnjizdo - to dulyno Rezjine - ne čejo napret pustit an vlastet po svete pa ise wyžice.

Moji kumpanjavi ano ja semo zapysali 1962-1972 prejtet pul mijarja wyžic, ma ja si vybral izde koj wsako to osantnjo, devatnjo: isi muj makič a ma trykradwysti rožic. Ne so wrastle ta pod goro Škarbinino, Kucerino, Plazino, Banerino, Sartawo, Čanynawo ano Bargynawo.

Ja se čujen dužen was lepo zahwalet vse, ke ste nan peli...

To mi fes hudo di, ko tuw Rezji ja čujen, da "Neš lengač te den boštard lengač!" "Tej rumunymo my, se na more pysati!" Dubej vi, skod ne vilažajo jte take norotaje! Zakoj se ba ni moglo pysat po nes?! Tuw 1791, ko paršel sew Rezjo grof Jan Potocki, plevan Čwen Micelli (1730-1814) an mu šinkal den librin, pysan po rozojanskeh na roko: "Cratca dottrina cristiansca". Ta na Njive je bil napysan 1797 "Libri od luzi nebesche". To bo wžej dwa čantanarja lit, ke ti rozojanski jeruvi Negro, Moznich, Coss, Micelli an na vimo kiri šče ni so pražali po rozojanskeh te svete wyže "Stabat mater", "Dies irae", psalme "De profundis" an "Miserere", vanğeli svetega Sengwana, parabolo wod Zgubjeniga syna ano šče družega. Profesor Baudouin de Courtenay an je štampal 1913 "Christjanske uzihilo": prediče, kire den brumni jero ta na Ravanci je si pysal po rozojanskeh 1845-1850. Šče 1927 osojski kapalan Lžef Cramaro an je štampal dutryno po rozojanskeh, ma fis itadej ne paršla na huda "slana", ke na je wparila karje rožic; pa kapalan Cramaro ziz njaga dutryno an je mažal tet wkrej wod Rezje....

Po rozojanskeh se more lepo pysat pa to ka ny sveto.Rej-

nik Šemun Bilac ziz Osojan, peryt, anu njaga rejnica kunjada Marica Kundina ta na Njive, maještra, ny so zapysali try "Canzoni resiane", ke ni so je štampali tuw Gumyne 1930. Ta na Solbici a je den poeta, ke šćale an pyše wsaka sjort wyž po rozojanskeh. To ny den wučenyk aleboj den, ke hodel taw te škule, to den bruzavec: Taliko Brida Kowač (1902). Ma to den človek, ke an ma rade to naše romoninje ano ke to mu plaža navantat tu nu zde kako vesalo wyžico po solbaških ...

Из предисловия к книге: М. Мати-
četov. Rožice iz Reziye. - Koper-Trst-
Ljubljana, 1972, s. 7-10.

6. Ključanjö

a) Zis srcen was ključamö za sanalöst tana ravance, tuw Reziye, saböto 22 novembarija, na 3 ore po puwdnö, za dät tuw puest judin ta pet növeh hüš za stat ano to rozaiansko kulturnsko hüšo, ka nän šinkalš Republika Sočialista Federativna Jugoslavije.

b) Vljudno vas vabimo, da se udeležite svečanosti, ki bo na ravenci v Reziyi v soboto 22. novembra 1980 ob 15. h.:

- Otvoritev kulturnega doma

- Izročitev ključev lastnikom petih novih hiš, dar SFR Jugoslavije.¹

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ: Comune di Resia,
Provincia di Udine. INVITO - KLUCANJO
- VABILO. Prato di Resia 22-11-1980.

II

I. Rezijani hočejo svoj jezik ne le govoriti, ampak tudi pisati

Na Ravanci v občini Rezija so priredili shod o vprašanjih praktične pisave rezijansčine. Sklicali so ga v montažni zgradbi, ki služi za mase in za priložnostne prireditve. Dokler ne bodo dogradili kulturnega središča, za katerega je dala sredstva Slovenija, nudi ta objekt največ prostora za zbiranje občanov. Rezija je namreč še vedno porušena in oko-

¹ a) - резьянский текст, b) - текст на словенском литературном языке.

li 80 odstotkov njenih prebivalcev živi v barakah*.

Toda huda elementarna nesreča ni ustavila procesa narodnostne identifikacije Rezijanov. Poleg velikih naporov za obnovo porušenih vasi, ki edina lahko zagotovi ohranitev te skupnosti, je v teku tudi akcija za odkrivanje zgodovini tega ljudstva ter njegove narodnostne pripadnosti. Tako so po lanskem shodu v počastitev 50 letnice smrti Jana Baudouina de Courtenaya, poljskega znanstvenika, ki se je prvi resno lotil preučevanja Rezijske, v dneh 21., 22. in 23. avgusta priredili srečanje, ki naj bi omogočilo napraviti korak dalje pri preučevanju rezijansčine, tako da je ne bi samo govorili, ampak tudi pisali, z enotno pisavo. To vprašanje se je pojavilo tudi zato ker se je po nasvet zatekla domača učiteljica Dorina di Lenardo-Beltrame. Le ta je začela v šolski pouk uvajati občevalni jezik otrok, vendar ne ve kako naj ga piše. Sama navaja otroka k uporabi italijanskih pismenk, vendar ima pri tem tudi dileme, ker ne ve po katerem narečju naj piše, ta pa so v Rezijski kar štiri. Tako je Giovanni Rotta, predsednik koordinacijskega odbora povabil na shod za ta vprašanja zagrete domačine in ugledne tuje goste. Prireditelji so za predsedniško mizo razobesili ameriško, italijansko in jugoslovansko zastavo, ki so zastopale udeležence teh držav.

Otvoritvene svečanosti so se udeležili župan Antonio Barbarino, župnik Alfonso Barrazutti, predsednik teritorialnega odbora SKZG za videmsko pokrajino prof. Viljem Černo in drugi.

Na shodu so bili najbolj živahni tisti domačini, ki se pri pisanju materinščine srečujejo z neenotnimi merili. Po njihovih posegih sta se v glavnem izoblikovala dva predloga pisave. Aldo Madotto so opredeljuje za slovensko pisavo, Giovanni Clemente pa za italijansko. Aldo Madotto piše besedo "pošlušej" tako kot jo napišemo Slovenci, Clemente pa jo piše takole: "poshluscej". Clemente uporablja torej dva znaka za glas "š", češ, da ga sliši na dva različna načina. Tudi pri besedi "zec" (zajec) obstaja ista razlika: Madotto ga piše kot mi, torej "zec", Clemente pa "sezv". Izgovarjava je vedno ista, pisava pa bistveno različna.

Renato Quaglia je s tem v zvezi dejal, da je potrebno

* Имеется в виду постигшее недавно Северную Италию, в том числе и Резию, стихийное бедствие - землетрясение.

poiskati izvor Rezijanov. Ta je slovanski, pravi Quaglia, zato tudi pisava ne more biti drugačna kot slovanska. Takšna torej kot jo je pisal poljski znanstvenik in toliko drugih za njim. Dodal je tudi, da bo potrebno uvesti v občevalni jezik pozabljene domače besede, ki prepuščajo mesto tujkam.

Holandec Groen, je pokazal kakšno pisavo je sestavil v dogovoru z amerikancem Hampom; naslonil se je na italijanščino.

Slovenski raziskovalec Milko Matičetov je z diapozitivi prikazal kakšne pismenke so uporabljali tisti, ki so kdajkoli in karkoli pisali o Reziiji. Pri tem je prišlo jasno do izraza, da se v znanstvenem svetu uporablja reformistična pisava Jana Husa, ki so jo pred 500 leti začeli osvajati slovanski in neslovanski narodi, jo v polovici preteklega stoletja postopoma osvojili tudi Slovenci ter jo danes v nekaterih primerih uporabljajo Furlani in celo Italijani, kadar pišejo o reziijanščini. Te pisave se je posluževal tudi italijanski general Giz Lenardo, ki je objavil nekaj zapiskov o Reziiji.

Kako izvesti težavno nalogo, ki si jo je zadal odbor?

V tem letu bodo prepisali magnetofonski zapis z vsemi posegi udeležencev v razpravi, decembra bodo sklicali sestanek koordinacijskega odbora, prihodnje poletje pa ponovno srečanje, med katerim bodo sporočili predlog pisave. Ta bo morala nujno biti enostavna in bo morala predstavljati kompromis za vse.

V to sicer mirno deželico med Kaninom in Muzci je črkar-ska pravda vnesla nemir, ki dokazuje življenjsko moč Rezi-janov. Želeti je samo to da bo ta nemir porodil pisavo, ki bo ustrezala izvoru Rezijanov, kot je dejal Renato Quaglia. Ta izvor pa je slovanski. Takšno opredelitev je sprejel tudi občinski odbor, ko je pred dvema letoma poslal skupno z drugimi beneškimi občinami v Rim pismo o svoji pripadnosti. (g.v.)

Novi Matajur, leto 7, Čedad, 1980,
št. 17, 1.-15. sept., s. 1-2.

2. Ključanjö

См. текст № 6 первого раздела приложения.

ОБ ОДНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ В РУССКОМ И СЕРБОХОРВАТСКОМ (ХОРВАТОСЕРБСКОМ) ЯЗЫКАХ

П.А. Дмитриев

Уже неоднократно отмечалось, что в периоды больших социальных или научно-технических изменений в жизни народа особенно очевидно и наглядно проявляется зависимость процессов, осуществляющихся в языке, и прежде всего в лексике, от истории развития общества.¹ Бурные изменения в государственном и общественном устройстве, в производственных отношениях людей, в развитии науки, техники, культуры вызывают к жизни массу новых реалий, явлений, понятий, требующих номинации. Новые реалии, новое, сложное, необычное содержание понятий подчас трудно назвать или выразить одним словом. Они, как правило, сначала получают описательное обозначение, состоящее из нескольких слов. Большой поток такой многосложной информации часто вызывает у носителей языка в целях экономии речевых усилий стремление передавать эту информацию по возможности сжато, лаконично, что находит свое выражение, в частности, в замене описательных, многословных наименований различными, более экономными и более удобными в коммуникативном отношении сложносокращенными словами.

В русском литературном языке сложносокращенные слова появились еще в конце XIX в. Однако особенно активно они стали использоваться после Великой Октябрьской социалистической революции, когда появилось много различного рода учреждений, комитетов, обществ, институтов, новых понятий, отличавшихся от дореволюционных не только по форме, но и по содержанию, для которых и создавались новые наименования. Одним из первых на активизацию в русском языке аббревиатур обратил внимание В.И. Ленин. Аббревиацию он воспринимал как тип слово-

¹ См., напр.: Карцевский С. Язык, война и революция. Берлин, 1923; Селищев А.М. Революция и язык. - В кн.: Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968.

образования и в расширении употребления аббревиатур усматривал проявление тенденции развития в русском языке элементов аналитизма. "Комчанство или комспесь, - писал он. - Русский язык прогрессирует в сторону английского. Нэп, -ком, -проф, -сов, -рабкооп, etc."² Не все сложносокращенные слова, созданные во время Октябрьской революции и в первые годы Советской власти, вошли в активный фонд русского языка и сохранились до наших дней. Однако аббревиация как способ словообразования именно с тех пор прочно вошла в русский язык и в настоящее время является одним из активных путей пополнения его лексического состава.

Точно так же и в сербохорватском языке резкое возрастание интенсивности использования сложносокращенных слов связано с периодами коренных перемен в жизни сербов, хорватов, черногорцев и югославских мусульман - со временем народно-освободительной войны и особенно со временем послевоенного строительства в социалистической Югославии. И, действительно, наиболее распространенные сербохорватские аббревиатуры (Авнoј, Ској, НОБ, НОР, ОФРЈ, СКЈ, Танјуг и т.п.) сами свидетельствуют о времени своего рождения. М. Стеванович, характеризуя аббревиацию, отмечает все возрастающую роль этого способа словообразования в сербохорватском языке именно "в новейшее время".³ Бурная активизация аббревиатур особенно характерна для средств массовой информации в сообщениях о деятельности государственных и административных учреждений, политических и общественных организаций. Дальнейшие социальные и экономические преобразования в социалистической Югославии, научно-технические и культурные достижения югославов порождают и в наши дни все новые и новые сложносокращенные слова: СИБ, СИЗ, САП, СУБНОР, ШИК, ТЛМ, ОССК, ОУР, ОУОР, ЈНА и т.д.

При описании сложносокращенных слов грамматики русского языка указывают, как правило, следующие основные типы: 1) инициальные аббревиатуры (звуковые, буквенные и буквенно-звуковые): вуз, загс, СССР, ЦДСА; 2) аббревиатуры, состоящие из начальных частей слов или усеченных основ (слоговые): местком, завхоз, комсомол; 3) аббревиатуры, включающие в

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 503.

³ Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. I. Београд, 1970, с. 451.

свой состав начальные буквы или звуки и начальные части слов (инициально-слоговые): собес, гороно, сельпо; 4) аббревиатуры, состоящие из сочетания усеченной основы слова с полным словом: запчасти, агитпункт, политбюро; 5) аббревиатуры, образованные сочетанием сложносокращенного слова и полного слова: Главэнергопроект, гострудсберкасса.⁴

Грамматики сербохорватского языка обычно различают аббревиатуры инициальные (ЈАЗУ, СИЗ, АФЖ, СФРЈ), слоговые (Нама, Нолит, Рома, Винтекс) и сокращения смешанного типа — инициально-слоговые (ЈУС, Танјут, Комтрап). Указываются также аббревиатуры, образованные сочетанием усеченной основы и полного слова (Југометал, фискултура).⁵ Таким образом, сербохорватские грамматики, в отличие от русских, не отмечают сложных сокращений, построенных по модели "аббревиатура + полное слово".

В русском языке этот тип сложносокращенных слов представлен несколькими разновидностями. Они могут образовываться сочетанием усеченных основ двух и более слов и полного слова: физкультминутка, Горпищеторг, Мосхлебторг, Швейремонтодежда. Возможны образования, первая часть которых является инициально-слоговой аббревиатурой, а вторая — полным словом: Гипросталь, Гипроникель. Очень редко встречаются сложносокращенные слова, образованные сочетанием инициальных аббревиатур и полного слова — исследователи отмечают лишь единичные случаи их употребления: авометр (измерительный прибор, служащий одновременно амперметром, вольтметром и омметром)⁶, эвм — датотека, эвм — полиглот.⁷

Анализ материала, экспериментированного из сербских и хорватских газет и журналов, убеждает нас в том, что сложные слова, образованные по модели "аббревиатура + полное слово", функционируют и в сербохорватском языке, хотя нами отмечены

⁴ См.: Грамматика русского языка, т. I. М., АН СССР, 1960, с. 275-278; Русская грамматика, т. I. М., "Наука", 1980, с. 255-256.

⁵ См.: Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. I, с. 451-452; Barić E., Lončarić M., Malić D., Pavešić S., Peti M., Zečević V., Znika M. Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1979, s. 235-237.

⁶ Грамматика русского языка, т. I, с. 277.

⁷ Сенько Е.В. Новое в лексике современного русского литературного языка (70-е гг. XX в.). Канд. дисс. (Машинопись). Л., 1980, с. 307.

не все разновидности этого типа, употребляющиеся в русском языке. Так, в сербохорватском языке используются сложносокращенные слова, образованные сочетанием инициально-слоговой или слоговой аббревиатуры и полного слова. Напр.:

Послије застоја од пуних пола године аутомобили и пловила од јучер су поновно могу опскрбити горивом на црпки "ИНА-трговине" на гату испред хотела "Марјан" (Слободна Далмација, 9.УП, 1980, с. 6);

Због захтјева СИЗ УП, који суфинансира часопис, Језик се мора уређивати у складу са захтјевима ИНДОК-службе (Језик, 1980, № 1, с. 32).

Имејући се у нашем распорядку материјал даје могућност претпоставити, да у сербохорватском језику активније, него у руском, употребљају се сложена скраћеница, која се састоје од комбинација иницијалних скраћеница са потпуним речима. Претходно свега обраћају на себе пажњу образовања са позајмљеним скраћеницама. Тако, напр., стабилним је комбинација "НАТО пакт", у којој скраћеница НАТО, будући атрибутивним одређењем, налази се у предлогу к одређеном речу пакт, којој се додаје због нејасноће за читаоце иностраних иницијалних скраћеница:

У сличним оквирима се задржава и "Вашингтон пост", који пише да функционери америчке владе сматрају да ситуација у Турској заслужује "стрпљење и разумевање турских савезника у НАТО пакту" (политика, 5.ИХ. 1980, с. 1).

Често употребљају се различите, настале без утицаја иностраних образаца, образовања са скраћеницама СС:

Али, до забране је дошло, како изгледа, тек када је канадска телевизија емитувала "зимске ратне вежбе" Хофманове групе, у "СС униформама", са "СС ознакама" и наоружањем, којима нису располагали "СС одреди" пре Хитлеровог доласка на власт" (Борба, 2.Х. 1980).

Ова образовања, по-видљивом, не увек се приимају као сложена реч. Написана су поједино, у заградама или преко тачке. У неким случајевима инострани скраћеница допуштају различита (предлог и постпредлог) употребу по односу к одређеном речу у оквирима једног текста. Предлог скраћеница је више пожељан у тим случајевима, када одређено речу употребљено у посредном падежу, напр.:

Изгледало је да се поземашно клупко одмотава када је председник ННПЦ компаније А.К. Харт, притешњен оптужбама, скренуо бујичу према бившој војној влади генерала Обасанца која се прошлог септембра повукла драговољно са власти после одржаних парламентарних избора и образован а цивилне владе (Политика, 30. IX. 1980, с. 9);

Компанија ННПЦ добила је... (там же).

Сочетание аббревиатуры и полного слова следует считать сложным словом лишь в тех случаях, когда оно удовлетворяет двум условиям: а) является сложным названием одного понятия; 2) аббревиатура занимает в этом сочетании первое место (употребляясь постпозитивно, аббревиатуры выступают в качестве самостоятельного слова). Так, напр. аббревиатура НАТО в сочетаниях не со словом пакт не составляет с таким словом названия одного понятия и, соответственно, являясь самостоятельным словом, занимает положение постпозитивного определения:

Нема обнове споразума о војним базама САД све док се Грчка не врати у војно крило НАТО (Политика, 30. IX, 1980, с. 9).

Однако то, что сочетание НАТО пакт следует понимать не только как номинацию одного понятия, но и как одно слово, свидетельствует тот факт, что НАТО и Нато пакт употребляются как синонимы; сочетание НАТО пакт к тому же используется как постпозитивное присубстантивное определение:

Овај дневник износи још један захтев новој власти у Турској - да "створи" услове да се почне решавање кипарског питања, после којег би Грчка пристала да се врати у војно крило НАТО пакта (Политика, 5. IX. 1980, с. I).

В качестве первой части сложносокращенных слов этого типа употребляются и другие инициальные аббревиатуры. Так, в газете "Слободна Далмација" читаем:

"Цетинка" изградила погоне за регенерацију ПВЦ-отпадака, а "Далматинка" припрема супстанцију застарелог погона "Вигонька" (Слободна Далмација, 9. VIII. 1980, с. 9). В этой же заметке встречаем употребление аббревиатуры ПВЦ в сочетании и с другими словами:

Наиме, од ПВЦ-гранулата који се добија регенерацијом ПВЦ-отпадака у матичној радној организацији у Триљу производила би се ПВЦ-фолија и она би се поновно враћала у Врлику гдје би се прерађивала у цетификс (Слободна Далмација, 9. VIII. 1980, с. 9).

В нашем материале не встретилось примеров аббревиатур, состоящих из сочетания усеченных основ нескольких слов и полного слова. Возможно, это связано с тем, что в сербохорватских аббревиатурах, состоящих из начальных частей слов и являющихся названиями каких-либо учреждений или организаций, слова, обозначающие эти учреждения и организации, обычно не включаются в сокращения, а просто подразумеваются: Вартекс - Вар(аждински) текс(тилни) (комбинат); Винтекс - Вин(ковачка) текс(тилна) (индустрија).

Таким образом, можно утверждать, что все основные типы сложносокращенных слов, отмечаемые в русском языке, характерны и для сербохорватского языка. Однако наличие одинаковых основных структурных типов аббревиатур в русском и сербохорватском языках не является свидетельством того, что во всех случаях сложносокращенные слова в этих языках образуются и употребляются одинаково. Произведенное нами сопоставление аббревиатур одного типа показало, что в его пределах имеются различные подтипы и разновидности, состав, соотношение и функционирование которых в русском и сербохорватском языках оказываются разными, тем более что на образование и употребление аббревиатур оказывают существенное влияние не только внутриязыковые, но и экстралингвистические факторы. Более полную картину сходств и различий всех структурных типов аббревиатур в русском и сербохорватском языке раскроет их специальное и более углубленное сопоставительное исследование.

К ОСОБЕННОСТЯМ ГИДРОНИМИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА
ОДНОЙ СЛАВЯНСКОЙ МИКРОЗОНЫ

Ф.Д. Климчук

Выяснение языковой принадлежности гидронимов определенной территории в первую очередь ставит своей целью "воссоздание древнейших языковых, а через них и этнических отношений в [данном]... регионе" [15, 4]. В этом отношении представляет несомненный интерес рассмотрение гидронимического ландшафта небольшого региона древней Славии - Брестско-Пинского Полесья. В научной литературе анализировалось большинство водных названий данного региона, но не рассматривался его гидронимический ландшафт в целом.

Брестско-Пинское Полесье - это преимущественно южные районы теперешней Брестской области БССР или основная часть так называемого Западного Полесья, т.е. области, расположенной между Западным Бугом и Горныню и включающей, кроме указанной области, западноволыньское Полесье. Большую часть Брестско-Пинского Полесья занимает диалектная единица - брестско-пинские (загородские, западнополесские) говоры.

В историко-этно-лингвистическом отношении Западное Полесье, в состав которого входит Брестско-Пинское Полесье, примечательно следующим. Одни исследователи считают эту область частью славянской прародины, другие - регионом первой славянской миграции. Существует также точка зрения, согласно которой Западное Полесье (очевидно, с прилегающими районами) является прародиной славян [9, 111-118; 14, 247-282].

Основные реки и некоторые небольшие речки исследуемой области имеют архаические славянские названия. К ним относятся: Припять [15, 219-220; 20, 173-176], Мухавец [15, 219], Стырь [20, 168-169; 16, 237, 264], Неслуха [16, 257-260], Льва [20, 172; Кобринка (от р. Кобрин в Среднем Поднепровье: [16, 210, 255]), Стубла [20, 171; 16, 264], возможно, Рыта [1, 331].

Указанные гидронимы или соответствующие однокоренные на-

звания распространены в других славянских областях.

В названии Припять К. Мошинский видит праиндоевропейский корень *pet-. Исследователь считает правомерным усматривать другие названия с этим корнем и производными от него, родственными названию Припять: гора Prípet в Чехии, возвышение Pereréte у истоков Припяти, курганы Pereretovuj и Pereretovka а также урочище Pereretovo на Киевщине, реки Černo-pet в южной Белоруссии, Iko-pet/Iko-poť на Украине (Икопоть/Икопеть - приток Случи на Хмельниччине; см. II, 221), Spa-poť в западной России, hnilo-pjať (Гнилоп'ять в бассейне Южного Буга и в бассейне Тетерева; см. IИ, 1437) и Pjatok (П'ятка?; см. IИ: 4547) на Украине.

Гидронимы Мухавец (и Мухавець): рр. Мухавець в бассейне Тетерева на Литомирщине, Мухавець в бассейне Сулы на Сумщине, Мухавець в бассейне Сулы на Черниговщине, Мухавец в бассейне Сейма в Курской области, Мухавец в бассейне Десны в Калужской области, ручей Мухавець в Хмельницкой области, рр. Мухавець Великий и Мухавець Малий в бассейне Сулы на Сумщине, Муховець в бассейне Случи на Хмельниччине [II, 380-381; I5, 219]. Срав. еще апеллятив муховець 'участок заболоченного места, истоптанный скотом' и урочище Муховець 'заболоченная местность указанного характера с прилегающим суходолом и кустарниками' (с. Симоновичи Дрогичинского района Брестской области). Учитывая, что в основе данного гидронима лежит корень *muх- [I5, 219], приводим список других однокоренных названий: рр. Муха в бассейне Збруча на Хмельниччине, Мухавка в бассейне Случи на Хмельниччине, Муханів на Харьковщине, Мухівка на Киевщине, Мухова Зворина в Закарпатье [II, 380-381], водные объекты Муханов, Мухановской в бассейне Оки [I3, I56; I5, 67, I37], населенные пункты Muhovac, Muhovse, Muhovo в Сербии, Muhovići в Боснии и Герцеговине [I8, 301].

Гидроним Стырь и однокоренные названия: рр. Стир - приток Роси в Среднем Поднепровье, Стирець - притоки Стыри на Ровенщине и на Львовщине, Стырик - приток Стыри на Ровенщине, Стыриця - притоки Стыри на Ровенщине и в Волинской области [II, 5307].

С гидронимом Неслуха, возможно, соотносится ручей Неслуш на Черниговщине, с рекой Кобринкой - очевидно, река Кобрин и ручей Кобрин на Киевщине [II, 257], с рекой Стублой - рр. Стубла и Стубелка в бассейне Горны на Ровенщине, Стубло - в бассейне Стыри на Ровенщине, овраги Стубло и Стуболушка на

Харьковщине [II, 535].

Названия некоторых рек с неясной этимологией характеризуются архаическим славянским оформлением (суффикс -ля). К ним относятся: Стремля - правый приток Ясельды, к северозападу от Пинска, и Чамля - левый приток Бобрিকা, в востoku от Логшина [I5, 102-104, карта I2]. С рекой Стремлей, может быть, соотносятся ручьи Стременовий Звір, Стремтура, Стремтурини в Закарпатье, овраг Стремоухівський на Харьковщине [II, 532].

Некоторые названия исследователи интерпретируют как на славянской, так и на балтийской почве: Дорогобужа, Темра, Ясельда [I5, 184, 185, 201, 210, 214].

С рекой Дорогобужа, может быть, соотносятся: рр. Дороганка на Черниговщине, Дорогань на Литомирщине, Дорогинка на Киевщине и на Литомирщине [II, 181], водные объекты Дорогавицы, Дорогилка, Дорогов, Драгилинка, Драгинка, Драгоманка, Драгожица, Драгошанка в бассейне Оки [I3, 26, 30, 42, 89, 126, 197]. Кстати, большинство из них расположено в зоне распространения балтийской гидронимии, а часть, кроме того, в зоне архаической славянской гидронимии [I5, карты 3,9; 16,271, 285; I2, 59-69].

Ятвяжское суффиксальное оформление названия Ясельда (суффикс -да) очевидно. Это название примыкает к ареалу безусловно ятвяжских названий с суффиксом -да [I0, 39]. Однако "в балтийских языках не найдена возможная первоначальная основа названия" [I, 420]. Поэтому славянская корневая основа названия Ясельда наиболее вероятна (*jaslъ- по Т. Лер-Сплавинскому). В пользу этого свидетельствует наличие водных названий с этим же корнем в такой архаической славянской зоне, как украинское Закарпатье: ручьи Яслив в Береговском районе, Ясливський Звір, Ясла в Раховском районе [II, 640], Ясельський в Перечинском районе [II, 638]. Срав. также: урочище Яслі на Украине [II, 640], урочище Jaśla в Подляшье, Jaślówka - приток Вислоки (бассейн верхней Вислы), Jaślany - деревня над Вислокой, Jassel/Jeetzal -- восточный приток Лабон [20, 200], овраги Ясли и Яслинской, а также озеро Яселева (Яселова) Тись в бассейне Оки [I3, 126, 186-188], урочище Яслища (поле и сенокос) в Столбцовском районе Минской области [6, 265], город Ясло в юго-восточной Польше. Кстати, на Пинщине (д. Ласицк, 1974 г.) нами зарегистрирован вариант местного наименования Ясельды - Яселка. При этом следует учи-

тывать наличие балтийского названия: р. Jieslā в Литве [19, 60].

Не исключено, что название р. Ясельды, находившейся на стыке расселения славянских и балтийских племен, неоднократно подвергалось славянизации и балтизации.

Название Пина обычно этимологизируют на индоевропейской или на балтийской почве [20, 179; 15, 201]. Нами высказана мысль о славянской семантике этого названия - 'та, которая выплывает, выпучивается' [4, 66-67]. Местные жители центральной Пинщины, носители говоров, в которых согласные перед рефлексамы этимологического -i- произносятся твердо (напр., мыска, ходьтн), называют реку Пина, жители северо-восточной Пинщины, носители говоров с мягкими согласными перед -i-, называют ее П'ина. Из этого следует допустить наиболее вероятную древнерусскую форму названия реки: Пина (но не П'ина или Пина). Относительно нашего мнения интересную мысль высказала Р.А. Агеева (устное сообщение, 1979 г.). Приводим ее: "Мнение о славянском происхождении Пины заслуживает внимания. С точки зрения семантической все в порядке. Значение "вспучиваться, вспухать" отмечается в целом ряде гидронимов, в частности, в ряде гидронимов древнеевропейских. Х. Краэ и другие исследователи отмечали эту семантику основы. Единственное, что заставляет сомневаться в славянском происхождении Пины - это отсутствие славянской суффиксации, характерной для славянского топонимического типа. "Первичные" названия без суффиксации в славянской гидронимии довольно редки, между тем для древнеевропейской гидронимии они характерны".

В связи с наименованием Пины укажем возможные родственные названия: рр. Пиня в Закарпатье, Пинянка на Днепропетровщине [11, 421], Пина на Сумщине, ручей Пинка в Прикарпатье [11, 425]. Срав. также: рр. Пинихаты и Пиногорь в бассейне Оки [13, 217], населенные пункты Pince в Словении, и Pinčiči в Черногории [18, 342], а также балтийские гидронимы с корнем *pin-: Pintakis 19, 125, Punauja, Punowe, Pinno [15, 201].

Название Висла (правый приток Выслицы, правого притока Бобрিকা) исследователи или связывают с польской Вислой, или допускают ее балтийское происхождение [15, 180].

Исследователи обычно объясняют материалом балтийских языков названия рек Пина и Лань, расположенных в северо-восточной части исследуемого региона [15, 194, 212].

Гидронимы Цна - это названная полесская Цна и две реки с тем же названием в бассейне Березины, притока Днепра, кроме того Цна в верховьях Волги, в бассейне нижней Оки и мелкие реки [I, 397]. Происхождение названия Цна - приток Оки - иное, чем тех же названий в бассейне Припяти и Березины [I5, 212]. Некоторые исследователи (А.И. Соболевский, В.А. Вучкевич) допускают славянскую этимологию гидронимов Цна в Приднепровье [I, 397-398].

На балтийской языковой почве объясняют название р. Пипин в районе Пинска, считая при этом его однокоренным с названием р. Пинн [I5, 201]. Срав., однако, ручей Пипин в Закарпатье [II, 425], а также различное толкование гидронима Пина, о чем речь шла выше.

Ятвяжскими названиями, очевидно, являются расположенные в северо-западной части исследуемого региона гидронимы Пудьва [7, 142, 144, 145] и Гривда [10, 39].

Название Горний одни исследователи этимологизируют на славянской, другие - на иллирийской языковой почве [20, 171; 16, 233-235, 251]. Высказано мнение об иллирийском происхождении названия реки Бреща в северо-восточной части Волынской области, недалеко от ее границы с Брестской областью БССР [16, 177, 250]. Значительная часть Брещи протекает по территории, которая со средневековья до 1939 г. административно входила в состав Пинщины, т.е. имеет непосредственное отношение к исследуемому региону.

Название Ствига исследователи этимологизируют на индоевропейской или на славянской почве [16, 77].

Для названия Буг (Западный) нет общепринятой этимологии [17, 227; 8, 66-67]. Различные этимологии названия этой реки основаны на данных из индоевропейских языков. В.А. Никонов считает, что названия Западный Буг, Южный Буг и Буг в Македонии имеют один языковой источник. Один из доводов в пользу этого мнения является то, что истоки Западного и Южного Буга находятся на близком расстоянии.

Название Буг и однокоренные имеет целый ряд мелких водных объектов: р. Буг в Запорожской области, ручей Буг в бассейне Днестра на Львовщине [II, 72], рр. Бужок в Хмельницкой и Бужок в Житомирской областях, р. Бужок Кругівський, ручьи Бужок Малий, Бужок Олеський и Бужок Опацький на Львовщине [II, 74], р. Божок на Сумщине [II, 62], оз. Божок в Запорожской области [II, 72], р. Буговка и овраг Бугин в бассейне

Ожи [13, 137].

Наконец, ряд названий рек, речек и озер в Брестско-Пинском Полесье имеют прозрачный славянский корень и суффиксальное оформление: рр. Бобрик, Лесная, оз. Белое и др.

Таким образом, приведенный материал дает основание условно выделить следующие языковые типы гидронимов исследуемого региона:

- 1) вероятно, древнеевропейский;
- 2) возможно, древнеевропейско-славянский;
- 3) архаический славянский;
- 4) древний славянско-балтийский;
- 5) древний славянско-иллирийский или иллирийский;
- 6) поздний балтийский, в том числе ятвяжский;
- 7) вероятно, "гибридный" славянско-ятвяжский (Ясельда);
- 8) поздний славянский.

Наиболее древний гидронимический слой — индоевропейский. Если здесь существовали какие-нибудь неиндоевропейские гидронимические названия, то, возможно, некоторые из них исчезли, некоторые индоевропеизировались, а некоторые изменили свою структуру и не поддаются этимологизации.

Появление индоевропейцев в исследуемой области чаще всего относят к рубежу III-II тыс. до н.э. (племена шнуровой керамики или боевых топоров). Однако некоторые исследователи считают возможным отодвинуть эту дату к более раннему времени, по крайней мере, к IV тыс. до н.э. [3, 116-120].

Основной древний гидронимический слой Брестско-Пинского Полесья — архаический славянский. Граница архаических славянских названий в исследуемом регионе на севере приблизительно достигает р. Ясельды. Далее эта граница проходит по Припяти от устья Ясельды до устья Птичи, затем по Птичи и ее притоку Орессе, затем она идет к верховьям Други и водоразделу Днепра и Западной Двины [15, карта 9; 16, 271]. Таким образом, основная часть Брестско-Пинского Полесья находится в северной зоне ареала архаических славянских названий.

Существует несколько точек зрения относительно времени "славянизации" исследуемого региона. Самая поздняя ее датировка — середина I тыс. н.э., т.е. соотношение с распространением здесь пражской культуры; самая ранняя, поддерживаемая рядом ученых (Б.А. Рыбаков, П.Н. Третьяков и др.), — середина II тыс. до н.э., которая связывается с формированием между Одером и средним Днепром из местных и пришлых элементов

тшцинецкой культуры. Некоторые исследователи отодвигают дату появления славян в Западном Полесье ко второй половине III тыс. до н.э. [2, 48-53].

Балтийские гидронимы распространены в северной и северо-восточной части Брестско-Пинского Полесья, приблизительно до р. Ясельды. Таким образом, северная и северо-восточная часть исследуемого региона входят в обширный ареал балтийской гидронимии бассейнов Немана, Западной Двины, Верхнего Днепра, Оки и прилегающих территорий. Балтийские гидронимы исследуемой территории могут быть весьма древними, но могут быть и более поздними, связанными с миграциями балтийского населения на юг.

Особую группу балтийских водных названий составляют ятвяжские гидронимы. К ним примыкает "гибридное", на наш взгляд, название - Ясельда. По В.В. Седову, значительные группы ятвягов к северу от Бреста и в верховьях Ясельды жили на рубеже I-II тыс. н.э. [10, 48-51].

Существуют разные точки зрения (напр., Я. Розвадовского и О.Н. Трубочева) относительно трактовки генезиса водных названий, объясняющихся из двух и более индоевропейских языков [5, 92]. Во всяком случае следует допустить, что славяно-балтийские и славяно-иллирийские гидронимы Западного Полесья отражают разного рода древние славянско-балтийские и славянско-иллирийские отношения. Основанием тому - ареальный аспект этих гидронимов. Так, славяно-балтийские гидронимы примыкают или "вписываются" в ареал балтийской гидронимии. Северо-восточные пределы ареала иллирийских и иллирийско-славянских гидронимов достигают среднего течения Днепра и юго-восточных окраин Брестско-Пинского Полесья [16, 278].

Прозрачные славянские названия дали славяне. Но некоторые водные объекты могли быть славянами переименованы, калькированы или подверглись славянизации и приобрели при этом славянскую языковую оболочку.

Литература

1. Лучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1973.
2. Загоруйский Э.М. Древняя история Белорусии. Минск, 1977.

3. Исаенко В.Ф. Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976.
4. Клімчук Ф.Д. Гісторыка-этымалагічныя нататкі. Бел.Піск, Піна. - Беларуская лінгвістыка. Выпуск 13. Мінск, 1978.
5. Масенко Л.Т. Гідронімія східного Поділля. Київ, 1979.
6. Мікратапанімія Беларусі. Мінск, 1974.
7. Непокупный А.П. Балто-северославянские языковые связи. Киев, 1976.
8. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
9. Оссовский Л. Западное Полесье - прародина славян (по поводу сборников "Полесье", - М., изд-во "Наука", 1968, 302 стр.; "Лексика Полесья". - М., изд-во "Наука", 1968, 476 стр.) - Вопросы языкознания, 1971, № 1.
10. Седов В.В. Курганы ятвягов. - Советская археология, 1964, № 4.
11. Словник гідронімів України. Київ, 1979.
12. Смолицкая Г.П. Картографирование гидронимов Поочья. - Топонимия Центральной России. М., 1974.
13. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
14. Топоров В.Н. Балтийский элемент к северу от Карпат: этнонимическая основа *galind- как знак Балтийской периферии. - Slavia orientalis, тосз. XXIX, Warszawa, 1980, N 1/2.
15. Топоров В.Н. и Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
16. Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т.1. М., 1964.
18. Imenik mesta. Pregled svih mesta i opština, narodnih odbora, srezova i pošta u Jugoslaviji. Beograd, 1956.
19. Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963.
20. Moszyński K. Pierwotny zasięg języka praszkowiańskiego. Wrocław-Kraków, 1957.

ВЗАИМОЗАМЕНА ВИНИТЕЛЬНОГО И ЛОКАТИВА
С ПРЕДЛОГАМИ ВЪ И НА В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ
ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ КАНОНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Л.В. Дуличенко

Давно замеченная вариантность языковых элементов в параллельных канонических текстах древнеславянской письменности привлекает к себе до сих пор весьма активный интерес палеославистов. Этот интерес вызван не только важностью самого вопроса, но и недостаточной его изученностью. В палеославистике на значение исследования грамматических вариантов для решения многих вопросов старославянской морфологии и синтаксиса еще раз указал Й.Курц в статье "Проблематика исследования синтаксиса старославянского языка" (7, 7-8; см. также том избранных работ этого исследователя, изданный в 1972 г.: I5, 9-II).

Л.П.Жуковская в монографии "Текстология и язык древнейших славянских памятников" пишет, что "рациональным является изучение параллельно рукописей одного и того же или традиционного содержания. Среди них для древнейшего периода первое место по числу списков занимают книги, употреблявшиеся в церковном обиходе. Главным преимуществом их для лингвистического исследования является почти полная сопоставимость текста... Сопоставимость материала позволяет выявлять чисто языковые соответствия разных списков: новообразования, диалектные черты, особенности языка, вошедшие при редактировании текста в каком-либо скриптории. Причем эти языковые черты могут относиться ко всем сторонам языка: фонетике, грамматике, связанному с лексикой кругу вопросов... Благодаря этому история многих фонетических и грамматических явлений впоследствии может быть освещена точнее как в аспекте хронологии возникновения и развития каждого языкового явления, так и движения языкового изменения в территориальном отношении" (5, I3-I4; см. также стр. 203 и далее).

Привлекающее наше внимание варьирование старославянских падежных форм существительных нашло отражение в двух монографиях К.И.Ходовой "Система падежей старославянского языка" (1963) и "Падежи с предлогами в старославянском языке" (1971) (I3; I2), однако изучение падежного варьирования в них не является самоцелью; варьируемый материал приводится здесь чаще всего для показа функциональных возможностей того или иного

падежа. Минимально отражен интересующий нас материал в книге "Локатив в славянских языках" (1961) В.Н.Топорова. В предисловии к монографии В.Н.Топоров указывает, что, "помимо локативных конструкций, приводится лишь минимальное количество других сочетаний, употребляющихся в той же ситуации и обладающих сходством с указанными локативными типами по крайней мере в части своей структуры" (10, 8).

В настоящей статье нами поставлена цель на основе канонических памятников древнеславянской письменности X-XI вв. (Маринское евангелие, Зографское евангелие, Ассеманиево евангелие, Саввина книга) выявить особенности взаимозамены винительного и локатива у имен существительных. При этом мы изучали использование названных падежей в ограниченных условиях - при предлогах ВЪ и НА. Причем при взаимозамене винительного и локатива мы не брали во внимание взаимозамену и самих предлогов¹. Нас интересовала прежде всего возможность выявить случаи взаимозамены, происходящие отдельно при употреблении указанных падежей только с предлогом ВЪ и только с предлогом НА. Собранный нами материал (около 30 случаев) показывает, что взаимозамена винительного и локатива (гезр. локатива и винительного) более характерна, когда эти падежи выступают с предлогом ВЪ, в то время как данные падежные формы, связанные предлогом НА, практически в параллельных текстах единичны. И в этом случае наш материал в количественном отношении значительно превосходит тот, что встречается в указанных нами ранее работах (в монографии К.И.Ходовой, например, приводятся единичные случаи взаимозамены винительного и локатива у существительных с предлогами ВЪ и НА) (12, 63-70).

Взаимозамена винительного и локатива², связанных предлогами ВЪ и НА, более всего характеризует склонение имен существительных с основой на *ǫ - *jǫ и на *ā - *jā; из других типов склонения в "орбиту" взаимозамены вовлечены единичные примеры имен существительных с основами на *ǐ и *п, на согласный, что, видимо, следует также объяснить вообще незначи-

¹ Такие случаи рассмотрены в раб. (3).

² Или, по определению В.Н.Топорова, "дублетные, или параллельные, конструкции" (10, 8); К.И.Ходова в этом случае обычно говорит о "чередовании падежей" либо о "вариантах предложно-падежных форм", см. (12).

тельным количеством имен существительных, составляющих эти типы склонения¹.

Склонение на *ō - *jō

Твердый вариант

Взаимозамена винительного и локатива проявляется при глаголах движения либо помещения чего-либо во что-либо. При глаголе ОМОЧИТИ: онъ же отъвѣщавъ рече. омочи съ мною руку въ солило. ть ма прѣдасть (Матф., XXVI, 23) - в Мар.; так же в Зогр.; в Асс. - локатив, срав.: омочи съ мною въ солилѣ руку; в Савв. - пропуск анализируемой падежной формы;

ВБСѢЛИТИ СА: и пришедь всели са въ градъ нарицаемыи назаредъ. да събудет са ре(ч)ное прркы. яко назареи наре(че)т са (Матф., II, 23) - в Мар.; так же в Зогр.; в Савв. в данном контексте используется локатив: и пришедь всели са въ градѣ нарицае(м)ь назаредъ.

При глаголе говорения ГЛАГОЛАТИ: много. имамъ о васъ глати и сѹдити. нъ пославы мѣ истиненъ естъ. I азъ бже слышахъ отъ него. си глю въ миръ (Иоанн, VIII, 26) - в Мар.; в Зогр. и Асс. - локатив: I азъ бже слышахъ отъ него си глю въ мирѣ.

При глаголе ОТЪРИЦАТИ СА: и начаша въко(у)тъ отърицати са вси, пръвъ рече емоу. село коупихъ и имамъ нѹжду изити и видѣти е. молю та имби ма отърочьна (Лука, XIV, 18) - в Мар.; вин. пад. также в Асс. (и начаша въкоупъ отърицати са вси) и в Савв. (и начаша въ коупъ от(ъ)рицати са вси); в Зогр. употреблен локатив: I начаша въ коупѣ отърицати са в'си.

В наших материалах зафиксировано два случая, когда взаимозамена винительного и локатива была, вероятно, вызвана заменой лексемы-существительного. Так, в Савв. при глаголах ВѢРОВАТИ и ОТЪСТѢПИТИ употреблен локатив от существительного ЧАСЪ, срав.: а еже на камене си сѹтъ. иже егда оуслышатъ слово. съ радостию приемотъ е. и си корене не имѹтъ. иже въ часѣ вѣроуютъ. и въ часѣ напасти отъступятъ (Лука, VIII, 13);

¹ Приведенный в монографии В.Н.Топорова единственный пример взаимозамены винительного и локатива у существительных с основой на *t, т.е. възньзъ на трѣсти - Зогр.; Марк, I5, 36 (Мар.: въложивъ на трѣсть) (IО, 206), является недоразумением: и в Зогр., и в Мар. существительное ТРѢСТЬ при предложении НА употреблено и функционально, и формально в винительном падеже, срав. в Зогр.: текъ же единъ. I испльнъ гусу оцѣта. възньзъ на трѣсть. напаваше I гла.

Зогр. и Асс. (при глагольном сочетании вѣру ѣмати и при глаголе ОТЪСТѢПАТИ) на этом месте употреблено существительное с основой на согласный ВРѢМА в винительном падеже: Иже въ вѣрѣма вѣру емлють. И въ вѣрѣма напасти оступають; в Мар. так же в винительном падеже, но только один пример: Иже въ вѣрѣма вѣру емлють.

Случаи варьирования винительного и локатива с заменой в одном или нескольких случаях предлога мы специально не изучали, хотя примеры такого рода нами отмечены.

С предлогом НА в винительном и локативе встретилось только одно существительное на *ѣ БѢСЫ. При этом форма винительного падежа в Савв. противопоставлена формам локатива в Мар., Зогр. и Асс.: призва Іс оба на десѣте оученика своя. дасть имь силу и власть. на всѣ обсы. и недуги ицѣлити (Лука, IX, I); срав. дасть имь силу и власть на всѣхъ обсѣхъ - в Мар., Зогр. и Асс.

Мягкий вариант

Все существительные мягкого варианта, т.е. на *jѣ, - среднего рода и в преимущественном большинстве своем на -и. Взаимозамена здесь винительного и локатива проходит при различных глаголах и глагольных формах:

ПИТИ: глаголю же вамъ. ѣко не имамъ пити кже отъ сего плода лозьнааго. до того дьне егда цю съ вами новъ въ цѣрствіи отца моего - в Мар. (Матф., XXVI, 29); локатив также в Зогр. и Асс.; в Савв. существительное ЦАРСТВО с предлогом ВѢ употреблено в винительном падеже: и цю съ вами новъ въ цѣрствіе отца моего. Еще один пример с этим же существительным, употребленным при причастной форме от глагола ОУПРАВИТИ: рече же къ нему ісѣ. никтоже възложъ руки своей на рало. И зрѣ възпѣть оуправленъ естъ въ цѣрствіе бжіе; - в Мар. (Лука, IX, 62); в Асс. и Савв. - винительный падеж с формой ЦѢСАРСТВО: оуправленъ естъ въ цѣрство бжіе; в Зогр. находим локатив: оуправленъ естъ въ цѣрси бжіи;

ИМАТИ: и та повѣдасте ѣже съиша на пути. и ѣко са позна има въ прѣлом(л)еніе хлѣба - в Асс. (Лука, XXIV, 35); в Мар. - локатив: И ѣко са позна има въ прѣломлени хлѣба;

ПАДАТИ: а падшее въ трънѣ. сиІ суть. слышавшеІ. И отъ печалиІ. И богатства... - в Зогр. (Лука, УШ, I4); в Мар., Асс. и Савв. - локатив, срав. соответственно: падшей въ трънии, падшее въ тръни, падшее въ тръниІ;

РОДИТИ: ишиа же роди Ехемию и брати его. въ прѣселеніи вавилонское - в Мар. (Матф., I, II); также в Савв.; в Асс.

использован локатив: посѣа же родѣ въ прѣселенѣи вавѣлонстѣамь.

Обычно в руководствах по старославянскому языку указывается, что глагол ВАРИТИ в значениях "обгонять", "идти впереди" требует после себя дополнения в винительном падеже (I6, I48; I4-II, 63). В нашем материале этот глагол действительно имеет при себе прямое дополнение: ѣко мытаре и любодѣица варьють вы въ црствѣи бжѣе - в Зогр. (Матф., XXI, 31). Однако мы зафиксировали также случай с локативом, срав. в Мар.: ѣко мытаре и любодѣица варьють вы въ црствѣи бжѣи.

Наконец, еще один интересный случай, когда варьирование винительного и локатива вызвано взаимозаменой управляющих глаголов. Так, в Мар., Зогр. и Асс. при глаголе ВЪСАДИТИ СѦ находим винительный: гѣли бисте оубо сукаминѣ сеи. въздери сѦ и вьсади сѦ въ море, и послушала би васъ (цитир. по Мар.; Лука, XVII, 6); в Савв. в этом же контексте употреблен глагол состояния СТАТИ, при котором не может быть дополнения в винительном падеже: гѣи бисте горѣ сеи. възми сѦ и. стани въ мори, и послушала би васъ¹.

Склонение на *ā - *jā

Нами собрано 7 случаев взаимозамены винительного и локатива у существительных данного типа склонения, при этом только в двух примерах встречаются указанные падежные формы с предлогом НА:

1) при глаголе ВЪЗАТИ в Мар. находим винительный падеж: писано бо есть яко аггломъ своимъ. заповѣсть ѡ тебѣ и на рую възмуть тѦ (Матф., IV, 6), в то время как в Зогр., Асс. и Савв. наблюдаем форму локатива (во множественном числе), срав.: и на рукрахъ възмуть тѦ;

2) форма винительного НА ЗЕМЛѢЖ употреблена в Мар. при глагольном сочетании ПРИДѢ ВЪВРѢШИТИ: не мните ѣко придѣ вьврѣшити мира на землю, не придѣ вьврѣшити мира нъ мечъ (Матф., X, 34); в Зогр. - форма локатива при глагольном сочетании ПРИДѢ ПОЛОЖИТИ: не мните. ѣко придѣ положити мира на земѣ, не придѣ положити мира. нъ мечъ.

¹ Приводимый в монографии К.И. Ходовой (I2, 64-65) пример еще одного существительного с основой на *jō (ТОЧЕНИЕ), который, как утверждается, использован с предлогом ВЪ и в винительном, и в локативе, требует уточнения: не только в Мар., но и во всех остальных евангелиях в контексте Лука, VIII, 43 только локатив, срав. в Зогр.: и жена сущи въ точенѣи крѣви. отъ двюю на десѣте лѣтоу...; в Мар.: въ точенѣи крѣве; в Асс.: въ точенѣи крѣве; в Савв.: въ крѣвоточенѣи.

При глаголах движения ХОДИТИ и ИТИ топоним ГАЛИЛЕЯ употреблен в одном случае в форме локатива, срав. в Мар.: И хождаше по сихъ ѿсь въ галилеи. не хотѣше бо въ Юдеи ходити. Ъко искаахУ его иудеи оубити (Иоани, УП, I); так же и в Зогр.; в другом случае, т.е. при глаголе ИТИ, — в винительном падеже, срав. в Асс.: идѣше ѿсь въ галллею. не хотѣше бо въ иудеихъ ходити. Ъко искаахУ его оубити и.

Существительное женского рода ЛЬБА при глаголе с отрицанием НЕ КЛЪНЕШИ СѦ в Мар. употреблено в винительном падеже: не въ лѣжу клънеши сѦ. въздаси же гѣи клатвы твоѦ (Матѳ., У, 33); в Зогр. же находим форму локатива, однако здесь существительное ЛЬБА употреблено не с нормативной флексией -И, как можно было ожидать от существительного на мягкую основу, а с флексией -Е, которая, вероятно, ошибочно написана вместо флексии -Ъ. Иными словами, этот случай можно квалифицировать, как взаимовлияние мягкого и твердого вариантов одного и того же типа склонения: нѣ въ лѣже клънеши сѦ.

При глаголе передачи ПРѢДАТИ СѦ в Мар. употреблен винительный падеж множественного числа ВЪ РЪЖЫ, срав.: се приближи сѦ година. Иснѣ чѣкыи прѣдаатъ сѦ въ рѣкы грѣшникомъ (Матѳ., XXVI, 45); во всех остальных текстах последовательно представлена форма локатива единственного числа: прѣдаетъ сѦ въ рѣцѣ грѣшникомъ (Савв., Зогр., Асс.). В Лука, III, 17, напротив, в Мар. находим локатив: емоуже лопата въ рѣцѣ его. И потрѣбитъ гоумно свое. И съберетъ пшеницУ въ житыницУ свою..., в то время как в Зогр., Асс и Савв. последовательно представлен винительный: емоу же лопата въ рѣкоу его.

Особо следует сказать о существительном СЪБОТА. В Марк., XVI, 9 это существительное употреблено в Мар. и Зогр. в локативе, срав. в Мар.: въскрѣсь же ѿсь за оутра въ прѣвы сѣботѣ. Ъви сѦ прѣжде марии магдалини. И ж неже изгъна ж ѡбсь. В Асс. же в приведенном контексте находим не локатив, и не винительный падеж, а родительный множественного СЪБОТѢ, что копирует греческий оригинал (I4-I, 185), срав.: въскрѣсь ѿсь за оутра въ прѣвѣ сѣботѣ. В других местах нами обнаружен ряд примеров употребления винительного, например, в Мар.: въ едину же сѣботу (Лука, XXIV, I); Савв.: достоитъ ли въ сѣботу добро творити (Марк, III, 4) — аналогично в Мар., Асс. и Зогр. (в последнем — во множественном числе: въ сѣботы) и др.

Другие типы склонения

Количество примеров здесь, как мы уже отметили, насчитывает единицы.

1) Из существительных с основой на **й* взаимозаменяемой винительного и локатива характеризуется только существительное ПОЛЬ с предлогом НА. Интересной иллюстрацией этого является использование в Савв. в одном контексте и локатива, и винительного, срав.: и абие подвиже оученики выльбсти въ корабь. и варити на ономь полоу доньдеже отъпуститъ народы; но тут же и: оубѣди ꙗко оученики своа выльбсти въ корабь. и варити его на онь полъ морѣ. доньдеже отъпуститъ народъ (Матф., XIV, 22); в Мар., Зогр., Асс. последовательно при том же глаголе ВАРИТИ употреблен локатив.

О том, что существительное ПОЛЬ с предлогом подвержено колебаниям в плане "винительный локатив", свидетельствует и такого рода пример, в котором локативной форме НА (ОНОМЪ) ПОЛОУ в Асс. соответствует форма винительного падежа в Мар., но с другим предлогом - ОБЪ, срав. соответственно: Иже обѣ съ тобою на ономь полоу иордана...; Иже обѣ съ тобою об онь полъ иордана... (Иоанн, III, 26).

Добавим, однако, что приведенный пример ОБ + вин. в локальной функции встречается довольно редко. К.И.Ходова считает даже, что "конструкции, включающие эти формы, однообразны, обладают признаками устойчивости и повторяются из памяти в памятник" (12, 67).

2) Из существительных с основой на **й* заслуживают внимания два примера. Существительное ЦРЬКЫ с предлогом ВЪ при глагольном сочетании ВЪНИТИ ПОМОЛИТИ СѦ использовано в Мар., Зогр. и Асс. в винительном падеже направления: чѣка дѣва вънидете въ црѣвь помолитъ сѧ, единъ фарисѣи а другъ мытарь (цитир. по Мар., Лука, XVIII, 10); срав. в Асс.: вънидите въ црѣвь помолитъ сѧ; в Зогр.: вънидите въ црѣвь. помолитъ сѧ; в Савв. здесь локатив: чѣка въ вънидоста въ црѣве помолитъ сѧ...

Второй случай не столь четок. Речь идет о существительном СВЕКРЫ с предлогом НА, употребленном в Мар. в совершенно отчетливой форме винительного падежа, срав.: придѣ бо разлучитъ чѣвка. на отѣца своего ꙗ дъщерь на матерь свою. и невѣстѣ на свекровь свою (Матф., X, 35). В Зогр. обнаруживаем весьма странную ситуацию: придѣ бо чѣка на отѣца своего. ꙗ дъщерь на мрѣ свою. ꙗ невѣстѣ на свекрѣве свою. Исходя из пре-

двудущего словосочетания I ДЫПТЕРЬ НА МРЬ СВОѢЖ, однородного с интересующим нас словосочетанием I НЕВЪСТЪЖ НА СВЕКРЪВЕ СВОѢЖ, можно форму НА СВЕКРЪВЕ квалифицировать, как родительный падеж единственного числа (срав.: 9, III; I, I38; 2, 257; 8, I3I). Однако стоящее в постпозиции к предложно-падежному сочетанию НА СВЕКРЪВЕ притяжательное местоимение СВОѢЖ употреблено в винительном падеже — и по форме, и функционально (вместо ожидаемой формы родительного падежа единственного числа СВОЕА), что дает основание говорить здесь о связи форм родительного и локатива (срав. род. СВЕКРЪВЕ, лок. СВЕКРЪВЕ).

3) Случаи с существительными, изменяющимися по типу на согласный, не столь прозрачны, как это было ранее. Так, в обнаруженных нами примерах наблюдается варьирование винительного и локатива, хотя и не выдерживаются необходимые условия. В Савв. существительное ТЪЛО с предлогом НА при глаголе ВЪЗЛОЖИТИ выступает в винительном падеже: кто же отъ васъ пеки са. можетъ възложити на тѣло свое. лакоть единь (Матф., УІ, 27), в то время как в Мар. и Зогр. находим беспредложный локатив, однако, правда, при другой форме упоминавшегося глагола — ПРИЛОЖИТИ, срав. в Мар.: кто же отъ васъ пеки са. можетъ приложити тѣлесе своею лакоть единь; в Зогр.: кто же отъ васъ пеки са. можетъ приложити тѣлеси своею лакоть единь.

В Зогр. локативная форма ТЪЛЕСИ более поздняя по происхождению¹. В Асс. же в этом контексте соответствует дательный падеж (при том же глаголе ПРИЛОЖИТИ в связи с модальным МОЖЕТЬ), определяемый на основе формы притяжательного местоимения СВОЕМОУ: кто же о(т) васъ пеки са. может приложити тѣлеси своему лакоть единь.

Существительное ИМА с предлогом ВЪ при глаголе ПРОСИТИ употреблено в винительном падеже, срав. в Мар.: I аште чесо просите въ ИМА мое азъ сътворУ (Иоанн, ХІУ, I4); в Зогр. и Асс. также; в Савв. находим и винительный (ВЪ ИМА МОЕ), и локатив, оформленный, однако, другим предлогом, — О: и аще чесо просите о имени моею. азъ сътворУ.

¹ Далеко не все авторы руководств по старославянскому языку выделяют эту форму как локативную, см., например: (II, 184-185; 6, 107-108; 4, 102-103). Срав., однако: (I, I31; 2, 263; I4-I, 170; 8, I37-138).

Проведенный анализ показывает тесное взаимодействие между винительным и локативом с предложом ВЪ и с предложом НА. Одновременно этот факт говорит о сложности процесса функционально-семантической дифференциации двух падежей в старославянском языке. Статистическая обработка нашего материала дает основание говорить о некотором количественном преобладании при предложе ВЪ винительного падежа в Мар. и Асс.; в Савв. отмечается практически равномерное употребление винительного и локатива; лишь в Зогр. наблюдается некоторое преобладание форм локатива. В целом же этот вывод о преобладании винительного падежа при предложе ВЪ (и НА) совпадает с тем, к которому пришел В.Н.Топоров на основе изучения позднейших памятников церковнославянской письменности, см.: (Ю, 206). Срав. данные приводимой таблицы, в которую мы включили только случаи "чистой" взаимозамены винительного и локатива (геогр. локатива и винительного) при предложе ВЪ^I.

Место взаимозамены форм вин./лок.	П а м я т н и к и							
	Мар.		Зогр.		Асс.		Савв.	
	вин.	лок.	вин.	лок.	вин.	лок.	вин.	лок.
I	2	3	4	5	6	7	8	9
Матф., I, II	+					+	+	
Матф., II, 23	+				+			+
Матф., У, 33	+			+				
Матф., XXI, 3I		+	+					
Матф. XXIII, 23	+		+			+		
Матф., XXVI, 29		+		+		+	+	
Матф., XXVI, 45	+			+		+		+
Марк., XVI, 9		+		+	+			
Лука, III, I7		+	+		+		+	
Лука, УШ, I4		+	+			+		+
Лука, IX, 62	+			+			+	
Лука, XIV, 8	+			+	+		+	
Лука, XVII, 6	+		+		+			+
Лука, XVIII, IO	+		+		+			+
Лука, XXIV, 35		+			+			

^I Формы винительного и локатива с предложом НА немногочисленны и показательны лишь для Зогр., в котором все они употреблены в локативе.

I	2	3	4	5	6	7	8	9
Иоанн, УП, I		+		+	+			
Иоанн, УШ, 26	+			+		+		
	10	7	6	8	8	6	5	5
	17		14		14		10	

Литература

1. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Перев. с франц. - М.: ИИЛ, 1952.
2. Ван-Вейк Н. История старославянского языка. Перев. с немецк. - М.: ИИЛ, 1957.
3. Геродес С. Старославянские предлоги. - В сб.: Исследования по старославянскому синтаксису. Прага, 1963.
4. Ћорџић П. Старословенски језик. - Нови Сад : Матица српска, 1975.
5. Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. - М.: Наука, 1976.
6. Иванова Т.А. Старославянский язык. - М.: Высшая школа, 1977.
7. Курц Й. Проблематика исследования синтаксиса старославянского языка. - В сб.: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963.
8. Николић С. Старословенски језик. I. Правопис. Гласови. Облици. - Београд: Научна књига, 1978.
9. Селищев А.М. Старославянский язык. Ч. II. Текст. Словарь. Очерки морфологии. - М.: Учпедгиз, 1952.
10. Топоров В.Н. Локатив в славянских языках. - М.: АН СССР, 1961.
11. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. - М.: Просвещение, 1974.
12. Ходова К.И. Падежи с предлогами в старославянском языке. (Опыт семантической системы). - М.: Наука, 1971.
13. Ходова К.И. Система падежей старославянского языка. - М.: АН СССР, 1963.
14. Diels P. Altkirchenslavische Grammatik. Mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch. I-II. 2. Auflage. - Heidelberg: Carl Winter, 1963.

15. Kurz J. Kapitoly ze syntaxe a z morfologie staroslověnského jazyka. (Acta universitatis Carolinae. Philologica monographia, XL). - Praha, 1972.
16. Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. - Heidelberg: Carl Winter; 's-Gravenhage: Mouton & Co., 1955.

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ
МЕСТОИМЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПРОИСХОЖДЕНИИ
КОНСТРУКЦИЙ С НЕПАРНЫМ ОТРИЦАНИЕМ

М.А. Шелякин

I

Научная литература и толковые словари, за редким исключением (о чем см. ниже), обычно уклоняются от семантической характеристики отрицательных местоимений русского языка. Так, в словаре лингвистических терминов О.С.Ахмановой они толкуются как местоимения, в составе которых "имеется префикс (приставка), отрицающий содержание его корневой морфемы" (2, 228). Подобное определение дано в АГ-1953 (7, 405) и в специальной работе Л.Я.Маловицкого (12, 104-105). В словаре под ред. Д.И.Ушакова местоимение никто толкуется через "ни один", а "ни один" - через "никто из". В Словаре современного русского литературного языка это местоимение также толкуется через "ни один", но последнее не имеет словарного определения.

Вместе с тем в отдельных учебниках, учебных пособиях и статьях встречаются попытки содержательно раскрыть специфику отрицательных местоимений с учетом семантических функций частиц ни и не по отношению к корневым морфемам (никто, ничто, никакой, ничей, некого, нечего). Например, А.Н.Гвоздев считает местоимения с ни-антонимами определительных и видит в них значение распространения отрицания на все предметы (никто, ничто), на все качества (никакой), на принадлежность кому-либо (ничей): ср. Никто не пришел - Все пришли, Никакая тушь не годится для этого - Для этого годится всякая тушь (5, 269).

То, что отрицательные местоимения обладают признаком обобщенной распределительности или, выражаясь языком логики, представляют квантор всеобщности в отрицательных предложениях, не подлежит сомнению. Однако остается неясной лингвистическая сторона проблемы: что понимать под самим отрицанием всех предметов, качеств и др. или "содержания корневой морфемы" и в чем проявляется антонимичность отрицательных местоимений определительного типа "все", "каждый" и др., если те и другие местоимения обладают одним и тем же признаком всеобщности. На эти вопросы исследователи отвечают по-разному.

Университетский курс морфологии современного русского языка утверждает, что "отрицательные местоимения указывают на полное отсутствие предмета, как субъекта или объекта действия (никто не читает, никого не зовут, ничему не верят) качества или признака" (13, 248). Указание на полное отсутствие предмета как субъекта и др. — это указание на пустое множество наличных элементов. Так и определяет семантику отрицательных местоимений Ю.И.Левин, записывая их под отрицанием квантора существования (II, II2), и Л.Я.Маловицкий (I2, IOI). В таком случае антонимия определительных и отрицательных местоимений проходит по признаку наличия/отсутствия разделительного множества как субъекта или объекта действия, и семантическая природа образований типа никто опирается на отрицательную функцию элемента ни- по отношению к корневой морфеме (не существует), а обязательное сопровождение его предикативным отрицанием является чисто формальным (автоматическим): если не существует субъект или объект, то ему нельзя приписать предикативный признак.

Однако данному пониманию семантики отрицательных местоимений противоречит возможность следующих трансформаций: Никто не спит — Все/ не спят, Ничего его не интересует — Все/ его не интересует, в которых выражается не отсутствие предметов, а отрицание у предметов обозначенных действий или несовместимость предмета и его действия. В логике подобные трансформации называются превращением суждений, когда из данного суждения получают равнозначное ему по качеству: Все S суть P = Ни одно S не есть не-P, Ни одно S не есть P = Все S суть не-P и др. Так и толкует предложения с отрицательными местоимениями А.Н.Гвоздев в другой своей работе: "Оно (отрицательное местоимение "никто" — М.Ш.) и выражает в отрицательных предложениях обобщенное обозначение субъекта или объекта. Так, в предложении Брат не пришел отрицается приход одного лица — "брата", а в предложении Никто не пришел отрицается приход какого бы то ни было лица, отрицается приход всех лиц вообще" (6, 128). Подобным же образом рассуждает О.П.Ермакова, предложившая относить местоимения типа никто не к отрицательным, а к группе местоимений, близких к определительным типа любой, всякий и др. (8). Для доказательства она привела ряд дополнительных аргументов. Во-первых, в некоторых работах по грамматике русского языка оговаривается для местоимения ничей "положительное значение неопределенного местоимения "чей бы то ни было", "всякий", ср. Не презирай

совета ничего. Это же значение свойственно и для других отрицательных местоимений. Во-вторых, отрицательные местоимения в сочетании с прилагательными (Ничто человеческое мне не чуждо, Никто чужой сюда не входил) могут трансформироваться только во "что/кто бы то ни было", логически не допуская понимания их в значении отсутствия предмета.

Если встать на точку зрения О.П.Ермаковой, то придется признать не отрицательную, а только усилительно-обобщающую функцию элемента ни- в отрицательных местоимения по отношению к корневым морфемам, а значит, и смысловую самостоятельность вторичного предикативного отрицания не. Но здесь возникают следующие трудности: как в таком случае объяснить функционирование в древнерусском и других языках конструкций с непарным отрицанием и интерпретировать антонимию определительных и отрицательных местоимений, так как последние оказываются синонимами к первым, будучи лишь формальными маркерами отрицательных предложений вместо подобных маркеров в утвердительных предложениях.

II

Для решения вопроса о семантической структуре отрицательных местоимений следует остановиться на уточнении некоторых понятий. Если суждение - высказывание предиката о субъекте, то отрицание - это утверждение о несоответствии предиката субъекту, т.е. об отсутствии реальной связи между предикатом и субъектом. Отсюда вытекает, что отрицание при предикате выражает отсутствие не субъекта, а предикативного признака у субъекта. То же самое можно утверждать и о функции отрицания любого другого члена предложения. Таким образом, отрицание не может устанавливать или отражать нереальные связи с пустыми множествами как с отсутствующими предметами. Когда говорят, что отрицательные местоимения указывают на отсутствие предмета в качестве субъекта или объекта, то это напоминает признание рядом исследователей отсутствия субъекта действия в безличных предложениях. Однако логики, говоря о кванторе всеобщности в общеприцательных суждениях, указывают на равносильность "ни одно S" "каждому S", т.е. на распределенность отрицаемого предиката на весь объем существующего субъекта.

Отсутствие каких-либо связей или предметов является следствием отрицания, а не отражением онтологии отсутствия: в реальной действительности не существует нечто несуществующее, о реальном существовании или несущ-

существовании мы можем судить только на основании позитивных данных путем их сопоставления в высказываниях и соотносительностью с реальным существованием. Даже в безличных предложениях выражается не отсутствие субъекта вообще, а устранение расчлененности субъекта в силу его неизвестности или стихийности. Поэтому отрицательные местоимения сами по себе не указывают на пустое множество как реально отсутствующие предметы и не отрицают в буквальном смысле содержание корневой морфемы, а обозначают особым образом классы предметов с определенными нулевыми (отрицательными, нереальными) связями (признаками). И только в этом смысле они указывают на пустые классы, задаваемые не перечислением их элементов, а общим свойством предметов. Если этим свойством является свойство существования, наличия предметов, что выражается бытийными предложениями, то отрицательные местоимения могут указать на отсутствие предметов, но лишь как следствие отрицания бытийного предиката (там никого не было, здесь никого/ничего нет). С другими предикатами отрицательные местоимения обозначают классы предметов с соответствующими нереальными связями, нередко имплицитно положительные связи: никто не спал: одни читали, другие играли в шахматы, третьи разговаривали.

Антонимия местоимений типа "все" и типа "никто" проявляется в том, что "все" указывают на полный класс предметов с положительными связями, а "никто" — на полный класс предметов с отрицательными связями. Следовательно, их антонимия основывается на количественных отношениях предельного наличия/отсутствия определенных связей у данного множества. Вот почему первый тип местоимений "сопротивляется" употреблению их в отрицательных предложениях, и высказывания типа "все не спали" требуют особых речевых условий и воспринимаются как искусственные. Местоимения типа "все" можно назвать обобщенно-положительными, местоимения типа "никто" — обобщенно-отрицательными, и можно считать те и другие входящими в одну группу обобщительных местоимений.

В следующем разделе статьи рассмотрим механизм образования отрицательных местоимений, исходя из проведенных уточнений логических понятий и функций двух типов обобщительных местоимений.

Как известно, общеприцательные суждения образуются путем отрицания частноутвердительных суждений: Некоторые (по крайней мере) учащиеся нашего класса отличники и Неверно, что некоторые (по крайней мере) учащиеся нашего класса отличники = Никто из учащихся нашего класса не является отличником. Однако отрицание частноутвердительного суждения может привести и к общеприцательному суждению: ср. Неверно, что (только) некоторые учащиеся нашего класса отличники = Все учащиеся нашего класса являются отличниками. Соотнесенность частноутвердительного суждения с общеприцательным или общеприцательным суждениями зависит от направленности отрицания: отрицания истинности предиката или субъекта. Таким образом, механизм образования знака квантора всеобщности в отрицательных суждениях предполагает наличие такого языкового выражения, которое недвусмысленно обозначало бы отрицание предиката частноутвердительного суждения. Это и нашло свое отражение в морфологической и семантической структуре общеприцательных знаков.

В них представлены, с одной стороны, корневые морфемы в функции лексического указания на а) один предельный (мельчайший) элемент из множества (ср. ни один, ни разу, ни гроша, ни капли, ни чуточки, ни зги, ни крошки, ни минуты и под.) или б) один произвольный (нефиксированный) и неконкретизированный элемент из множества: кто/что в значении "кто-нибудь", "что-нибудь": ср. "Ну, кто придет, куда мы с вами?" (Грибоедов), "Того и гляди, чтоб какой-нибудь повеса не напроказил чего с дочерью" (Пушкин); какой - "какой-нибудь": "Не будет ли какого замечания по части почтового управления?" (Гоголь); чей - "чей-нибудь": "Коль нет в чьем голосе ослиного приятства, Не принимать тех на Парнас" (Крылов); когда - "когда-нибудь": "Слышал ли ты когда, чтоб мертвые из гроба выходили Допрашивать царей" (Пушкин); где - "где-нибудь": "Бывало, песенок где новеньких тетради Увидит, пристаёт: пожалуйте списать" (Грибоедов). С другой стороны, они все включают частицу ни в усилительно-отрицательной функции "даже, по крайней мере не", равнозначной усилительной функции "и" при субъекте с предикативным отрицанием (ср. и/даже/ он не пришел), чтобы подчеркнуть указание на "меньше чем". С корневыми морфемами типа а) усилительно-отрицательная частица ни создавала так назыв. "изобразительное отрицание" в общепри-

пательном значении: ср. примеры В.И.Чернышева "Я там копейки не получил. Я там ни копейки не получил. В лесу я одного гриба не видел. В лесу я ни одного гриба не видел" (I4, I8). С корневыми морфемами типа б) усилительно-отрицательная частица приводила также к образованию общеприцательного знака, но с распределительной функцией отрицания ("и ... не") как следствием отрицания предикативных связей у одного произвольного и неконкретизированного элемента множества: отрицание любого одного элемента множества = отрицанию всех элементов, ср. никто из семьи не знал об этом: ни мать, ни отец, ни брат.

Подчеркнем, что и в том и другом случае отрицательные знаки отрицают не существование предметов, а их предикативные связи. Это подтверждается многочисленными примерами В.И.Чернышева на сочетания предикативного отрицания с местоимениями кто/что без повторного предикативного отрицания в народном языке: не что возьмешь (ничего не возьмешь), не кто виноват (никто не виноват), не что сделаешь (ничего не сделаешь) и др. (там же, I7-I8). Данные примеры функционально соотносительны с древнерусскими предложениями, в которых предикативное отрицание употребляется при глаголе без повторного отрицания при местоимении: "да не будет кого тако Божъ любить яко же ны", "оже ли не будет кто его мьстя" (см.Л.Я.Маловицкий, там же, I00-I01). Однако постановка предикативного отрицания перед неопределенными местоимениями, видимо, создавало неясность отрицательной функции (отрицается субъект или предикат?). Поэтому была использована усилительно-отрицательная частица ни, которая более однозначно указывала на предикативное отрицание. Так и появились в древнерусском языке и диалектах конструкции с непарным предикативным отрицанием при отрицательных местоимениях. Они выражали отрицание у класса предметов определенных предикативных связей. Здесь уместно упомянуть замечание Ю.Д.Апресяна, обратившего внимание на то, что в логике считаются равнозначными выражения, содержащие экзистенциальный и всеобщий кванторы и отрицание: $\exists x/:P/x/ = \forall x/:P/x/$, т.е. "Не существует x, для которого верно P/x/" = "Для любого x неверно, что P/x/; иными словами, "не существует" = "все не" (I, 296, сноска) = "никто (не)".

Что касается происхождения второго предикативного отрицания в русском языке, то оно не представляет собой ничего необычного и вряд ли является вторичным новообразованием, во-

преки мнению А.Вайана (4, 391-392). Так как отрицательные местоимения имплицитно предикативное отрицание, оно может подкрепляться вторым отрицанием, появление которого не приводило к ситуации "погашения двух отрицаний": последние предполагают два разных предикативных отрицаний (разных по отрицательной функции), а не одно, усиленное языковыми средствами, отрицание, каковым являются конструкции с парным отрицанием. Исторические факты показывают, что отрицательные местоимения и их аналоги хронологически, конечно, вторичны по отношению к первичному предикативному отрицанию. С появлением отрицательных местоимений, видимо, во всех языках была сначала стадия парных отрицаний. Об этом свидетельствует история тех языков, в которых в настоящее время закреплено непарное отрицание при отрицательных местоимениях.

Так, по наблюдениям В.М.Жирмунского, "в средневековом немецком языке для обозначения отрицания служила частица *drin*. *ni* (срвн. *ne-*, *en-*): ср. дрвн. *ich neliebe (en)liebe dich* "я не люблю тебя"; при этом *nicht* могло прибавляться для усиления в значении "совсем не": срвн. *das enist nicht rehte* "это совсем не настоящая любовь". Позже отрицание исчезает, слово *nicht* само становится отрицанием: *das ist rechte Minne*. Этим объясняется в новонемецком положение отрицания *nicht* после глагола. При наличии в предложении отрицательного местоимения или наречия и обязательной частицы *ne* местоимение *nicht* в средневерхнемецком не употребляется: ср. *er enbôt mir nie die êre*; позже, с отпадением отрицания *ne*: "*er bot mir nie die Ehre*". Отсюда в новонемецком литературном языке сложилось правило, запрещающее двойное отрицание. В диалектах конструкция с двойным отрицанием очень обычна: напр., *das Weiß Keiner nicht !*" (10, 233-234). О.Есперсен указывает на обычность в древнеанглийском и среднеанглийском языке парных отрицаний при отрицательных местоимениях, а "в наши дни мы часто находим их в диалектах и просторечии" (9, 383, 384, 385). Обращает на себя также и тот факт, что в большинстве языков разных типов преобладают конструкции с парным, а не с единичным отрицанием при отрицательных местоимениях или наречиях (см. О.Есперсен, там же). Все это ставит проблему происхождения не столько конструкций с парным отрицанием, сколько конструкций с непарным отрицанием.

Думается, что появление последних было связано по крайней мере с тремя способствующими предпосылками: регламентацией норм письменного языка, где проявление избыточности пре-

дикативного отрицания бросалось в глаза и расценивалось как примета разговорного языка; функциональной значимостью отрицательных средств, зависящей в ряде случаев и от фонетической маркированности отрицания; экспрессивным характером речи. Вторая предпосылка определялась тем, что русская частица ни в отрицательных местоимениях никогда не была ударяема и не всегда выполняла роль отрицания, выступая в чисто усилительной функции (как в выражениях типа "кто бы ни был", "где бы ни было" и под.). Поэтому отрицательные местоимения "системно" требовали "подкрепления" со стороны вторичного отрицания, особенно в контекстах, где могла возникнуть неоднозначность функции ни. Третья предпосылка определяла употребление парного/непарного отрицания в зависимости от коммуникативной установки говорящего. Встречающиеся иногда в русских диалектах конструкции с непарным отрицанием отражают скорее всего контексты с однозначностью отрицания и без экспрессивно-усилительной установки: нигде возьмешь, никто и разбудил, никто ему велел и др. (см. 3, 320-321). Таковы же и диалоги из московской разговорной речи, помещенные в "Русской грамматике Генриха Вильгельма Лудольфа" (Оксфорд, 1696 г.): "я никою пианово напоил", "некогда прежде седмого часа тебя вижу", "гулящики я некак люблю" и под. (см. 3, 334). Все названные факторы не исключали друг друга в определенных типах речи и в комбинации друг с другом влияли на выбор той или иной отрицательной конструкции.

Если рассмотреть с указанной точки зрения описание В.И. Борковским конструкций с парным/непарным отрицанием в древнерусском языке, то они распределятся в основном по выделенным факторам употребления.

1. В.И. Борковский приходит к выводу, что в древнерусских памятниках светского содержания наличие отрицательных местоимений, как правило, не вело к устранению отрицания при сказуемом. "Если в том или ином памятнике примеры без отрицания при сказуемом не составляют исключения, то это в основном примеры из религиозных рассуждений автора или же в текстах торжественного содержания" (3, 324). Что касается произведений на религиозные темы (житейной литературы, творений духовных писателей, памятников апокрифической литературы), то количество в них конструкций с парным и непарным отрицанием является примерно одинаковым (там же).

2. В.И. Борковский отмечает, что конструкции с парным отрицанием обычны при выдвижении сказуемого с отрицанием в пре-

позицию к отрицательным местоимениям (там же, 330). Это несомненно объясняется функциональной первичностью и значимостью предикативного отрицания при сказуемом и имплицитным характером негации у отрицательных местоимениях. Далее, на выбор отрицательных конструкций могла влиять и первичная контекстуальная заданность на отрицание, которая однозначно определяла понимание конструкции с непарным отрицанием в последующем высказывании. Ср. "Не наложи имени неправдъныхъ. никакая же ти польза сътворитъ въ днь наведеня" (там же, 324).

3. При сравнении примеров, приводимых В.И.Борковским на конструкции с непарным и парным отрицанием в одних и тех же памятниках, можно заметить, что парное отрицание характерно для развернутых текстов с поучительно акцентированными представлениями, с экспрессией усиления отрицания. Ср. "Николи же не презъри убога плачущтя ся. да не презъримы будутъ слъзи мольбы твоея", "Дяволь никого же не нудитъ. нъ тъкмо насеваеть", "Немощныя милуйте. никого же не съблзните", "Никому же не поведай мене" и др. (там же, 329). Несколько иного стилевого плана контексты с непарным отрицанием. Они производят впечатление голый рассудочности или являются повествованиями о событиях. Ср. "Подобаеть тебе чадо яко отца послушати мене. и ничьсо же истязати боле от нас", "Да и вы пользу примете. яко никто же творя зло утайт ся бога", "Придохове в...градъ. ничьсо же на пути въкусивъшу ему", "И никто же приходиль к ним" (там же, 324-325).

Разумеется, наши сопоставления носят пока чисто предварительный характер. Но во всяком случае проблема конструкций с парным и непарным отрицанием в истории русского языка — это проблема грамматики и стилистики текста, а не только структуры предложений, а также проблема истории русского литературного языка, его стилей и разновидностей.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. Борковский В.И. Отрицательные предложения. — В кн.: Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.
4. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
5. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. I. М., 1958.

6. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952.
7. Грамматика русского языка. Том I. АН СССР. М., 1953.
8. Ермакова О.П. Отрицательные местоимения типа "никто" в русском языке. РЯШ, 1969, № 4.
9. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
10. Кирмунский В.М. История немецкого языка. М., 1956.
11. Левин Ю.И. О семантике местоимений. - В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
12. Маловицкий Л.Я. Вопросы истории предметно-личных местоимений. "Местоимения". Уч ЛПИ им. А.И.Герцена, т.517. Череповец, 1971.
13. Современный русский язык. Морфология. МГУ, 1952.
14. Чернышев В.И. Отрицание "не" в русском языке. Материал для Словаря Русского Языка. Л., 1927.

К ИСТОРИИ АКЦЕНТУАЦИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И.Я. Лapidус

I. Оттяжки ударения в сочетании
"предлог + существительное"

(на материале русских рукописей XVI в.)

Изучение ударения в сочетаниях имен с предлогами позволяет установить, насколько последовательно сохранялась в именах исконная акцентовка. Оттяжки акцента, различные колебания, варианты свидетельствуют о живых процессах, происходивших в языке, и поэтому представляют значительный интерес для исследователей. Акцентные сдвиги становились возможными лишь в тех случаях, когда исчезала фонологическая ценность старых акцентных отношений и на смену им приходили новые.

Рукописные источники зафиксировали большое количество оттяжек ударения на предлог в северных русских говорах XVI в.^I Характер этих акцентных переносов дает, на наш взгляд,

^I Материалом для настоящей статьи послужили следующие рукописи, хранящиеся в Отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: 1) Апостол-тетр 1592 г. Кир.-Бел. 97/102 (далее - Ап. 1592); 2) Апостол-тетр XVI в., не ранее 1593 г. Кир.-Бел. 114/119 (Ап. 1593); 3) Книга постнических слов Василия Великого, до 1557 г. Кир.-Бел. 74/199 (ВВ 1557); 4) Книга постнических слов Василия Великого, около 1563 г. Кир.-Бел. 76/201 (ВВ 1563); 5) Канонник 1573 г. Кир.-Бел. 134/391 (Кан. 1573); 6) Кормчая 1590 г. Кир.-Бел. 1/1078 (Корм. 1590); 7) Минея служебная на октябрь 1559 г. Кир.-Бел. 383/640 (Мин. 1559); 8) Псалтырь с воследованием 1554 г. Кир.-Бел. 40/297 (Пс. 1554); 9) Псалтырь с воследованием 1566 г. Кир.-Бел. 60/317 (Пс. 1566); 10) Псалтырь следованная 1587 г. Кир.-Бел. 78/335 (Пс. 1587); 11) Псалтырь с воследованием 1599 г. Кир.-Бел. 56/313 (Пс. 1599); 12) Богослужебный сборник 1598 г. Кир.-Бел. 497/754 (Сб. 1598); 13) Трефологий 1590-1610 г. Кир.-Бел. 479/736 (Треф. 1590-1610); 14) Трефологий 1597 г. Кир.-Бел. 448/705 (Треф. 1597); 15) Часовник с приписью 1587 г. Кир.-Бел. 256/513 (Часовн. 1587); 16) Часослов, после 1570 г. Кир.-Бел. 253/510 (Часосл. 1570).

возможность установить некоторые закономерности, характерные для отраженной в рукописях системы ударения.

В исследованном материале нет ни одного примера с оттяжками ударения на предлог в словах, имевших исконную накоренную акцентовку (акцентная парадигма А по Стангу²). Все случаи переноса ударения замечены в словах с подвижным и окситонированным ударением (акцентные парадигмы В и С²). Следует указать, что оттяжки встречаются как в т.н. "еровых" предложениях, так и в предложениях с гласными полного образования: до, за, на и др. Ударение в сочетании с предлогом, содержащим /ъ/, неоднократно привлекало внимание ученых.³ Л.Л. Васильев утверждал, что эти сочетания в древнерусских и современных русских говорах сохраняют древнее общеславянское ударение.

Рассмотрим примеры из рукописей в зависимости от долго-ты-краткости корневого гласного имен. Такой принцип позволит четче выявить особенности акцентовки рукописей.

а) Имена женского рода

Как уже было замечено, оттяжек в именах, относившихся к баритонированной акцентной парадигме (а.п.), в рукописях нет. В именах женского рода не зафиксировано также случаев с акцентными оттяжками в словах окситонированной а.п. Все перечисленные ниже существительные женского рода имели исконную подвижность.

В именах с основой на *а - /ја -, имевших долгий корневой гласный, встречаем оттяжки только в двух словах рука и душа: на́ руку Пс. 1587, 408 об., 509 об.; Пс. 1554, 194, 298; Мин. 1559, 19; Часосл. 1570, 95 об., 199, 213; Треф. 1590-1610, 17 об., 149 об.; Сб. 1598, 152 об., 357 об.; за́ руку Ап. 1592, 24, 57, 245 об.; Ап. 1593, 31, 68 об., 71 об.; за́ руки Треф. 1597, 222 об.; на́ душу Пс. 1587, 205 об., 230 об.; 257 об.; Пс. 1599, 141, 167, 196; Ап. 1592, 78 об.; Ап. 1593, 101 об. Последний пример, впрочем, не может считаться достаточно убедительным, так как постоянное написание в рукописях этого слова под титлом могло заставить писцов поставить диа-

² Chr. S. S t a n g. Slavonic accentuation. Oslo, 1957, стр. 174.

³ См. напр.; Л.Л. Васильев. К истории звука **ѣ** в московском говоре в XIV-XV вв. ИОРЯС, X, 2, 1905, стр. 213-214; В.В. Колесов. Ударение в древнерусском сочетании с "еровым" предлогом. - ВЯ, 1966, 6, с. 81 и сл.

критический знак (оксип) над буквой, обозначающей другой гласный звук. Случаев переноса оксип в данной форме на конец слова мы, однако, не встречаем. Заметим, что оттяжек на "еровые" предлоги оба существительных не знают.

Имена *а - /а - основ с кратким корневым гласным дают следующую картину: къ водѣ Кормч. I590, I42 об.; на воду Треф. I597, 259 об.; Треф. I590-I610, 392; на водѣ Часовн. I587, I76; на гору Пс. I599, 32 об.; Часовн. I587, 356, Треф. I597, 54 об., I30, 267 об., 270 об., Треф. I590-I610, 387; Сб. I598, 229, 265 об.; въ горѣ Пс. I599, 410 об.; Часовн. I587, 310 об.; на горѣ Пс. I599, 399 об.; въ горы Часовн. I587, 47 об., I55; на горы Пс. I587, 259 об.; на землю Пс. I587 (8 примеров)⁴; Пс. I554, 265, 271, 297 об., 346 об., 451 об.; Пс. I599, 407, 477 об.; Ап. I592, 23 об., 63, 67, 251 об.; Ап. I593 (7 примеров); Часовн. I587, 5, 44, 64, 278 об.; Треф. I597, 287, 407 об.; Треф. I590-I610, 29 об.; ВВ I563, I9 об., 24, 211 об., Сб. I598, 61, I52; на земли (м. ед.) Пс. I554, 32 об., 335; Мин. I559, I98 об.; Часовн. I587, 271, 276 об., 299 об.; Треф. I597, 414 об., 420, 436, 473; Треф. I590-I610, I68, I92; ВВ I563, 306; по земли Пс. I587, 585 об.; Часовн. I587, 256 об., 264; къ ногѣ Кормч. I590, 347 об.; на ногу Ап. I592, 35, 63; Ап. I593, 35 об., 45 об.; ВВ I557, 76; на росу Кан. I573, 32; Треф. I590-I610, 223 об.

Мы видим, что оттяжек в словах с краткостным корнем значительно больше, чем в именах с долгим корневым гласным. Кроме того, встречаем здесь перенос ударения на "еровый" предлог.

Новейшее исследование устанавливает следующую закономерность в словах типа гора, земля, относящихся к индоевропейской баритонезе: "на еровый предлог оттяжки ударения нет, но при еровом предлоге ударение не может быть оттянуто и на окончание".⁵ В наших рукописях замечаем соответствие цитированному утверждению. Не зафиксировано ни одного случая оттяжки ударения на окончания в сочетаниях с "еровыми" предлогами, но встречаем: къ горѣ Пс. I599, 465; Треф. I597, 317 об.; въ земли (м. ед.) Пс. I554, 319; Мин. I559, 285 об. При-

⁴ Если форма встречается в рукописи больше 5 раз, ограничиваемся ссылкой на источник.

⁵ Б.Б. Колесов. История русского ударения. Л., 1972, с. 55 (далее - Колесов. История...).

веденный нами материал частично опровергает утверждение об отсутствии отяжек на "еровный" предлог. Однако, как будет видно и далее, имена с краткостным корнем дают подобные отяжки.

Имена женского рода с Ж^* - основами дают в описываемых рукописях отяжку на предлог только в тех случаях, когда имеют краткостный корень. Четкая дифференциация окситонированной и подвижной а.п. в существительных с этой основой представляется затруднительной⁶, и здесь целесообразно рассматривать данные имена вместе: на́ брань Пс. 1587, 270 об., Ап. 1593, 202 об.; на́ брани (м. ед.) ВВ 1563, 30 об.; во́ брань^{*} Часосл. 1570, 128; по́ власти ВВ 1563, 268; во́ власти Кормч. 1590, 407 об.; Ап. 1593, 310; до́ крове Пс. 1554, 246 об.; Часовн. 1587, 379; Сб. 1598, 15; до́ крови Пс. 1587, 358 об.; Пс. 1599, 374 об., 571 об.; Ап. 1592, 254 об.; до́ ноци Пс. 1587, 257 об.; Пс. 1599, 195 об.; Часосл. 1570, 276 об.; по́ плоти Пс. 1587, 363; 375 об., 424 об.; Пс. 1554, 175 об., 311, 323 об.; Ап. 1592 (8 примеров); Ап. 1593 (14 примеров); Часосл. 1570, 27, 75, 117 об., 202; Треф. 1597, 296; ВВ 1563, 129 об.; Сб. 1598 (6 примеров); вместе с тем, в Пс. 1587 встречаем: по́ плоти 375 об.; на́ плоть Ап. 1593, 250 об.; на́ смерть Треф. 1590-1610, 13, 13 об.; на́ страсть Пс. 1587, 106.

б) Имена мужского рода

Ко времени написания исследованных рукописей произошло морфологическое выравнивание форм мужского рода с основами на Ж^0 - / ж^0 -, Ж^* -, Ж^* -. По этой причине нет нужды в дальнейшем разделять при рассмотрении имена в зависимости от принадлежности к той или иной основе. В отличие от существительных женского рода, часто встречаем отяжки в трех окситонированных именах мужского рода: ко́ гробу Кормч. 1590, 354 об.; Треф. 1590-1610, 48 об., 51 об. *via*; во́ гробь Кормч. 1590, 504 об.; Часосл. 1570, 178 об., 179; Треф. 1590-1610, 37; на́ гробь Пс. 1587, 324 об., 330, 333; Пс. 1599; Часовн. 1587,

⁶ См., напр.; К о л е с о в. История..., с. 72-93; J. Kuryłowicz. Le problème des intonations balto-slaves. - RS1, I, 1931, с. 59; J. Kuryłowicz. Intonation et morphologie en slave-commun, - RS1, XIV, 1938, с. 20; Fr. Sedláček. K přízvukovému otázkám jazyků baltoslovanských. - "Sborník filologický", I-II. Praha, 1910, с. 224; Chr. S. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957, с. 86.

80; во гробѣ Кормч. I590, 346, 356 *vis*, 442; Пс. I587, I94 об., 324 об.; Пс. I599, 355, 592; Ап. I592, 33 об.; Ап. I593, 25, 43 об., Часосл. I570, 71 об., I69, I70, I78 об., Часовн. I587, 42, 80, 80 об., 82; Треф. I590-I610 (10 примеров); Сб. I598, II2; на гробѣ Пс. I587, 460; Пс. I554, 236; Пс. I599, 357 об.; Сб. I598, I70; при гробѣ Пс. I587, 472 об.; во гробѣхъ Пс. I587, I60, I94, 291; Пс. I566, I85 об.; въ кровѣ Пс. I587, I52; на сонѣ Пс. I554, 230. Легко заметить, что и в этом случае оттяжка наблюдается в именах с краткостным корнем и с корневым /ъ/ (сонѣ).

Слова с подвижным ударением отличаются достаточной пестротой оттяжек, однако, и здесь очевидно некоторое преимущество имен с кратким корневым гласным.

Имена с долготным корнем: дѣ въка Пс. I587 (12 примеров); Пс. I554, I36 об.; Пс. I599 (7 примеров); Пс. I566, 48 об., I91; Кан. I573, 51 об.; Часосл. I570 (6 примеров); Часовн. I587, 29 об.; пѣ въкоу Ап. I593, 257; во въки Пс. I587 (16 примеров); Пс. I554, 232; Пс. I556 (6 примеров); Ап. I592, I21 об.; Ап. I593 (20 примеров); Кан. I573, 48; Часосл. I570, 29, 190 об.; Часовн. I587 (6 примеров); Треф. I597 (6 примеров); Треф. I590-I610 (9 примеров); во гнѣвѣ Пс. I587, I50, 287 об.; пѣ дару Ап. I593, 258 об.; зѣ мирѣ Мин. I559, I9, 25; на мужа Пс. I599, I20 об.; Ап. I592, 57 об.; Ап. I593, 72 об.; дѣ свѣта Кормч. I590, 505 об.; въ свѣтѣ Пс. I587, II4, I46 об., I96 об.; Ап. I592, 90, 91 *vis*; Ап. I593 (7 примеров); Треф. I590-I610, I29 об., I37; сѣ страхомѣ Кормч. I590, 358 об., 360; Пс. I587, 584 об.; Пс. I554, I81 об.; Пс. I599 (6 примеров); Ап. I592, 79 об.; Ап. I593 (6 примеров); Кан. I573, 79 об.; Часовн. I587, I42 об.; Треф. I597, 73 об., 266 об.; Треф. I590-I610, 88, 231 об., 254 об.; ВВ I563, 78; Сб. I598, I30, 303 об., 364; во страѣ Ап. I593, 32 об.; въ храмѣ Пс. I587, I44 об.; Часосл. I570, 9 об.; здесь же один случай двойного ударения: въ храмѣ Пс. I599, 376; пѣ чину Ап. I592, 244, 244 об.

Имена с краткостным корнем: на бѣга Пс. I587, I45 об., I46 об., I63, I75; Пс. I599, II2 об.; Ап. I592, 78 об., 218 об.; 221 об., 241 об.; Ап. I593 (7 примеров); пѣ боѣ Пс. I587, 532 об.; Ап. I593, I58, 224 об.; на врагѣ Треф. I597, 373 об., 380, 386; въ глady Пс. I587, I08 об., пѣ глѣсу Пс. I554, 238 об.; сѣ гласомѣ Треф. I590-I610, 273 об.; во гласѣ Пс. I587, I25 об.; I26, I33 об.; кѣ граду Ап. I593, 34; пѣ граду

Ап. I592, 42; Ап. I593, 53 об.; во градъ Кормч. I590, 69 об., I45, 246; Пс. I587, I5I об., 225; Пс. I599, I6I об.; Ап. I593, 28, 3I, 40, 46 об.; на градъ Пс. I587, 292; во градѣ Кормч. I590, 255; Пс. I587 (6 примеров); Пс. I599, 69 об.; Ап. I592, 28 об., 44 об.; 52 об., 59; Ап. I593 (7 примеров); Кан. I573, 43 об.; Часовн. I587, I9; во гради Ап. I593, 45 об.; во градѣхъ Кормч. I590, 340 об., здесь же: во градѣхъ Ап. I593, 232 об.; до дому Пс. I587, I25 об., I63 об.; на домъ Кормч. I590, 599 об.; Ап. I593, 353 об.; ко другу Ап. I593, 83 об., I66; за друга Ап. I592, 75 об.; Ап. I593, 96; на друга Пс. I587, 679; Ап. I592, 75, I05 об.; Ап. I593, I44, I83 об.; ВВ I563, IIO об.; по дху Ап. I592, I04; Ап. I593, I42, I56 об.; на духъ Ап. I593, 250; съ дхомъ Треф. I590-I6IO, 225; по князю Ап. I593, 257; на князя Пс. I587, 227 об., 237 об., 274; Часосл. I570, 269; Часовн. I587, 30; во мрѣцѣ Треф. I590-I6IO, 327, 338; до рода Пс. I587, I36 об., 2II; Пс. I554, I02; Пс. I599, I46 об.; 224; по ряду Ап. I592, 28 об., 45 об., Ап. I593, 57 об.; на сѣна Пс. I587, I38 об., I86 об.; на снѣ Пс. I587 (6 примеров); Ап. I592, 20I; Ап. I593, 262., 284 об.

При рассмотрении перечисленных примеров обращает на себя внимание следующая особенность: почти все имена с долготным корнем (вѣкъ, гнѣвъ, мужъ, свѣтъ) восходят к индоевропейским баритонированным основам.⁷ Неустановившаяся подвижность имен данного типа и допускает, очевидно, оттяжки, с которыми мы встречаемся в рукописях.⁸

в) Имена среднего рода

Количество оттяжек на предлог в существительных среднего рода невелико. Имена окситонированной а.п. дают единственный пример: на сѣно Пс. I587, 28I об.

Имена подвижной а.п. с основой на *o - /jo-: до моря Пс. I587, I69 об., I86; Пс. I599, I03, I20; по морю Пс. I587, 310; Пс. I554, I75; Пс. I599, 254; Ап. I592, 66 об.; Ап. I593, 83; Часосл. I570, 20I об., 2I4 об.; ВВ I557, 35I об.; на море Кормч. I590, 577; Пс. I587, 289; Пс. I599, 230 об.; Мин. I559, 6 об.; Треф. I597, 294 об.; на мори Пс. I587, I78, I97 об.;

⁷ J. K u r u c o w i c z. L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław-Kraków, 1958, с. 282.

⁸ Подробнее см.: Колесов. История..., с. I4I.

Ап. I593, 34; на поле Пс. I587, 288; на поли Пс. I566, 9I об., 93 об.; во чрево Часовн. I587, 72 об.; во чревь Кормч. I590, I9I; Ап. I593, 296 об.; Кан. I573, I38; Треф. I590-I6I0, 60 об., I70 об., 340 об.

Имена подвижной а.п. с *ен - и *ес - основами: до време Ап. I592, I02, I7I; Ап. I593, 42, I38 об., 238, 354 об.; ко времени Ап. I593, I87 об.; во время Кормч. I590 (27 примеров); Пс. I587 (6 примеров); Ап. I592, I60, I72, 252; Ап. I593 (7 примеров); Часосл. I570, 2I7, 25I об., 285 об., 303 об., 306; Часовн. I587, 36 об., 6I, 75 об., 77, 78, Треф. I590-I6I0, I4, 57, I22; въ время Пс. I587, 89 об.; Пс. I599, 28 об., 43 об., I0I, 226, 308; Треф. I597, 3I4; ВВ I563, 72 об.; на время Кормч. I580, 225, 373 об., 5I0 об.; Ап. I592, III, Ап. I593, I5I, I76 об.; Треф. I597, I36, I49 об.; ВВ I563, 93 об.; по времени Корм. I590, 458 об.; во имя Ап. I592, I, I2 об., 93 об., 95 об., 242; Ап. I593 (I3 примеров); Кан. I573, 43; Часосл. I570, I75 об., 2I6; Часовн. I587, 8 об., I8, 35 об.; Треф. I590-I6I0, 333, 337; со древа Треф. I590-I6I0, I8 об.; на древо Ап. I592, 79; Ап. I593, I02 об.; Треф. I590-I6I0, 5 об., 8, 3I; на древь Пс. I587, 335 об., 57I; Ап. I593, 2I об., 36 об., 245 об., Часосл. I570, 266 об.; Треф. I590-I6I0 (8 примеров); на нбо Пс. I587, I62, 265, 285, 330 об., 5II об.; Пс. I599, 96, 226 об., 65I об., 739; Ап. I592, 8 об., II9; Ап. I593 (6 примеров); Часосл. I570, 208; Треф. I590-I6I0, I89 об.; Сб. I598, 475; на нбси Кормч. I590, 36I об.; Пс. I587 (9 примеров); Ап. I599, 286 об., Ап. I593, I4, 39I об.; Часовн. I587, 9; Треф. I590-I6I0, 39, I92; на нсбхъ Пс. I587, 4I5 об.; Пс. I599, I30 об.; Ап. I593, 99 об.; Кан. I573, 53 об.; Треф. I590-I6I0, 275 об., 296 об., 3I5 об.; на тбле Ап. I593, I02 об., 252.

В именах *ес - основн. где было очень сильно морфологическое воздействие X₀-основ (что видно по представленным словоформам древа, тбле и др.), возможно было и аналогичное влияние ударения последних.⁹ Существительные *X₀-основ, получившие в рукописях отяжки, имеют, как можно увидеть, краткий корневой гласный.

Сделаем некоторые выводы. В представленном материале встречаются отяжки ударения на "еровый" предлог. Такие отяжки признаются исследователями характерными "только для

⁹ Колесов. История..., с. 202.

церковных текстов в памятниках, отражающих южнославянское влияние"¹⁰. В то же время примеры подобных оттяжек встречаются в древнерусских памятниках, преимущественно XVI в.¹¹ По мнению В.В. Колесова, оттяжка ударения на "еровый" предлог была вторичной для древнерусского ударения.¹² Наш материал, к сожалению, не дает возможности внести ясность в вопрос о происхождении "еровых оттяжек" в древнерусском ударении, т.к. для этого требуется набор фактов из рукописей, созданных в разное время в различных местах Руси. Рукописи же, послужившие источником настоящей статьи, представляют единый синхронный срез (примерные хронологические рамки: 1554-1610 гг.) и могут быть локализованы территориально.

В памятниках последовательно встречаются две основные просодические особенности северных говоров: широкое употребление двух знаков ударения над одной словоформой и достаточно частая фиксация ударения на предконечном долготном слоге (типа вероу, рекоу и др.).¹³ Следовательно, диалектное происхождение акцентной системы рукописей может, на наш взгляд, считаться доказанным. Поэтому представляется возможным связать возникновение оттяжек ударения на предлог с долготой - краткостью корневого гласного имен. Простой подсчет показывает значительное преимущество краткостных существительных над долготными (соответственно, 514 и 184 случая).

Кроме того, выше были оговорены некоторые случаи, когда имена с долготным корнем (в частности, довольно многочисленная группа имен мужского рода) по разным причинам оттягивали ударение на предлог.

Все эти причины и позволяют высказать предположение о том, что в говоре, акцентная система которого отражена рукописями, оттяжка ударения на предлог (и "еровый" и с гласным полного образования) происходила прежде всего у имен с краткостным корнем.

¹⁰ В.В. Колесов. Именная акцентуация в древнерусском языке АДД., Л., 1969, с. 7.

¹¹ Колесов. История..., с. 126.

¹² Колесов. История..., с. 223.

¹³ В.В. Колесов. Именная акцентуация..., с. 30.

II. "Морфологизация" именного ударения в северных говорах XVI в. (по материалам рукописей Кирилло-Белозерского собрания ГИБ)

Исследования последнего времени устанавливают в русском языке XVI-XVII вв. зависимость словесного ударения от грамматических изменений.¹ Ударение приобретает морфологический характер, наблюдается "морфологизация" подвижного ударения.

Любопытный материал в этом отношении дают рукописи Кирилло-Белозерского собрания Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.² В памятниках обнаружены явления, связанные с морфологической системой говора.

I. Действие аналогии надежных форм на всю парадигму склонения или другие словоформы. Это явление наблюдается в именах мужского рода. В род. мн. рукописи дают четкую акцентную дифференциацию старой и новой форм (напр., грѣхъ - грѣховъ). Согласно теории А.А. Шахматова, перенос ударения на корень в исконно окситонированных именах связан с образованием новоакутовой интонации.³ Несомненно, определенное значение имеет здесь и стилистическое разграничение ударения в русских и церковнославянских формах.

Исконно подвижные имена с $\text{^}0$ - основой также фиксируют последовательный наконецный акцент в формах род. мн. Флексия -овъ появилась в этих существительных как результат аналогии с формами $\text{^}и$ - основ. Широкое распространение этой аналогии приводит к тому, что ударение на конце слова имеют имена как с краткими, так и с долгими основами. В описываемых рукописях достаточно последовательно отражено противопоставление гласных в корне слова по долготе-краткости: наблюдается стабилизация ударения на этимологически долгих корневых гласных. Тем более важно заметить фиксацию акцента на новой флексии.

¹ В.В. Колесов. Именная акцентуация в древнерусском языке. АИД. Л., 1969, стр. 1; Н.И. Хренова. Ударение имен существительных мужского рода в русском языке XVI-XVII вв. - "Проблемы истории и диалектологии славянских языков". М., 1971, стр. 290-299.

² Список источников см. в статье "Оттяжки ударения в сочетании "предлог + существительное".

³ А.А. Шахматов. Дифтонги юб и іе в великорусских говорах. - "Вопросы языкознания", 1964, № 5, 6.

II. Акцентное разграничение различных флексий одной и той же падежной формы. Эта черта проводится последовательно всеми классами имен. Из приведенных ниже примеров видно, что существительные с различными основами и в разных падежных формах изменяют ударение в связи с изменением флексии: вин. ед. роса-росу (Пс. I554); род. мн. крѡвѣи-крѡвѣй (Треф. I590-I610); звѣрѣи-звѣрѣй (Пс. I566); мужей-мужѣи-мужѣй (Ап. I593); вин. мн. врагѣи-врагѣи (Пс. I587); тв. мн. грѣхѣи-грѣхѣи (Сб. I598) и т.д.

Очевидно, что возникновение новых флексий давало толчок к "грамматизации" ударения. Этот процесс был тем более возможен, что утрачивается ценность таких просодических элементов языка, как интонация и количество.

В списке примеров встречаем случаи, когда использование форм именительного падежа в функции винительного (роса, врагѣ), характерное и для современных севернорусских говоров, влечет за собой и употребление первоначальной акцентуации формы.

III. Наиболее последовательно указанное явление происходит в именах среднего рода с консонантными основами. Здесь мы встречаемся с сосуществованием двух равноправных акцентных парадигм. Существительные *ев - и других консонантных основ стали склоняться по типу *о-основ. По аналогии с акцентными типами последних меняется и ударение имен с основами на согласный: слова - словесѣ, тѣлу - телесѣ и др.

IV. В различных разрядах имен встречаются омонимичные словоформы (вины - род. ед., им. - вин. мн.; кости - род., дат., местн. ед., им. - вин. мн. и др.). Рукописи отметили неодинаковый характер взаимодействия этих форм.

Имена мужского рода склонны к различению их ударения; особенно заметно это в противопоставлении: тв. ед. - дат. мн. Формы единственного числа имеют накоренную акцентовку, во множественном числе встречаемся с ударением на конце слова: власомѣ - власомѣ (Ап. I952); даромѣ - даромѣ (Пс. I587; Ап. I593). Здесь ударение, по всей вероятности, выполняло формо-различительную функцию.

Иная картина наблюдается в парадигмах имен женского рода. Формы единственного числа, напротив, испытывают воздействие сильных для подвижной акцентной парадигмы форм именительного-винительного множественного и оттягивают ударение на корень. В имена *а-основ видим накоренное ударение в род. ед.: вины (Мин. I559; Часовн. I587; ВВ I563); главы (Пс. I566; Часо-

сл. I570; Треф. I597); зимн (ВВ I563); руки (Пс. I566) и др. Аналогичное явление наблюдается и в других именах женского рода.

Упомянутое различие может быть вызвано тем, что парадигмы склонения существительных женского рода сохранились лучше форм мужского рода, в которых произошла унификация типов склонения.

У. Влияние морфологических явлений на акцентную систему настолько значительно, что оно привело к возникновению новых типов подвижности. В основе их лежит противопоставление накоренного ударения в формах единственного числа наконечному во множественном. В новый подвижный тип вошли имена исконно подвижной и окситонированной акцентных парадигм. В этот тип объединяются различные виды подвижного ударения. Все они представлены различными разрядами существительных. Основные подтипы подвижной а.п. показаны в следующей таблице:

Падеж- форма	C ₁	C ₂	C ₃	C ₄	C ₅	C ₆	C ₇	C ₈	C ₉	C ₁₀
им.ед.	К	К	К	К	К	К	Ф	К	К	Ф
род.ед.	К	К	К	К	К	К	К	К	К	Ф
дат.ед.	К	К	К	К	К	К	Ф	К	К	Ф
вин.ед.	К	К	К	К	К	К	К	К	К	Ф
тв.ед.	К	К	К	К	К	К	К	Ф	К	Ф
местн. ед.	К	К	К	К	К	Ф	Ф	Ф	К	К
им.мн.	К	К	К	К	Ф	К	К	К	Ф	Ф
род.мн.	Ф	Ф	Ф	К	К	Ф	Ф	К	Ф	К
дат.мн.	К	Ф	Ф	К	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф
вин.мн.	К	К	К	К	Ф	К	К	К	Ф	Ф
тв.мн.	К	К	К	К	К	К	Ф	К	Ф	Ф
местн. мн.	К	К	Ф	Ф	К	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф

Условные обозначения: К - накоренное ударение,
Ф - наконечное ударение.

Перечисленные выше явления позволяют заметить, что морфологические изменения оказывали значительное воздействие на судьбу акцентной системы, представленной в рукописях.

О СИСТЕМО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ
ТИПА НАПИШЕТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С НЕКОТОРЫМИ ДРУГИМИ
СЛАВЯНСКИМИ И ИНДООБРОПЕЙСКИМИ)

Н.А. Луценко

I

Вопрос о семантических функциях глагольных форм типа напишет не раз подвергался обсуждению в исследованиях по славянскому глаголу¹. В последнее время М.А.Шелякина указал на него как на один из спорных вопросов современной аспектологии². В настоящей статье, опираясь на предшествующие исследования и привлекая некоторый материал из других славянских и индоевропейских языков, попытаемся представить логику развития и основных синхронных связей указанных форм в русском языке.

В русской грамматике формы типа напишет обычно рассматриваются как формы будущего совершенного. Этот взгляд проистекает из того, что, согласно традиционным представлениям, совершенный вид, в отличие от несовершенного, может образовать только две формы времени: прошедшее (написал) и будущее (напишет)³.

Тем не менее толкование форм типа напишет как форм для обозначения будущего неоднократно подвергалось сомнению. В особенности категорической форме это сомнение было высказано О. Зайцелем, который на основе тщательного изучения важнейших теоретических и описательных источников довоенного времени (раб. А.Мазона, С.Карцевского, Э.Копшайдера и др.) пришел к выводу о том, что славянские совершенные глаголы не располагают особой формой для выражения будущего⁴. В русистике последних лет известна точка зрения А.В.Бондарко, согласно ко-

¹ См. указанные ниже работы А.Мусича, О.Зайцеля, А.В.Бондарко, М.А.Шелякина, И.К.Буниной, А.М.Пешковского, М.Янакьева и др.

² М.А.Шелякин. О спорных вопросах видо-временной системы русского глагола. — Учен. зап. Тартуск. ун-та, вып. 524. Тарту, 1980, с. 3-23.

³ См., напр.: С.И.Асакумов. Современный русский литературный язык. М., 1942, с. 89.

⁴ E. Seidel. Zur Futurbedeutung des Praesens perfectivum im Slavischen. "Slavia", XVII, Nr. 1-2, 1939, S. 32.

торой формы типа открою имеют не только значение будущего, но и настоящего неактуального⁵. Несколько уточняя концепцию А.В. Бондарко, М.А.Шелякин отметил: "На наш взгляд, форма настоящего-будущего (типа напишу) в русском языке не омонимична и не многозначна, а синкретична в том смысле, что она постоянно совмещает признаки настоящего и будущего: контекстуальные условия только усиливают один из них при ослаблении другого, но не "выключают" или "включают" определенный признак"⁶.

Какая из изложенных точек зрения более приемлема? Очевидно, что, только признав или отвергнув одну из упомянутых концепций, мы ничего к ним не добавим и вряд ли еще один голос "за" будет достаточно объективно свидетельствовать о правильности одной и неправильности или неточности другой концепции. Необходимо исходить из отчетливых методологических критериев. Какими могут быть эти критерии?

В одном из современных пособий по методологии говорится: "Теоретическое - это то состояние знания, когда объект дан в своем историческом формировании как некоторая целостность, как "органическая система", ступени саморазвития которой и определяют каузально все ее отдельные проявления, черты и качества"⁷. Таким образом, чтобы объяснить настоящее рассматриваемой формы в языке, необходимо выявить "логику ее истории"⁸. Установление этого, как и выявление системно-синхронных отношений форм типа напишет, возможно только путем введения их в системный - "горизонтальный" и "вертикальный" - контекст - путем раскрытия синхронических и диахронических отношений с другими формами.

II

И диахронически и синхронически формы типа напишет соотносятся с формами пишет, т.е. с формами собственно презенса (оппозиция *praesens verbi perf.*: *praesens verbi imperf.*). Как отмечается в научной литературе, в русском языке настоящее время имеет два основных значения: "во-первых, оно выражает действие, совпадающее с моментом речи; во-вторых, дей-

⁵ А.В.Бондарко. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971, с. 58.

⁶ М.А.Шелякин, указ. соч., с. 9-10.

⁷ Гносеологические проблемы диалектического материализма. Под ред. проф. Ф.И.Георгиева. М., 1974, с. 249.

⁸ Ср.: Арн. Чикобава. Историзм и лингвистика. ВЯ, 1980, № 6, с. 3-12.

стве, постоянно совершающееся, в любое время, а, следовательно, совпадающее и с моментом речи"⁹. Вопрос о том, какое из этих значений и как системно взаимодействует с семантикой форм типа напишет, играет первостепенную роль в плане разрешения задач, поставленных в настоящей работе. Не входя в рассмотрение хронологии обсуждения этого вопроса в литературе, отметим, что, на наш взгляд, в общем следует признать справедливой гипотезу А.Мусича, согласно которой имперфективный презенс образовал возле себя перфективный презенс потому, что в первом наряду с обозначением актуально протекающего действия выразилось неактуальное (вне настоящего говорящего) протекающее действие (так наз. вневременное значение). Только там, подчеркивает А.Мусич, где наблюдалось такое совмещение значений (а это из всех индоевропейских языков в наиболее значительном объеме выявлялось в славянском), мог развиться возле презенса *verbi imperf.* презенс *verbi perf.* (пада мь — падемь). Там же, где презенс имеет только значение актуально протекающего действия (как, с редкими исключениями, в греческом), не мог возникнуть перфективный презенс. Основным, первичным значением презенса является, по Мусичу, не вневременное значение, а значение актуального настоящего, поскольку оно, в отличие от первого, представлено и в других индоевропейских языках¹⁰.

В свете фактов, отмечаемых в других исследованиях¹¹, в этом пункте гипотеза Мусича может натолкнуться на возражения. Пока, однако, для нас это не столь существенно.

Формулируя гипотезу А.Мусича в терминах современной структурной (синхронной и диахронной) морфологии¹² и тем самым одновременно проверяя ее, получаем, что возле имперфек-

⁹ Современный русский язык. Морфология. Под ред. акад. В.В.Виноградова. М., 1952, с. 296.

¹⁰ А. Music. Zum Gebrauch des Praesens verbi perf. im Slavischen. "Archiv für slavische Philologie". Bd. 24, Nr. 1-2, S. 479-514.

¹¹ См.: Е. Koschieder. Zeitbezug und Sprache. Ein Beitrag zur Aspekt- und Tempusfrage. Leipzig-Berlin, 1929, S. 73; J. Černý. O vzniku a vývoji gramatických kategorií. "Slovo a slovesnost", XXXI, 1970, Nr. 3, s. 213.

¹² Изложение принципов структурного диахронического анализа см. в указанной в предыдущей сноске работе И. Черного.

тивного презенса как немаркированной формы образовалась маркированная форма для обозначения вневременного значения презенса ($X : X^A$).

При таком подходе рассуждений, исходя из чисто структурных соображений, получается, что только вторично в презенсе *verbi imperf.* могло развиться значение актуального настоящего (как функция $X^{\text{non-A}}$ по отношению к функции X^A). В данном случае, кроме того, очень важно подчеркнуть, что речь идет не о видовой, а о темпоральной функции презенса (ср. ниже). То, что в греческом, санскрите и др. языках для реализации вневременного значения употреблялся так называемый гномический аорист, говорит о том, что системы этих языков избрали аналогичный, но не во всем сходный со славянским путь развития.

Различие этого заключалось в том, что в санскрите, древнегреческом и др. презенс представлял синкретизм не временных, а видовых значений. "Первоначальной функцией основы презенса со всеми ее оттенками, - заключает Э.Роденбуш, обобщая свои наблюдения над фактами древнегреческого языка, - было представлять процесс или состояние в его течении и, насколько это было возможно, в его ограничении"¹³. Говоря иначе, презенс был немаркированной по виду формой. Отсюда первоначальное назначение аориста - эксплицировать совершенность по отношению к неразличению совершенности/несовершенности ($X : X^A$). В результате такого взаимодействия точно так же в презенсе должна была развиться функция обозначения актуального настоящего, которая по характеру системных отношений была, в отличие от славянского, прежде всего видовой ($X^{\text{non-A}}$).¹⁴

Вывод этот поддерживается (как и обратно поддерживает), с одной стороны, выдвигаемым в некоторых исследованиях положением о видовом характере отношения греч. презенса и аориста, с другой стороны, ставшим широко распространенным в сравнительной грамматике положением о глагольном виде как славянском новообразовании. В этом случае указанные положения ло-

¹³ E. Rodenbusch. Beiträge zur Geschichte der griechischen Aktionsarten. - "Indogermanische Forschungen", Bd. 21, Hf. 1-2, S. 143.

¹⁴ Ср. другое заключение Э.Роденбуша: "Противопоставление к основе аориста больше и больше придавало основе презенса и особенно имперфекту исключительное значение незавершенности (Nichtvollendung)" (там же). Мы бы сказали - "значение недостижимости предела".

гически связываются, вместо того, чтобы представлять, как это наблюдается в некоторых исследованиях, альтернативу друг к другу.

На следующем этапе развития в обеих системах, следовательно (греческий - славянский), возникновение функции актуального настоящего приводило к образованию различных категорий: в системе греческого - к образованию категории времени; в системе славянского - к образованию категории вида.

Как конкретно можно представлять себе это развитие? В системе славянского в оппозиции к функции конкретно протекающего действия (презенс *verbi imperf.*) в презенсе *verbi perf.* должно было развиваться видовое значение достигнутой предела этого действия. И так как конкретное настоящее, как подчеркивает Э. Кошмидер¹⁵, характеризуется проспективной ориентацией (—), то соответствующая временная функция формального презенса *verbi perf.* могла быть только функцией будущего, связанного с настоящим (немаркированного настоящего: см. ниже).

В системе греческого (как представителя другой линии развития в индоевропейской языковой семье) в оппозиции к актуальному настоящему в аористе должно было развиваться значение неактуального настоящего, что соответствующим образом поддерживалось и его видовым значением. То, что развитие происходило именно таким образом, подтверждается тем, что в "гномическом" смысле употребляется аорист (вместо презенса и иногда: ср. выше - наряду с ним) и был исключен имперфект.

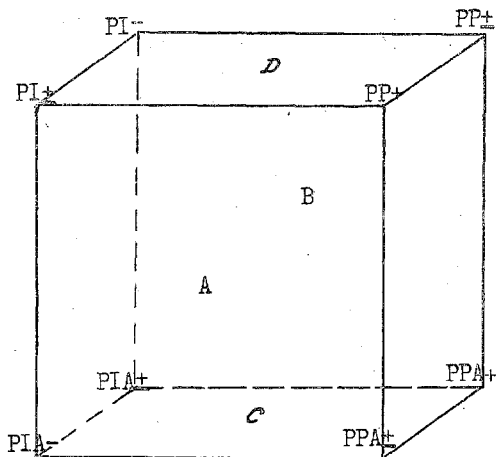
Из славянских языков лишь в сербско-хорватском, согласно А. Мусичу, в пословицах используется такой аорист (ср. Два лоша избише Милоша), что, возможно, указывает на развитие¹⁶, подобное развитию системы глагола в греческом.

Сказанное дает возможность развитие в славянских языках обсуждаемого участка глагольной системы в целом представить таким образом¹⁷:

¹⁵ E. Koschmieder, *Zeitbezug...*, S. 4, 12, 21 u. a. В цитированной ниже (сноска 16) работе см. с. 42.

¹⁶ В отличие от других славянских, в современных южнославянских языках формы перфективного презенса не употребляются для обозначения будущего в сказуемом главного предложения. См.: E. Koschmieder, *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarzysie. Proba syntezy*. Wilno, 1934. s. 164.

¹⁷ Объяснение символов, представленных в схеме: PI - презенс имперфективных глаголов; PP - презенс перфективных глаголов; PIA - презенс имперфективных глаголов в сфере актуальности; PPA - презенс перфективных глаголов в сфере актуальности; плоскость A - отношения по времени; плоскость B -



Прежде чем переходить к конкретному материалу, дадим ряд комментариев к приводимой схеме.

Верхнее горизонтальное и левое вертикальное ребра передней части куба (PI - PP и PI - PIA) схематизируют, во-первых, описанный выше процесс образования возле имперфективного презенса перфективного презенса для обозначения неактуального настоящего (немаркированность \pm — маркированность +), во-вторых, выделение в качестве самостоятельной в имперфективном презенсе функции актуального настоящего (немаркированность \pm — отрицательная маркированность -). Закономерности организации системы выявляют себя таким образом, что маркированность формы по одному признаку обычно связывается с немаркированностью по другому признаку. Поэтому в сфере отношений по времени формы перфективного презенса должны были выступать как маркированные по признаку неактуального настоящего (это подтверждается и языковыми фактами; см. ниже).

В плане отношений по виду имперфективный презенс (плоскость B, PI), выражая постоянство (неперспективность) осуществления действия¹⁸, одновременно указывал на его незавершенность (отрицательная видовая маркированность). В противо-

отношения по виду; + - маркированность; - - отрицательная маркированность; \pm - немаркированность.

¹⁸ Ср.: И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М., 1959, с. 155.

положности к этой функции имперфективного презенса (PI) PIA немаркированно должен был объединить в себе (в славянском, еще раз подчеркнем, по характеру системных отношений первоначально это чисто темпоральная функция) значение протекания действия в поле зрения говорящего (в буквальном смысле 'Präsenz') с его завершенностью: функция так называемого настоящего исторического. Ср: В глянцевитый стакан наливается чай. А потом выпивается чай. Невзначай (Б.Слуцкий).

Согласно закономерностям системы, перфективный презенс во вневременном употреблении также должен выявлять аспектуальную немаркированность, в сфере же актуальности (PPA) отчетливо указывать на достижение действием его переломного момента.

III

Обратимся теперь к фактам и посмотрим, в какой мере вышеприведенные рассуждения согласуются с конкретным материалом, в какой мере они его объясняют.

I. Маркированное употребление форм типа напишет (в схеме PP, +) по признаку неактуального настоящего в русском языке наблюдается прежде всего в пословицах, поговорках, различного рода предложениях: скажет как завяжет; была бы шея, а ярмо найдется; пустой мешок введет в грешок; горбатого могила исправит; язык до Киева доведет и т.д. В др.-русск.: аще кто мать не послушает в бѣду впадетъ (Пов. врем. лет); къгда бывшее помяну трепещу (усп. сб.); в укр.: лихий доброго попису; копа переможе й попа; в'зьме й багатого за печ'ники; кому шастя, той с на кия виipline; макед.: како ќе си постелиш, така ќе си легнеш 'как постелешь, так и ляжешь'; словацк.: kõn ma štyri nogy a predsa sa potkne 'конь о четырех ногах, да (и тот) спотыкается (споткнется)'; польск.: jak kto sobie pościela, tak się wubpi 'как кто себе постелет, так и высится' и т.п. Ср. также: ...должен признаться, что только наш брат, охотник, пойдет (ср. ходит) на таежное болото после проливных дождей (Б.Можаев). Примеры из болгарского дает Ю.С. Маслов¹⁹. Факты старославянского широко представлены в упомянутой работе А.Мусича. Примеры и анализ соответствий в греческом и латинском см. у Э.Черного²⁰.

¹⁹ Ю.С.Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). - Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959, с. 244.

²⁰ Э.Черный. Греческий синтаксис гимназического курса, изложенный сравнительно с русским и латинским. М., 1885, с.127.

Отмеченный тип употребления легко идентифицируется субституцией форм *verbi perf.* формами *verbi imperf.* в так называемом вневременном употреблении.

2. Немаркированность по признаку актуального настоящего форм типа напишет (в схеме PPA, +) в русском языке подтверждается прежде всего известным примером К.С.Аксакова-А.М.Пешковского: Посмотрите, что делает заяц: то вскочит, то ляжет, то перевернется, то подымет уши, то прижмет их. Совершенная форма здесь в каждом отдельном случае выступает как немаркированный (темпоральный) субститут маркированной формы. Значение актуального настоящего имеет и форма сдержится в таком примере: Нет, он сейчас сдержится, но зато позже все вернет сполна (В.Лесков). Подобное употребление говорящим, очевидно, связывается с необходимостью дать четкую аспектуальную характеристику действию, о котором идет речь.

А.В.Бондарко, поддерживая мысль Э.Кошмидера о недопустимости совершенного вида в актуальном настоящем, рассматривает этот тип употребления в рамках неактуального настоящего²¹, с чем правильно, на наш взгляд, не соглашается М.А.Шелякин²². В свое время критические замечания в связи с указанным утверждением Э.Кошмидера высказывали Э.Герман и А.Дебруннер²³. В согласии с ходом мысли Э.Германа и, что очень важно, независимо от него А.М.Пешковский заметил: "... и то, что происходит во время речи, можно при известном усилии представить себе "точечно", т.е. поместить мысленно "миг" совершення процесса в с е р е д и н у (разрядка А.М.Пешковского. - Л.Н.) того крайне малого отрезка времени, который занят названием этого процесса"²⁴. "Но столь трудное представление, - добавляет А.М.Пешковский, - должно быть поддержано обычным представлением настоящего времени, и в данном случае, например, понимание всех этих глаголов в плоскости настоящего вре-

²¹ А.В.Бондарко, указ. кн., с. 220-223.

²² М.А.Шелякин, указ. соч., с. 18.

²³ E. Hermann: 1) *Aspekt und Aktionsart. - Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol. - Hist. Klasse. 1933. Hf. 4, S. 470-480; 2) Aspekt und Zeitrichtung. - "Indogermanische Forschungen". Bd. 54, 1936, S. 262-264; A. Debrunner (Rez.). Koschmieder, E. Zeitbezug und Sprache. Ein Beitrag zur Aspekt- und Tempusfrage. Leipzig und Berlin, 1929. - "Indogermanische Forschungen", Bd. 48, 1930, S. 89-95.*

²⁴ А.М.Пешковский. *Русский синтаксис в научном освещении.* Изд. 7-е. М., 1956, с. 110.

мени всецело обусловлено тем, что им предпослано "настоящее" настоящее время..."²⁵. Эти последние слова А.М. Пешковского необходимо понимать, на наш взгляд, как косвенное подтверждение положения о немаркированности форм типа напишет по признаку актуального настоящего ("присутствия"): в синтагматическую цепь должен быть включен член - носитель значимости $X_{\text{non-A}} (-)$, с тем чтобы актуализировать аналогичную функцию $(-)$ в члене со значимостью "как X^A ", так и $X_{\text{non-A}} (+)$.

Точку зрения, согласно которой "глаголами совершенного вида могут обозначаться конкретные действия, относимые к настоящему", отстаивает и Е.К. Бунина²⁶, включающая в рассматриваемый тип употребления случаи типа как кивается, как победит, зову - не дозовусь и др. Подобные примеры представлены и в нашем материале. Ср.: Кругом тишина; только изредка жука вылетит из засады и бросится в погоню за добычей, да шлепнет по воде разнырнувшийся лещ... (И.Салов); - Нет, смотрите, все-таки какой вечер. Воздух будто налит меж кустов - не шелухнется, не дрогнет (М.Глинка). Следует, однако, отметить, что критические замечания А.В. Бондарко по поводу некоторых таких примеров²⁷ вполне справедливы: не в каждом из них идет речь о конкретном процессе осуществления действия. Соответствующей дифференциации следовало бы подвергнуть и примеры, приводимые в "Грамматике-70"²⁸. В частности, с нашей точки зрения, в одном ряду не могут располагаться никак не найду (актуальное настоящее) и вечно он что-то выкинет и др.

Это, однако, не свидетельствовало бы о ложности представляемой здесь позиции в целом. Как это практически ни трудно, согласно А.М. Пешковскому (см. выше), теоретически вполне доступно представить себе случай, когда действие достигает своей цели в момент, совпадающий по времени с сообщением об этом действии. Как раз из этого прежде всего исходит в своей критике взглядов Э. Кошмидера Э. Герман. Такое совпадение, считает Э. Герман, имеет место в случае так называемой коинциденции (попрошу показать конспекты). При этом автор близок к тому, чтобы ограничить область подобного употребления только коинциденцией. Однако и в таких примерах, как никак не най-

25 А.М. Пешковский, указ. соч., с. III.

26 И.К. Бунина, указ. соч., с. 13, 146, 156-157.

27 А.В. Бондарко, указ. соч., с. 221-223.

28 Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 359-360.

ду, зову - не дозовуся, подчеркивается тот факт, что действие не достигло своей цели именно в момент, когда об этом говорится. Существенное значение в плане подрешления точки зрения, согласно которой перфективный презенс может иметь актуальное значение, имеет также то, что, как отмечается в грамматической литературе, форма совершенного "будущего" не указывает на отрыв обозначаемого ею действия от момента речи (ср. повторяемому во многих работах интерпретацию известного примера С.О.Карцевского Она сейчас оденется). О темпоральной немаркированности форм типа напишет, очевидно, свидетельствует и употребление перфективного презенса в контекстах типа Поезд придет (вместо или наряду с приходит) через минуту и под.²⁹

Отмеченный ход рассуждений подтверждается фактами других языков.

В украинском языке В.М.Русановский без каких-либо оговорок выделяет тип употребления будущего совершенного в значении настоящего для передачи действий, осуществляющихся в момент речи: Утомився вороненький, Іде, спотикнеться... (Т. Шевченко).³⁰ Аналогичное употребление возможно в польском, чешском, других славянских языках³¹.

Итак, неправы исследователи, которые вопреки известным и/или ими же приводимым фактам жестко связывают временные понятия с видовыми, - включают в определения временных форм, в том числе в определение настоящего³², видовые признаки. В этом случае результаты определенных тенденций в развитии славянских и др. языков (историческое) трактуются как типологическая черта (внеисторическое). В действительности дело обстоит иначе. "Что касается формы настоящего времени (praesens), - указывает О.Есперсен, - то, по-видимому, во всех языках необходимо лишь включение теоретического нулевого пункта (пункта "сейчас" в строгом смысле) в период, обозна-

²⁹ Ср.: V.Koseska - Toszewa. Forma werbalna a jej funkcja temporalna (na przykladzie form praesens w jezuku polskim, rosyzjskim i bulgarskim). - Charakterystyka temporalna wypowiedzenia. Mat. konf. Wroclaw etc., 1975, s. 163.

³⁰ В.М.Русанівський. Структура українського діє слова. К., 1971, с. 247.

³¹ И.К.Бунина, указ. соч., с. 157-158.

³² М.Янакиев. За грамемите, наричани в българската граматика "сегашно време" и "бъдеще време". - В кн.: Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976, с. 235 и сл.

чаемой данной формой"³³.

3. Во вневременном употреблении (в схеме РР, +) форма типа напишет выступает как немаркированная (примеры выше), но не по признаку достигнутой предела действия, а по признаку непрекращенности, непрерывности действия: выражение язык до Киева доведет может полагаться как соответствующее резюме к факту осуществившегося (прекращенного) действия ('язык до Киева довел') или же указывать на то, что действие еще не совершилось, пониматься как принцип действия, приводящий к определенному результату (действие в это время осуществляется): 'язык до Киева доводит' (в данном случае и всегда).

В этом месте в связи с изложенным стоит обратить внимание еще на один факт. То, что форма перфективного презенса изначально была формой для обозначения вневременного ("всевременного") значения подтверждается ее свободной сочетаемостью в современном языке с детерминантами типа часто, иной раз, каждый раз, всегда и под. Ср. Часто сядет и спит себе, пока его не разбудят; всегда что-нибудь напутает; иной раз и рассердится; сейчас он на пенсии, но нет-нет да и заглянет в родной цех; ... и редко-редко соберутся вместе за околицу песенок попеть... (П.Мельников-Печерский); Вечерами то сова захочет, застонет во тьме, то щелкнет, рассыплет хрустальную трель степной сословей (О.Кожухова); укр. завжди ти спізнишся; макед. од бужакот одвреме навреме ќе спроти шумска птица; польск. сам często naję się do syta i dla dzieci weźme и т.д.

Несмотря на то, что на месте или в позициях, подобных по своим особенностям позициям употребления перфективного презенса во вневременном значении, в пословицах находим и формы прошедшего (ср. нанялся - продался; укр. купив - не купив, а поторгуватися можна и т.п.), такое употребление, очевидно, следует считать вторичным, так как в большинстве славянских языков формы указанного типа (нанялся, купив) с названными детерминантами не сочетаются.

В греческом, наоборот, при πολλακις 'часто' обычен аорист и очень редок имперфект. Этот же детерминант иногда сопровождает аорист в указанном гномическом употреблении, хо-

³³ О.Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, с.302. Ср. также рассуждения И.К.Бунинной в указ. кн., с. 6-22, а также в: И.К.Бунина. История глагольных времен в болгарском языке. Времена идикатива. М., 1970, с. 10 и сл.

тя, однако, что является весьма немаловажным фактом, с *semper* 'всегда' сочетается не аорист, а только имперфект. Лат. *semper* 'всегда', наоборот, сочетается с перфектом, который, согласно Кошмидеру, тесно связан с греческим аористом³⁴: *populi Romani res gestas ornavit (sic.)*³⁵. Эти факты, в целом подтверждающая отмеченное выше, дают повод для ряда других весьма интересных заключений³⁶, которые здесь, однако, не могут быть высказаны.

4. Представление действия маркированно-совершенно-обычная функция форм типа напишет (в схеме PPA, +). Ср.: Избы затопятся в селах, Птицы умолкнут в бору... (И. Мельниченко); ...боюсь - вдруг тебе полетится не вместе со мной - от меня! (А. Романов); Все будет по-другому, изменятся даже друзья (В. Лесков).

В предложениях, содержащих как однородные сказуемые формы презенса *verbi imperf.* и "презенса" *verbi perf.* формами типа напишет отчетливо выражается признак достигнутой предела действия: И Якушев, в свою очередь, узнаёт или вот-вот узнает в этом человеке что-то утопленное в памяти, до времени скрываемое (В. Битюков); "Но я же его люблю?" спросила она себя и с ужасом поняла, что разлюбляет, вот-вот разлюбит (И. Грекова). Бьет, но наверняка не разобьет; сейчас он ремонтует и примерно через час отремонтирует свой станок и т.д.

Вставка детерминантов типа всегда в такой синтаксический ряд исключена. В теоретическом плане данный тип употребления подробных комментариев не требует.

Обратимся к ряду дополнительных замечаний, касающихся изложения в целом.

Важно отметить, что предложенная схема дает возможность и по вертикали отчленить друг от друга две плоскости взаимодействия форм и функций в рассматриваемой подсистеме (плоскость и плоскость С) и извлечь из этого некоторые новые существенные выводы.

Плоскость С - это плоскость отношений форм и функций в плане актуальности; плоскость D - плоскость отношений форм и функций в плане неактуальности. Две области отношений связываются различными временными и видовыми признаками. Отноше-

34 В. Koschmieder. *Zeitbezug und Sprache...* S. 53-54.

35 Пример из указ. кн. Э. Черного, с. 125.

36 Например, о том, что имперфект принимал на себя ряд функций аориста и презенса.

ния в плоскости D основаны в темпоральном плане на признаке, исключающем настоящее момента речи; в аспектуальном плане — на признаке непрерывности действия (состояния). Отношения в плоскости C в темпоральном плане основаны на признаке *his et nunc* (Präsenz, присутствия), в аспектуальном плане — на признаке достигнутой предела.

Различие плоскостей взаимодействия можно показать конкретно. В примере ...поживем — доживем и увидим (Д.Мамин-Сибиряк); ср. также погов. поживем — увидим — формы поживем и доживем должны оцениваться в плане различных сфер взаимодействия описываемой подсистемы.

Форма поживем в аспектуальном плане должна оцениваться с точки зрения отношений, описанных для плоскости D (т.е. как немаркированная): она не выражает эксплицитно прекращения действия "жизненного существования" и даже, если иметь в виду смысл всего контекста, скорее полагает, что такого прекращения не будет. Форма доживем, наоборот, говорит о том, что по истечении некоторого времени действие достигнет своего предела (цели). Данное различие, как нетрудно увидеть, связано с семантикой соответствующих приставок.

Основные черты употребления и системное назначение форм типа напишет, таким образом, хотя и являются сложными для эмпирической интерпретации, тем не менее могут быть достаточно удовлетворительно объяснены теоретически; такому же теоретическому объяснению, очевидно, в состоянии подвергнуться и более частные особенности употребления указанных форм и другие их отношения в системе глагола.

Описанные отношения форм типа напишет, разумеется, касаются прежде всего области их основных — инвариантно-системных признаков и связей. Сама схема дает понять, что, помимо изложенного, между формами и функциями возможно еще, так сказать, "диагональное" взаимодействие (как в пределах одной плоскости, так и пространственно-межплоскостное; ср. употребление форм совершенных глаголов в функции исторического настоящего). Описание такого взаимодействия, соотнесение его с определенными особенностями функционирования форм — предмет самостоятельного исследования.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКИХ КУМУЛЯТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Э. Дземакулова

1. История русских кумулятивных глаголов — это прежде всего история приставки НА-. Как известно, приставка НА- в количественном значении в современном русском языке образует как группу кумулятивных глаголов (НА- + производящий глагол), так и группу сативных глаголов (последние образуются одновременным присоединением приставки НА- и постфикса -СИ). Главная задача — исследование истории глаголов кумулятивного способа действия — требует рассмотрения генезиса данного разряда слов в русском языке, что, в свою очередь, предполагает изучение семантики приставки НА-, а также словообразовательной базы данных дериватов.

2. Несмотря на то, что исследователи не раз уже обращались к анализу русских кумулятивных глаголов, история становления данного разряда слов остается до сих пор недостаточно выясненной. Как показывает анализ работ, посвященных указанной группе слов, внимание языковедов обращено в основном на описание этих глаголов в современном русском языке /4; 5, 348; 17; 18; 3/, вместе с тем их генезис, их семантическая сторона (в диахроническом плане) остаются до сих пор не исследованными.

Некоторые предположения о происхождении кумулятивов можно сделать на материале современного русского языка. Так наблюдения над глаголами типа набрести, накидать, наговорить, нажать, налепить и под. позволяют предположить, что история кумулятивов русского языка связана с локальными дериватами (см. высказывания Б.Н. Головина — /4, 429/). Об этом свидетельствует совмещение локального и кумулятивного значения в одном и том же деривате, причем локальное значение может подтверждаться дублированием приставки НА- предлогом НА (в некоторых случаях предлогом В), а значение накопления — дополнением в форме родительного падежа: наговорить лишнего, чепухи — наговорить на кого-нибудь; нажать соку — нажать на педаль; налепить фигурок — налепить что-либо на стену и т.д. Однако такие предположения недостаточны, требуется еще ана-

лиз исторического материала. Этим и обусловлен выбор темы данной статьи.

Исследование ведется на материале картотеки Словаря древнерусского языка XI-XIV вв. (в дальнейшем - СДР), картотеки Словаря русского языка XI-XVII вв. (далее - ДРС) Института русского языка АН СССР, на данных словаря И.И. Срезневского (в дальнейшем - СМ)^I.

Исследование строится с ориентацией на время фиксации приставочных дериватов, в связи с чем они располагаются в диахроническом плане по трем группам: первая - глаголы, отмеченные в памятниках XI-XIV вв.; вторая группа - глаголы, зафиксированные в XV-XVI вв., и третья - дериваты, отмеченные в языке XVII в. Ввиду того, что памятники древнерусского языка, в особенности ранней поры, дают чрезвычайно малое количество рассматриваемых дериватов, в работе используются примеры и с глагольными формами, напр., причастиями, а также некоторые глагольные суффиксальные образования от приставочных дериватов, в которых, по нашему мнению, приставка НА имеет кумулятивное значение.

3. На ранней ступени исторического развития древнерусского языка (XI-XIV вв.) глаголов со значением накопления объектов или результатов действия зафиксировано крайне мало; более того, говорить о кумулятивной семантике глагола приходится условно. В таких примерах "накопительность" выражается, как правило, лексическим значением окружающих слов, а не самим дериватом. В подобных случаях целесообразно говорить о кумулятивной конструкции (а не деривате) или о кумулятивном употреблении локального деривата. Контекстуальные (грамматические) показатели, как правило, не отмечаются. Сами дериваты ясно выражают прежде всего локальное значение: НАВОЛОЧИТИ - (I237): Погании же отбивше дѣври, загоша церковь, и а в о л о ч и в ш е, леса. Новг. I лет., 249. ДРС, маш.; СДР. Этот пример, как кажется, свидетельствует о кумулятивном употреблении глагола НАВАЛОЧИТИ, что подтверждается и формой родительного падежа.

НАМЕТАТИ - (I215): И поставиша скудельницу и наметаша полную. Новг. I лет., 198. ДРС, маш. И на мет а -

^I Нами использованы и материалы, подготавливаемые для издания "Словаря русского языка XI-XVII вв.". В дальнейшем эти примеры будут отмечаться так: ДРС, маш. Сохраняются и приняты в картотеках и словаре И.И. Срезневского сокращения.

ша мертвыхъ три скуделницы. Новг. I л. 6929 г. (по Ак. еп.). СМ, II, 299². Количественная семантика в обоих примерах выражается контекстом. НАНОСИТИ (глагол НАНЕСИТИ в кумулятивном значении нами не отмечен) - Н а н о с и ш а воды до избытка. Нест. Жит. Феод. I4. ДРС, маш.; СДР; СМ, II, 304. О возможности определения глагола НАНОСИТИ как глагола кумулятивного способа действия свидетельствует указатель множественности "до избытка". НАПУСТИТИ - (I204): Царь же Исаковиць бяшесть въ Влахернѣ, и хотяше въвести фряги отай боярь въ градъ, бояре же ... не даша ему н а п у с т и т и фрягъ. Новг. I лет., I83. ДРС, маш.; СМ, II, 314. Ср.: в ъ в е с т и фряги - н а п у с т и т и фрягъ.

В отдельных случаях и дериваты, образованные от глаголов движения и перемещения, могут выступать в количественном значении: НАСКАКАТИ - вижъ како повѣ/леваѣтъ простыцемъ оучит/ не напрасньствомъ оучи/тедѣ. н а с к а к а ю щ а мно//зи бо Исмы глше а ма творѣших/ но словеси бѣ никому же подобаѣтъ таити. Пр. I383 г. дл 7I в-г. I380. СДР. НАИТИ - (I243): Явися знаменье въ Пльсковѣ у святаго Иона в монастыри, отъ иконы святаго Спаса... иде миро отъ иконы по I2 дний, н а и д е 4 воцаници яко въ сткляницю. Новг. I лет., 262. ДРС, маш.; СМ, II, 289. Значение количественности выражается сочетанием "4 воцаници", а также подчеркивается длительностью процесса "по I2 дний", т.е. выражается контекстом, а не самим дериватом.

Все эти глаголы, употребляемые в древнерусском языке в количественном значении, на что порой указывает лишь контекст, имеют прежде всего локальную семантику, например: НАИТИ - Вънемлѣте же собе, ода когда отяготѣють срѣца ваша обединимь... и н а и д е т ь на вы вънезапу днь ть. (Дук. XXI. 34). Остр. ев. XI в. ДРС, маш. НАНОСИТИ - Егда небрѣжемъ о гнѣвѣ его, то паче вящшии гнѣвъ н а н о с и м ь на ся. Златоостр., I04. XII в. ДРС, маш. НАМЕТАТИ - Н а м е т а ш а на немъ громаду каменѣ велику. Книга Исуса Навина. VII. 26/В./ СМ, II, 298.

Таким образом, на ранней ступени развития русского языка о кумулятивном способе глагольного действия можно говорить весьма условно. Приставочные дериваты, которые в более позднее время можно без сомнений отнести к кумулятивам (напр.,

² Здесь и далее ссылка на данные И.И. Срезневского включает указание на том (римские цифры) и номер столбца (арабские цифры).

заметати, ванти), в языке XI-XIV вв. оснований для такого утверждения не дают. На данном этапе количественное значение не является значением приставки, более того, не во всех случаях, вероятно, и деривата. Бесспорным для этой поры является лишь то, что приставочные глаголы, которые в будущем можно назвать кумулятивами, выражают прежде всего локальное значение, на что нередко указывает и предлог НА. Значение количественности (накопления) выражается, как правило, контекстом (кумулятивным), т.е. можно говорить лишь о случаях употребления локальных дериватов в контекстах, выражающих значение множества объектов или результатов действия (объектов действия - при глаголах движения, перемещения: *и а с и а к а т и*). Грамматический показатель - родительный имени-наблюдается в единичных случаях (если можно так выразиться при единичности самих "кумулятивов"), эпизодически, при этом либо как требование приглагольных слов, либо со значением неопределенного количества. Как видим, выразитель кумулятивного значения в большинстве случаев - контекст. Однако сам факт, что такой контекст возможен при глаголах с приставкой НА-, служит основанием для предположения того, что такая семантика не противоречит этим глаголам, а соответственно, и приставке НА-.

4. Материалы следующей исторической ступени развития русского языка (XV-XVI вв.) позволяют уже говорить о кумулятивах с уверенностью. Бесспорным грамматическим показателем является форма родительного падежа, которая, однако, еще существует с формой винительного. Значение множественности выражается и различными количественными словами, напр. *подно, много* и *под*. Носителями кумулятивного значения являются по-прежнему локальные дериваты. Вместе с тем именно в это время фиксируются глаголы, не несущие локальной семантики: они выражают только кумулятивное значение. Следовательно, выделяются две группы дериватов: 1) глаголы, совмещавшие локальную семантику с кумулятивной; 2) глаголы, не имеющие локального значения и употребляющиеся только в количественном значении. Первая группа:

НАВЕСТИ - Залож Володимерь Бельградъ, и *и а в е д е* въ онь отъ мнѣхъ градѡвъ множество людей. Нлк.лет. IX, 66. ДРС, маш. НАГНАТИ - И якъ подъ тоу-то храмину, тако и подъ другие, близу тое стоящие, въ нихъ же бѣше полно челоуѣковъ *и а г н а т и* и затворено, неколко бочекъ пороховъ повелѣлъ /царь/ поставити. Курб. Ист., 300, XVII в. ~ XVI в. ДРС, маш.

НАВОЗИТИ (суффиксальное образование от глагола НАВЕЗТИ) - И коли бы такое место было вровень или на низине какой подос-
бастъ из много места земли **навозити** и подвесити
места. Назиратель, 24 об., ХVI в. ДРС, маш. Ср. локальное
значение: Се азъ Петровского сельца крестьяня Десятый Яков-
ловъ сынъ, да азъ Семень Петров сынъ Костянтиновъ, дали есмя
есть память Архангельского монастыря архимариту Корнелию
съ братьевъ въ томъ, что онъ **навозилъ** на наше имя
государеву снохину грамоту Пятницкого сельца... снесати по
Зыгливец островомъ и про ношу присадку. А. Уст. I, 28.
1592 г. ДРС, маш.

НАКЛАСТИ - Они же трудяся своя многи учани **накладо-**
на, возома въ земли свои. Псков. I л. 6780. См, II, 292;
(1150): и тако **накладше** бгня а сами поидома черес
ночь къ Мичьску и ту оусрѣтома и дружина многое множество
иле сѣдадутъ по Тетереви. Ипат. лет., ок. 1425 г., л. 150.
СДР. В последнем примере трудно говорить о количественном
употреблении глагола **НАКЛАСТИ**. Вместе с тем такие дериваты с
неустоявшейся семантикой сосуществуют со случаями, которые
можно определять как кумулятивные глаголы: Да послали мы к
вамъ полторы бочки селдей, /да/ **накладена** кот-
ловъ, с // киперѣмъ с Лаврѣнцомъ, на боярки... Торг. гр.
ДРС.

НАСАДИТИ - Как **насадит** капусты и свеклы, и посеѣет,
выпустное место варити. Дм., 120. ХVI в. ДРС, маш.

НАСѢЯТИ - ржи **насеяно** въ земли пять четвертей, да
денегъ есмя взяли на ссуду полтину. Арх. Стрелева I, 1582 г.
ДРС.

Вторая группа: **НАБРАТИ** - И рече Иликен отроичику своему
пастава котель великий и сваря варенне и изиде на село... и
обрѣтъ виноград на селѣ и **набра** в нем дупинаре див-
ннато поляну рязу свои. (4 Цар. IV. 38-39) Библ. Генн. 1499 г.
ДРС, маш. Уже в языке ранней исторической поры (XI-XIV вв.)
глагол **БРАТИ** зафиксирован в значении "накоплять", "собирать"
/6, 222/: По волости куня брати. Новг. I л. 6717 г.; Обрѣто-
ма мужа беруша дрова. Чис. XV. 32. по сп. XIV в. См, I, 168.
Присоединение приставки **НА-** свидетельствует о том, что она
имела сходное значение накопления; и если мы до сих пор го-
ворили о количественном значении контекста или деривата, то
данный пример позволяет заключить, что кумулятивное значение
уже стало значением самой приставки. Заметим, что развитие
приставки **НА-** было аналогично развитию производящего глагола

БРАТИ: исконным значением приставки НА-, как известно, было локальное (подобно предлогу НА), локальную семантику (аблативное значение) имел и глагол БРАТИ, о чем свидетельствуют употреблявшиеся с ним предлоги НА, СЪ, ОТЪ в том же значении: Поборыця, иже беретъ на мидехъ черьскыя дани, вся оставленная имъ да возметъ (К.Р. 1284 г., л. 126 в. - СДР); А влде съ игумена Иоанского и с нашего монастыря островьского кунци не брати а никакихъ пошлин (Приписка XIV в. в Евангелии ГПБ Ф. п. I. 17, л. 144 об. - СДР); И начаша скотъ брати от мужа по четири куны (Ип. лет., л. 54 - СДР) /6, 223/. Ко времени, когда стало возможным присоединение приставки НА- к мотивирующему глаголу, оба (глагол и префикс) уже имели аналогичные (количественные) значения, оба прошли сходный путь развития. Ср. отсутствие кумулятивного значения у того же глагола, но с иной приставкой, скажем, ПО-: Данило посла КостАтина..., да п о б е р е т ь на нихъ дань. Ип. л. 6765 г. СМ, II, 988. Аналогична история глагола НАИМАТИ: И тако взявъ Торжекъ... и товара всякого н а и м а в ь и безчислену корысть приобрете и припроведи въ свой градъ. Симеон. лет., 113. ДРС, маш. Глаголы БРАТИ и ИМАТИ долгое время сохраняли синонимические отношения /6, 227/, напр.: а на имоволозьскомъ погосте/ коуны ти: имати. и на ваханьскомъ. Новг. гр. 1270 или 1269, Шахм. № 3 (ГВНП: 1270). СДР. Сходную семантику имеют они и с приставкой НА- в кумулятивном значении, ср. отсутствие подобной семантики, а также показателя кумулятивности - формы родительного надежа - у глагола ПОИМАТИ: Весъ Кыевъ пограбиша за три дни, и цркви, и монастыра, и иконы поимаши, и книги, и ризы. Переясл. л. 6676 г. СМ, II, 1018. Глаголы НАБРАТИ и НАИМАТИ должны входить в I группу как глаголы, совмещающие кумулятивное значение и аблативное. Аблативное значение содержится в бесприставочных глаголах, напр.: ИМАТИ - имаша на нихъ не с полторы тысяце гривень. Слн., 24; имати дань на насъ и на инехъ странахъ. Лавр., 17. /16, 80/. Локальное значение имеет и приставка НА-, но сами дериваты в таком локальном (аблативном) значении нами в памятниках русского языка не отмечены (что, однако, не свидетельствует о их отсутствии в языке), по этой причине данные дериваты включены нами во II группу. НАВЕРШИ - и Грады разбиша и всяку чясть блгу на вергоша мужи камня и исполниша всякъ источникъ воды заградиса. Библ. Генн. 1499 г. ДРС. маш. НАВАРИТИ - ЛицемЕри имЕши противна мене, азъ ти исплету сЕть... азъ ти на -

в а р в горнець. ВМЧ, Окт. I-3, II3. XVI в. ДРС, маш.
НАПРОСИТИ - на пр о с и т и хлѣба. Жит. Андр. Пр. XXX.
II7. См. II, 314.

Выделение в XV-XVI вв. кумулятивов как особого разряда слов представляется бесспорным. Значение их подтверждается формой родительного падежа, рядом с которой, однако, еще встречается форма винительного падежа. Продолжают использоваться кумулятивные контексты. Существенным для этого времени является разряд кумулятивов второй группы, свидетельствующий о том, что значение накопления является значением не только деривата, но, возможно, уже и приставки (см. НАБРАТИ, НАИМАТИ). Глаголы этой группы выступают лишь в значении накопления объектов или результатов действия.

5. Резко возрастает продуктивность рассматриваемого разряда слов к XVII в., на этот период приходится большая часть отмеченных в памятниках русского языка кумулятивов. Многочисленность зафиксированных глаголов позволяет определить и характер (семантику) производящих глаголов: ими являются, как правило, глаголы физического действия, глаголы движения и перемещения, впервые отмечаются стальные и эволютивные глаголы. Рассмотрим их по тем же двум группам. I. Глаголы, совмещающие локальное и кумулятивное значения:

НАБРОСАТИ - Аще хочеша в избѣ помори свѣрчки и таракани ... набѣри обутковъ старыхъ ... да какъ изба истопится и головень в печи не будут и ты тѣ обутки на б р о с а и в печь много на жар. Росп. травам, 2II. XVII в. ДРС, маш. В деривате сохраняется локальное значение "направить действие, названное мотивирующим глаголом, в сторону предмета", о чем свидетельствует дублирование приставки предлогом НА. Выделение кумулятивного значения опирается лишь на семантику контекста, на определитель значения множества.

НАВОЛОЧИ - Коумъ ко мнѣ везуть да тащатъ: полну клетъ н а в о л о к л и. Ав. Ж., 196. 1673 г. ДРС, маш. Показатель значения множества - контекст ("полну клетъ").

НАГРУЗИТИ - Н а г р у з и в лодью всякихъ запасовъ... Ездитъ около моря по монастырскимъ волостям. (Чер. солов. ин.). Суб. Мат. VI, 58. 1666 г. Ты оъ въ тое лодью велѣлъ н а г р у з и т ь въ Астраханской отпускъ бревень дубовыхъ на сваи. АЮБ II, 697. 1673 г. ДРС, маш.

НАГРЕВСТИ - Тотъ серебряникъ, который яму копал, той золотой руды н а г р е б ь въ подоль. АМГ I, 295. 1629 г. ДРС, маш.

НАНЕСТИ - Снежною бурей **на** **не** **с** **л** **о** **с** **н** **я** **т** **у** великую громаду. Ж.Пр. Уст. I, 64. XVII в. ДРС, маш. Ср. локальнее значение: Да на Обя, гсдрь, реке... дощеник **на** **не** **с** **л** **о** ... Василья Пояркова на парусной погоде на иловатой песок, и тот дощеник заметало илом, снят(ъ) не могли. Якутск. а., к. I, № I. 1639 г. ДРС, маш. Ср. **ПРИНЕСТИ** - Приде съ поклономъ ... къ зати въ Галичъ къ Мьстиславоу... и дары принесе многи: кони и вельблуды и боувоны и дѣвки. Новг. I л. 6732 г. СМ, II, 1436-1437.

НАПУСКАТИ - Они издавна въ своихъ странах сидятъ..., токмо **на** **п** **у** **с** **к** **а** **л** **и** межъ себе чужихъ народовъ много. Козм., 103. 1670 г. ДРС, маш.

НАСЛАТИ - И мы богомолцы ваши, надѣячсь на вашу государскую милость, ему Андрею отказали, потому, что **на** **с** **л** **а** **н** **о** на кормъ надворной пѣхоты через нашу мочь. ДАИ X, 85. 1682 г. ДРС, маш. Ср. локальное значение: (1188): А на брата его насла с грозой на Всеволода. Ипат. лет. ДРС, маш.

НАСТАВИТИ - (1535): И подкопавшеся под стѣну градскую, и **на** **с** **т** **а** **в** **и** **ш** **а** въ яму ту подъ стеною множество бочекъ с пушечнымъ зельемъ. Львов. лет. II, 431. ДРС, маш.

НАТАСКАТИ - Атаман же ... велел ... очапами на стену таскати турок... казаки же теми очапами **на** **т** **а** **с** **к** **а** **л** **и** турок во Азов сто тритцать человек. Аз. пов. (сказ.) I, 98. XVII в. ДРС, маш.

НАШИТИ - Иногда же ... рубахъ **на** **ш** **и** **в** **ш** **е** своими руками... по улицам и по стогнамъ града нищимъ, ходя, раздѣляше. Авв. Кн. бес., 416. 1675 г. ДРС, маш. Ср. отсутствие кумулятивности, а также дополнения в форме родительного падежа у глагола **СЪШИТИ**: Сѣшита листовые сморковные и створиста себѣ оба преподасаниѣа. Быт. III. 7 по сп. XIV в. СМ, III, 867. Дериват **НАШИТИ** в древнерусском языке зафиксирован и в локальном значении: И пр(и)шедъ Мануиль... къ Царюграду съ римляны... знамя же ихъ - на персехъ крестъ бѣль **на** **ш** **и** **т** **ь**. Х. Игн. СМ., 13. XVI-XVII вв. 1405 г. ДРС, маш.

НАЕХАТИ - (1386): А новоторжский боляши бояре все в Новѣгородѣ вбегли и из-нынхъ волостей силно много **на** **Е** **х** **а** **ш** **а**, а тогда крестьяномъ не бѣе пути, но гололѣдь. Новг. IY лет., 346. ДРС, маш. У моря /Байкалова/ русскихъ людей **на** **е** **х** **а** **л** а станица соболиная, рыбу промышляеть. Ав. Ж. 41, 1673 г. ДРС. Ср. **ПРИЕХАТИ** - Прияхаша послове Нѣмечкимъ... в Новѣгородъ /по Ак. сп. прѣвздиша/ (Новг. I л. 6871 г. по Арх. сп.). СМ, II, 1500. Ср. локальное (аблативное) значение приставки **НА-**, о чем

свидетельствует предлог ОТЪ: МаІя въ 24 день на Е х а л и мы отъ Царицына сорокъ верстъ, въ НасоновЕ ЛукЕ, Иштерекъ князь кочуетъ со всемъ улусомъ ... АИ III. 1614 г. ДРС.

II. Глаголы, не отмеченные в локальном значении:

НАВЕРТЯТИ - Что вы дѣлаете, надъ одною просвирою кудесите, - дѣръ с 300 на в е р т я ш ь. Ав. Кн. бес., 370. 1675 г. ДРС, маш.

НАГОТОВИТИ и НАРУБИТИ - Крымской ханъ велѣлъ... черкѣсомъ и улуснымъ людемъ бревенного лѣсу на р у б и т ь и на г о т о в и т ь. А ... тотъ лѣсъ Кубокъ рѣкою ... возить подъ Азовъ на горотки. Дон.д. У,684. 1660 г. ДРС, маш. Ср.: форма винительного падежа при бесприставочномъ глаголе: готовящи бѣсоу трѣпезоу. Изб. 1073 г. (В). СМ, I, 573, а также при томъ же глаголе, но с иной приставкой, напр.: ПРИГОТОВИТИ - Трапеза Црѣ нбсьнааго приготовлена. Сбор. 1076 г. 260. СМ, II, 1396.

НАГРАБИТИ - И множество всякого скота на г р а б и ш я, и наруганяшея градскимъ людемъ гладнымъ. Сказ. Авр. Палицына, 189. 1620 г. ДРС, маш. Ср. ГРАБИТИ - Начаша ти оунии грабяти. Пов. вр. л. 6601 г. СМ, I, 574; ПОГРАБИТИ - Или что еси пограбиль, или что у людеи поимано, ты или твои боярѣ, или людеи пограбили и павозки, бояръ ти и людеи и слугъ попушати. Дог. гр. Дм. Ив. 1375 г. СМ, II, 1019.

НАВАРИТИ - Н а в а р я пива пьаново. Песня на столбце. 1686 г. ДРС, маш. Ср. ВАРИТИ - Медоу мало варено, а дружинны много. Новг. I л. 6524 г.; Пива варить. Уст. гр. м. Кипр. Конст. мон. 1392 г. СМ, I, 228. Сопоставление последнего примера с употреблениемъ деривата НАВАРИТИ дѣлаетъ спорнымъ определение его какъ кумулятива. Вместе с темъ в Новгородской летописи для выражения малого количества используется именно бесприставочный глагол, а не НАВАРИТИ. Ср. также использование иной приставки при отсутствии значения множества: СВАРИТИ - Сьваривъше пьшеницу ти тоу съмать съ медьмъ, прѣдъставиши на трапезѣ братии, да Едать. Нест. жит. Феод. 19. СМ, III, 657.

НАДАТИ - Государь и в. кн. Иоаннъ Васильевичъ ... по обещанию своему ... церковь камянную со всемъ благолѣпиемъ и со всякимъ украшениемъ воздвиге ... и всякую церковную утварь довольно на д а л ь, также и вотчинами и всякими угодыи изобилно надѣлилъ. ДАИ X, 52. 1682 г. ДРС, маш. Значение множества объектов подтверждается семантикой наречия и всего контекста.

НАДАВАТИ - /Русские промышленники/ на да в а л и пищи, сколько намъ надобно: осетровъ с сорокъ. Ав. Ж., 41. 1673 г. ДРС, маш.

НАЖЕЧИ - Тоя же ноци Олга повелЕ ископати яму велику и глуду боку на дворЕ теремном вне града и на ж го ша угля дубовых. Арханг. лет., 27. XVII в. ДРС, маш.

НАЖАТИ - А сколка хлЕба на ж а т о будетъ копень, и ему о томъ извЕстить. АЮБ II, 725. 1684 г. ДРС, маш. А проЕздили мы съ недЕлю и у заваловъ, государь, что посЕяли Озеровы рожь, и ту рожь мы пожали, а мы на ж а л и двадцать копень. Переп. Безобразова, 57. 1687 г. ДРС, маш. Определение глагола НАЖАТИ как кумулятивного не вызывает сомнений, ср.

ПОЖАТИ - НАЖАТИ: выражение завершенности действия приставкой ПО- и - многообъектности действия - приставкой НА-.

НАЗВАТИ - А будетъ онъ ОндрВянъ впредь проча себе, въ той вотчинЕ вновь пашни распашеть ... и дворовъ построить, и въ ТЕ дворы вновь крестьянъ на з о в е т ь и посадить --. АЮБ II, 374. 1657 г. ДРС, маш. И Мишке Ананьину на тех дву полудеревнях жити и пашня // распашати и поля огородити и во дворех хоромы новые ставить, а старые починити, и крестьян на з в а т и. Д. опричн. 1564 г. ДРС.

НАКОВАТИ - Чепи де у них на нас на к о в а н о мног/о/ и хотят де нас в чеши коват(ь). Якутск. а., к. 6, № I, 16. 1642 г. ДРС, маш.

НАКОПАТИ - ВелЕль на к о п а т ь къ церковному каменному делу тоЕ глины возовъ съ тысячу. АИ IV, 338. 1664 г. ДРС, маш.

НАКОСИТИ - И ныне онъ полковникъ насъ холопей и сиротъ съ той земли изгоняетъи обеть и сЕна наши что мы на к о с и л и было. все въ свое село побралъ себе. Баг. Мат. XXIX, 104. 1681 г. ДРС, маш.

НАКУПИТИ - Спрятали мужики луки и стрЕлы, торговать со мною стали, - медведень-я у них на к у п и л ь, - да отпустили меня. Ав. Ж., 44. 1673 г. ДРС, маш. Звал гостей, а на к у п и л ь костей. Сим. Посл., 108. XVII в. ДРС, маш.

НАЛОМАТИ - Обыскал я Дмитрей камень наждакъ, а тотъ камень годенъ ко всякому алмазному делу, и того камня на л о м а л ь десять пудъ. ДАИ У, 65. 1670 г. ДРС, маш.

НАСТЕГАТИ - Я велю купить тафты всякихъ цвЕтовъ и на с т е г а т ь подубрусничковъ хорошихъ, колько надобно, изволь списать. Переп. Хован., 408. 1682 г. ДРС, маш.

НАСТРЕЛЯТИ - Добрые молодцы удалые, подите вы на заводи ти-

хие, на съ тр Е ля й те мнѣ къ столу брачному много гусей и лебедей. Две был., 350. XVII в. ДРС, маш.

В языке XVII в. нами отмечены глаголы со значением накопления меры действия, образованные от эволютивных глаголов и глаголов состояния: НАКУДЕСИТИ - Накудесиль много, горюнь, въ жизни сей --. Ав. Кн. толк. 472. XVII в. ДРС, маш. НАГЛУМИТИСА - Святославъ сватомъ своимъ с Рюрикомъ утишивъша землю Рускую и Половци примиривша в волю свою, и судумавша, и идоста на ловы по Днебрю в лодьяхъ на устья Тесмени, и ту ловы дѣявша и обловишася множествомъ звЕрей, и тако на глумистася и во любви пребиста и во весельи и по вся дни, и возвратишася во свояси. Ип.л.6698 г. См, II, 274.

НАЦАРСТВОВАТИ - А самъ Борис Годуновъ восхотѣ царствовати; не во вѣки на царствовавъ, яко прахъ во мгновении ока исчезе. Пов. убиен. ц.Дм., 3. XVII-XVIII в. XVII в. ДРС, маш. В данном примере кумулятивный глагол имеет временной оттенок значения - накопление действия во времени.

НАЖИТИ - /Дарий передъ смертью/ отдал все наслѣдие свое снѣ первородному, второму снѣ все, что самъ нажилъ въ животѣ своемъ. Р.д., 126. 1688 г. ДРС, маш., Казаки, атаманъ с товарищи, начаша мыслити, како бы царя Старчия невесту взять /в плен для получения выкупа/ и живота нажитъ. Аз. пов. (сказ.), 137. XVII в. ДРС, маш.; МалЕт/ь/ писцу бумажки не нажит (ъ) ему рубашки. Сим. Послов., 103. XVII в. ДРС, маш. Кумулятивная семантика в данных примерахъ выступает с оттенком "приобрести что-либо в результате действия, названного мотивирующим глаголом". То же в следующихъ дериватахъ:

НАИГРАТИ - Многой долгъ на себя наигралъ /зерню/. Кн. зап. Моск. ст. II, 204. 1641 г. ДРС, маш.;

НАЕСТИ - И за те парусные полотна за работишку нашу вашего великихъ государей жалованья поденного денежного корму нам холопомъ вашимъ не выдано. А сидя мы за теми полотнами платьишкомъ ободрались и долги на себя наели. А. Кадаш. сл., 103. 1695 г. ДРС, маш.

НАСИДЕТИ - Человекъ сидитъ за приставомъ в чепи да в железахъ, пожелезное многое на сидел. Д. холоп., 369. 1624 г. ДРС, маш.;

НАСТОЯТИ - А Игнашко съ товарищи настояли четыре мѣсяца, и тѣхъ де имъ денегъ и перемены тѣ крестьяне посямьста не присылавали. ААЗ II, 267. 1610 г. ДРС, маш.

Такимъ образомъ, наблюдения надъ дериватами с приставкой

НА- в количественном значении в языке XVII в. позволяют подтвердить вывод, сделанный нами ранее о том, что кумулятивное значение является значением самой приставки. Примеры из памятников языка XVII в. — бесспорные кумулятивы.

7. Значение накопления объектов или результатов действия, названного мотивирующим глаголом, обнаруживается в древнерусском языке в случае мотивированности деривата глаголами конкретного физического действия, транзитивными глаголами перемещения (по Ю.Д. Апресяну /2, 51/ — вести, нести и под.) и реже — глаголами движения, эволютивными и стательными глаголами. За исключением последних трех групп, все исходные глаголы являются переходными, предполагают при себе как единичность, так и множественность объектов, выражаемых формой винительного падежа (родительного — имен одушевленных и вещественных). Этот факт свидетельствует о том, что подобные глаголы не противоречат значению накопления объектов действия, а следовательно, и присоединению приставки НА- в кумулятивном значении.

Значение множества у кумулятивов современного русского языка — семантический признак приставки, об этом свидетельствует невозможность единичного объекта или результата действия при приставочном глаголе-кумулятиве, ср. индифферентное отношение бесприставочного глагола к форме числа: купить книгу, книги; но накупить книг (за исключением, разумеется, глаголов, имеющих только одну форму числа: рубить дрова — нарубить дров, косить сено — накосить сена). Показателем такой семантики приставки является родительный имени, а также винительный количественных определителей.

Возможны два объяснения формирования глаголов кумулятивного способа действия: они могут восходить либо к локальным, либо к результативным дериватам. Последнее предположение было предложено чешским языковедом Фр. Травничком. По мнению Фр. Травничка /21, 103-104/, исследуемые глаголы с приставкой НА- в чешском языке восходят не к локальным, а к чисто-видовым (результативным) дериватам, т.е. становление этих глаголов связано с тремя этапами: локальный дериват → результативный → кумулятивный. Такое предположение представляется логичным, если рассматривать лишь современный язык. По мнению Фр. Травничка, значение большой меры действия (под это значение им подводятся глаголы, которые в современной аспектологии рассматриваются как сативы и кумулятивы), заключенное в глаголах, которые образованы с помощью

приставки *НА-*, а также приставки *НА-* и частицы *se* не является значением самого деривата: приставка *НА-*, будучи в данных глаголах чистовидовой, не привносит его. Такое значение выражается контекстом. Эта мысль подтверждается тем, что в современном чешском языке подобные дериваты могут выражать как большую меру действия, так и партитивную в зависимости от семантики контекста. По свидетельству автора, такие случаи обнаруживаются как в старочешском, так и в современном чешском языке. Впрочем, по признанию самого Фр. Травничка, имеются случаи, выражающие большую меру действия и без контекста, однако чаще всего такая семантика выражается контекстом /21, 102-103/. Все эти факты свидетельствуют о том, полагает Фр. Травничек, что такие дериваты развились не из локальных, а из результативных, т.е. развитие их шло через этап опустошения приставки. Данные древнерусского языка не позволяют предположить подобный путь развития. Представление о таком развитии могло сложиться на примере глаголов, не имеющих локальной семантики, а несущих лишь кумулятивную; однако, как свидетельствует нам материал, в русском языке они появляются лишь в XV-XVI вв., гораздо позднее глаголов, совмещающих локальное и кумулятивное значения. Более того, если предположить, что развитие кумулятивов шло через ступень десемантизации (= децентрализации) приставки, то должны были бы сохраниться параллели с чистовидовой приставкой *НА-*. Таких примеров в древнерусском языке обнаружить не удалось, нет их и в современном русском языке.³

Возможно и иное объяснение процесса становления глаголов кумулятивного способа действия. Можно предположить, что они ведут свое начало от локальных дериватов. Доказательством тому может служить большое количество глаголов, совмещающих оба значения, напр.: наволочити, навести, наЕхати, накидати, нанести-наносити, нашити и под. (такое совмещение сохраняется и в современном русском языке). Первичность локальной семантики бесспорна: она восходит к локальному значению наречия, давшего развитие приставке и предлогу *НА*.⁴ Исследование приставки *НА-*, а также предлога *НА* в древнерусском языке и сопоставление с данными других славянских языков и языков балтийских дает возможность восстановить праяформу и исконную

³ О неправомерности выделения чистовидовой приставки в глаголах типа НАПИСАТЬ см. /10/.

⁴ Как известно, история предлогов и приставок восходит к истории древних наречий - А. Мейе, Ф. Травничек, Е. Курилович, А. Достал, Ст. Геродес и др. /19, 261; 21, 68-69/.

семантику предлога и приставки НА-, наречие ⁺гдѣ с обстоятельственными значениями места и времени "сверху" /I0; I3, I38; I6; I9, I27/. Эти значения сохраняются у предлога НА и дают возможность употребления его при локально-временных падежах - предложном и винительном. Восходить к значению наречия кумулятивная семантика приставки не может: древнейшие фиксации приставки дают лишь локальное значение "сверху", "поверх" чего-либо. О количественном значении предлога НА, сходном со значением приставки НА-, говорить не приходится: оно зафиксировано лишь у приставки. Заметим, однако, что и семантика предлога НА может включать некоторый количественный элемент: так, кроме момента совершения действия, в словосочетаниях с винительным падежом он может обозначать и длительность протекания действия. Напр.: (I204): и стаха на /мЕстЕ идеже стоѣаше пѣсарь. грѣчьски/ и оу стго спа. и тоу стаха и на но /чъ. Новг. I лет., л. 70. СДР; (II34): В тож. дЕтЕ. на /зимоу иде ВоЕволад/ на соудаль. Новг. I лет., л. I5 об. СДР. Следовательно, возможность развития количественного значения заложена и в предлоге. Так, нередко значение длительности протекания действия, содержащееся в некоторых предложных конструкциях с винительным падежом, соотносится с количественным значением деепричастия, например: Какъ мужики привозили тогда очень много дровъ, то онъ думаль за купитъ ихъ для себя на всю зиму. Вес. Мел., 199. ДРС; временная характеристика на всю зиму соотносится с количественной - в глаголе за купитъ (так много, чтобы хватило на всю зиму). Такое соответствие возможно и у приставки НА-, ср. совр.: на печь пирогов на целую неделю; в древнерусском: А пряля, государь, на год на дело на прядет 3 полотенца тройных, а ткаля на год на дело выточет 8 полотенец тройных. А. Кадам. сл. 1630 г. ДРС. Соответствие длительности (у предлога + падеж) - количественности (у приставки + глагол) на нашем материале наиболее ясно прослеживается в деепричастиях со значением накопления меры действия: напарствовати, нагостити, накудесити (много = долго, количество = длительность).

Все сказанное позволяет предположить, что предрасположенность к развитию количественных значений у приставки НА- была, и обусловлена она не только связью с предлогом НА: такому развитию способствовала и постоянная связь с семантикой наречия ⁺гдѣ - "сверху, свыше". Значение накопления опреде-

ленного количества объектов в результате действия, названного производящим глаголом, развилось в дериватах с приставкой НА- закономерно. Аналогичное развитие семантики наблюдается и у приставок ВЪ- и ИЗ- (старославянской), выражающих полноту охвата, тщательность, интенсивность действия, например: ИЗГРАБИТИ - И пакы того же утра на Лягоцѣ улице и з г р а б и ш а дворовъ много. Новг. I л. 6926 г. (по Ак. сп.). СМ, I, 1054; ИЗДУШИТИ - ПотаниI же Отбивше двьри, зажоша пркъвь, наволочивше лѣса, I I з д у ш и ш а вса. Новг. I л. 6746 г. СМ, I, 1057. Ср. современ.: выбелить, выскоблить, истолочь, испепелить, изорвать и под. Данные приставки имели первоначальным значением локальное - движение изнутри наружу, т.е. указание на направление действия к поверхности, и как результат такого развития появляется затем переносное значение "движение к верхнему пределу действия". Аналогичный признак закономерно формировался и в дериватах с приставкой НА-, в определенной мере синонимичных этим глаголам. Такому развитию способствовала исходная (локальная) семантика приставки НА-, восходящая к семантике наречия - "сверху, свыше": локальная характеристика семантики "сверху" → количественная характеристика семантики "сверх". В этом плане определенное влияние на развитие кумулятивных глаголов оказали, вероятно, приставочные дериваты, образованные от глаголов типа "есть, пить", со значением доведения действия до предела /13, 126/. Эти глаголы зафиксированы в русском языке ранней поры: НАКОРМИТИ - Чядо алчьнааго на к ѳ р м и якоже ти самъ гѣ повелѣлъ. Изб. Св., II. 1076 г. ДРС, маш. НАПИТАТИ - Яко егда убогааго ведемъ въ домъ свой и алчьна на пита емъ, и нага одежемъ, хса прияхомъ и на пита хомъ. Изб. Св., 94. 1076 г. ДРС, маш. НАПОИТИ - Алчьнааго на к ѳ р м и, ... жаднааго на по и. Изб. Св., II. 1076 г. ДРС, маш. НАСЛАДИТИ - Иже купьно на сла д и л ѳ еси мьнѣ брашьна. Псалт. толк. XII в. п. IV. 14. ДРС, маш. НАСЫТИТИ - На с и т и убогья хлѣба. Гр. Наз. XI в. 54. ДРС, маш. Самые древние фиксации приставки НА- в количественном значении связаны именно с этими дериватами, не исключено, что они способствовали и развитию кумулятивных глаголов как способствовали развитию сативных /12, 127/. Подобные дериваты отмечены и в памятниках старославянского языка /20/. Однако сам процесс развития кумулятивного значения приставки НА- шел не под воздействием предлога НА и не в связи с другими

приставками, сближающимися с приставкой НА- в количественном значении, а также не в связи с глаголами типа НАКОРМИТИ - все эти моменты явились лишь условиями, способствовавшими, поддерживавшими подобное развитие. Становление кумулятивного значения приставки НА- - результат появления переносных значений у дериватов с локальной семантикой, употреблявшихся в кумулятивных контекстах, что, в свою очередь, привело к развитию нового значения и у приставки. Возможно, такое переносное значение впервые появилось у транзитивных глаголов перемещения типа *навести - навозити, наволочи, наволочити, нанести - наносити, навести* - глаголов, предполагающих при себе как указание на локализацию действия, так и на возможность "накопления" объектов действия (глаголы переходные). Впоследствии в таких кумулятивных контекстах стали, вероятно, употребляться глаголы конкретного физического действия, сохранявшие свое локальное значение. Употребление кумулятивного контекста при локальных дериватах можно считать первой ступенью развития глаголов кумулятивного способа действия. Возможность постоянного употребления подобных глаголов в контекстах, выражающих значение множества, приводит к тому, что они впитывают эту семантику (вначале дериват, а затем приставка), т.е. происходит явление, которое М. Бреаль называл семантическим "заражением" деривата /12, 169/. И лишь после того, как приставка НА- в результате длительного употребления в таких дериватах развивает свое собственное значение кумулятивности, стали возможны новые образования, которые с локальной семантикой не имели никакой связи (*надати, наварити, наготовити, надблати* и под.). Достаточно точная датировка данного процесса не представляется возможной, но предположительно, это время совпадает с появлением глаголов, имеющих только кумулятивное значение, т.е. с XV-XVI вв. Этот этап можно считать второй ступенью развития глаголов кумулятивного способа действия. Ход такого развития имеет и формальные показатели. Первоначально значение множества выражалось эксплицитно - в контексте: локальный дериват + обстоятельное описание (полно, много, множество...) + родительный падеж имени, как того требовали наречия, а не дериват. В случае отсутствия определителей в таких конструкциях значение множества выражается семантикой более широкого контекста, напр.: *А хлебными запасы въ Озове не скудно, навели изъ городовъ. ДРС, маш.*

Впоследствии появляется и грамматическое подтверждение кумулятивности деривата, т.е. родительный падеж как показатель семантики самого деривата. Эти ступени зафиксированы в материалах древнерусского языка: на первой ступени примеров мало, выделение значения накопления объектов действия спорно (XI-XIV вв.); в дальнейшем оно выделяется довольно четко (XV-XVI вв.). Конечным этапом явилась возможность абсолютного употребления кумулятивов: контекст, выявляющий значение множества, излишен (своего рода - плеоназм), семантика понятна и вне контекста (начудил, накушил и т.д.).

Таким образом, появление кумулятивного значения у приставки НА- обусловлено общей семантикой деривата, впитавшего ее, в свою очередь, из контекста: контекст порождает значение деривата, дериват - значение приставки. Значение это сохраняется во всех восточнославянских языках и диалектах /7/, а также в других славянских языках, например, чешском /21, 102/.

В современном русском языке кумулятивное значение выступает и в дериватах, образованных от глаголов движения, их значение - выражение меры объекта: налетать, наездить, набегать 200 километров. Развитие этого оттенка кумулятивности приходится, очевидно, на более позднее время. Оно шло, вероятно, в связи с со статальными и эволютивными глаголами, образующими дериваты типа НАЖИТИ, НАИГРАТИ и под. со значением приобретения чего-либо. Все эти глаголы являются неопредельными (о категории предельности-неопредельности см.: I; 3; 8; II; 12; 16; 17).

Развитие дополнения в форме родительного падежа при кумулятивных глаголах также может быть объяснено двояко. Так, Фр. Травничком появление этой формы объясняется как результат семантического сходства дериватов с приставкой /НА- и дериватов с приставкой /У-, при которых родительный падеж со значением лишения является исконной формой /21, 103/. Возможно, такая аналогия существовала и существует в чешском языке. История же русского языка не дает основания видеть синонимию дериватов с приставками НА- и У-, ср.: НАДЕЛАТИ-УДЕЛАТИ, НАИМАТИ-УИМАТИ, НАЖАТИ-УЖАТИ и под. - см. II-III. Появление формы родительного падежа при таких глаголах - результат опущения определителей значения множества, как правило, наречий /12, 120/. Условно развитие родительного падежа на месте винительного можно представить в виде цепочки: бесприставочный глагол + имя в винительном падеже → беспри-

ставочный глагол + наречие + родительный пад. → приставочный глагол + наречие + имя в родительном пад. → приставочный глагол + имя в родительном пад. Напр.: солить грибы → солить много грибов → насытить много грибов → насытить грибов.

Таким образом, приставка НА- в рассматриваемых образованиях имеет количественное значение накопления объектов или результатов действия, а также меры объекта. Это значение, бесспорно, связано с локальным в том смысле, что впервые подобное значение развивается у локальных дериватов. Исконное локальное значение приставки НА-, восходящее к семантике наречия - "сверх", поддерживало появление и становление нового. Однако развилось оно не в результате последовательной эволюции семантики наречия *но, а в результате того, что локальные дериваты впитали семантику кумулятивного контекста. Исконное же значение приставки "сверх, свыше" способствовало такому пути развития как движению к верхнему пределу действия. Такое же значение приставка НА- имеет и в сативных глаголах, представляющих в е р х н и й предел проявления действия /12, 137/.

9. Словообразовательной базой кумулятивных глаголов в отличие от сативных, являются переходные глаголы (за исключением глаголов движения и перемещения, а также статальных и эволютивных глаголов). Возможность образования кумулятивов или сативов связана с производящими глаголами. По мнению исследователей /12; 16; 17/, базой развития первых являются предельные глаголы, вторых - неопредельные (о категории предельности - неопредельности см.: 1; 3; 8; 12; 16; 17). Исследование глаголов кумулятивного способа действия в истории русского языка подтверждает эту мысль. От неопредельных глаголов (движения, эволютивных и статальных) образуются дериваты с приставкой НА-, но с оттенком накопления меры действия или объекта, при этом дериваты становятся переходными. Кумулятивы этой группы оттенком своего значения в определенной мере приближаются к семантике сативов, ср. параллели в современном русском языке: нажить - нажиться, налетать - налетаться, насидеть - насидеться и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авидова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного вида. М., Наука, 1976.
2. Апресян Ю.Д. Опыт описания значений глаголов по их семантическим признакам (типам управления). - ВЯ, 1965, № 5.
3. Бондарко А.В., Булакин Л.Л. Русский глагол. Л., Просвещение, 1967.
4. Головин Б.Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке. ДД. (машинопись). I-II. Горький, 1966.
5. Грамматика современного русского литературного языка. М., Наука, 1970.
6. Добромислова А.Н. Глагол брать в русском языке. - В кн.: Русская историческая лексикология. М., Наука, 1968.
7. Кузнецова А.М. Некоторые вопросы управления приставочных глаголов в русском, украинском и белорусском говорах. - В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., Наука, 1964.
8. Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. - В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., Наука, 1961.
9. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.
10. Сигалов П.С. Некоторые вопросы изучения префиксального образования глаголов. - УЗ Тарт. ГУ. Труды по русской и славянской филологии. XXIII. Серия лингвистическая. Тарту, 1975.
11. Сигалов П.С. История русских ограничительных глаголов. - УЗ Тарт. ГУ. Труды по русской и славянской филологии. XXIII. Серия лингвистическая. Тарту, 1975.
12. Сигалов П.С. Русские сативные глаголы. - УЗ Тарт. ГУ. Труды по русской и славянской филологии. XXVII. Серия лингвистическая. Тарту, 1977.
13. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I-3. М., ГИС, 1958.

14. Тсפורов В.Н. Локатив в славянских языках. М., 1961.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., Прогресс, 1971.
16. Шелякин М.А. Приставочные способы действия и категория вида в современном русском языке. ДД. (машинопись). Воронеж, 1972.
17. Шелякин М.А. О значении и образовании кумулятивного (накопительного) способа глагольного действия в русском языке. - УЗ Тарт. IV. Вып. 439. Вопросы русской аспектологии III. Семантика и функционирование категории вида русского языка. Тарту, 1978.
18. Эндзелин Я. Латинские предлоги. Ч. I. Крьев, 1905.
19. Dostál A. Studie o vidovém systému v staroslověněštině. Praha, 1954.
20. Słowski S. Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim). Warszawa, 1937.
21. Travníček F. Studie o českém vidu slovesném. Praha, 1923.

К ОСОБЕННОСТЯМ РЕЗУЛЬТАТИВНОГО СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XII-XVII ВВ.

С.И.Баженова

В настоящей статье рассматриваются формальные и семантические особенности результативного способа глагольного действия (далее - СД) в памятниках русского языка XII-XVII вв. по сравнению с его современным состоянием. К исследованию этого вопроса автора побудило значительное преобладание приставочных глаголов результативного значения над глаголами с иной акциональной характеристикой в текстах древнерусского языка. Необходимо оговорить, что результативными мы называем все приставочные глаголы, кроме пространственных, если они не имеют специальных контекстных указателей на другие акциональные значения (см. подробнее с. [8] данной статьи). Такое ограничение необходимо в связи со сложностью семантического анализа древнерусского текста. Отсюда следует, что в понятие результативных включаются и локально-результативные глаголы, в которых приставка сохраняет пространственную генетическую информацию, при этом выступая с основами "не -- движения".

Для сопоставления с древнерусским языком существенны следующие черты результативности в современном русском языке: а) исключительно приставочное выражение; б) весьма широкий круг результативных приставок; в) варьирование их по принципу дополнительной дистрибуции, то есть не в пределах одной основы, а в пределах глагольной лексики в целом; отсутствие свободной вариативности приставок при одной основе без семантических либо стилистических на то причин; г) сочетаемость результативных приставок только с предельными основами; д) невозможность выражения с помощью приставки, которая выступает в результативной функции при данной основе, других акциональных значений (т.н. правило И.С.Улуханова [12]). Соответственно перечисленным особенностям результативного СД в современном русском языке охарактеризуем результативность в памятниках XII-XVII вв.

А). В древнерусском языке XII-XIII вв. словообразовательное выражение результативности еще не является единственно возможной формой, то есть результативный СД не равен совокупности словообразовательных типов, как это наблюдается в современном русском языке. Вплоть до XIV в. многочисленны случаи отсутствия приставки при результативном, как это сле-

дует из смысла текста, глаголе, типа: наставьшо же дни и де архиеписъ иоанъ съ хръсты иде же лежаста стою телеси пречьст- тынѣи - Усп. сб., с. 60; и оубоужь ся оть сына в и д Е ся съдравъ - Усп. сб., с. 61; и възвед очи свои Иисус, в и д Е пред собою мужа страшна въоружена - Пам. XII в., с. 56; и тогда мнози в Е р о в а ш а и крестившася во имя отца и сына и святаго духа - Пам. XII в., с. 82.

Примеры такого типа многократно истолковывались в аспекти-ческой литературе в связи с формированием категории вида, поскольку они составляют яркую специфику русского языка XI-XIV вв. (см. перечень некоторых работ по этой проблематике в нашей статье [1]). Если видовой статус подобных глаголов до настоящего времени остается спорным, то результативный характер их несомненен, о чем свидетельствует и контекст, и перевод на современный русский язык [9]. Однако, как именно выражается в этих случаях результативность - на этот вопрос можно ответить лишь гипотетически. Возможно, исключительно средствами широкого контекста. Но возможно и другое. Обращает на себя внимание тот факт, что подобные бесприставочные глаголы выступают преимущественно в форме аориста и действительного причастия прошедшего времени. Однако приписать значение результативности форме аориста не позволяет употребление таких глаголов в текстах XII-XIII вв. также в форме будущего времени и инфинитива. Но с другой стороны, само наличие форм аориста и действительного причастия прошедшего времени от данных основ свидетельствует, как считается [3], об их определенном характере в древности. По-видимому, памятники XII-XIII вв. отражают последствия периода, когда основы о п р е д е л е н о г о характера еще не нуждались в приставочном выражении результативности. При этом в текстах данного периода и словаре И.И.Срезневского [11] распространены и приставочные формы рассматриваемых глаголов, которые в дальнейшем получают монополию в результативных контекстах. Это наблюдается уже в памятниках XVI в., где результативность выражается исключительно приставочным способом.

Б). В ранних памятниках древнерусского языка результативное значение могут иметь все локальные приставки, присоединяющиеся к глаголам. К наиболее частотным относятся приставки ПО-, СЪ-, У-, ИЗ-, ПРИ-, ВЪЗ-, ВЪ- (расположены по мере убывания частотности в результативной функции в тексте Успенского сборника XII-XIII вв.). В нашей предыдущей статье [1, с. 61] уже упоминалось о продуктивности в XII-XIII вв.

приставок ВЪ- и ВЪЗ- в результативном значении, что отличает систему древнерусских результативных приставок от современной. Существует мнение, что результативное значение приставки ВЪ- очень древнее, "вероятно, общеславянское" [5, с. 7]. Однако бросается в глаза тот факт, что собственно результативное употребление приставки ВЪ- относится примерно лишь к XVI в., например: вторая корысть что земля бывае в ровня на я - Назир., с. 314; но в маломъ клебе огонь проимует и проходитъ весь мякишь и того для его в сушае т - Назир., с. 477. К XVI в. относятся также результативные глаголы: в ъ с л у ш а е т ъ, в ъ р е к л ъ, в ъ я в л я т ъ.

В XII - XIV вв. эта приставка уже входит в число результативных, однако еще тесно связана с первичными пространственными представлениями, содержит генетическую локальную информацию: в ъ м ы с л и в ъ оставити мѣсто то - Усп. сб., с. 258; се бо сего ради в ъ п и с а х ъ да разумѣете - Пам. XII в., с. 113.

Как известно, в современном русском языке приставка В- в результативной функции непродуктивна. Процесс утраты ею продуктивности начался с XVII в., и причины его пока не ясны. Возможно, следы былой продуктивности видны в современных русских говорах: в д а р и т ъ, в к а л ы в а т ь (усиленно работать). Бесспорно, результативное употребление приставки ВЪ- наблюдается в современном болгарском языке: в д и г а м, в т р и с а м, в ч е с в а м, в к о ч а н я в а м, в л е д е н я. Исследователь аспектуальности болгарского языка К.Иванова отмечает, что приставка В-, ВЪ- в настоящее время образует различные разновидности результативных глаголов, а в ряде случаев может быть охарактеризована как чисторезультативная [6, с. 116].

Аналогичная картина воссоздается при анализе употреблений приставки ВЪЗ- в памятниках XII-XVII вв. Если в XII-XIII вв. ее результативное использование связано преимущественно с пространственными ассоциациями, например: хотяюу в ъ с х в а т и т и тѣло блаженя - Усп. сб., с. 244; (хотя встречаются и случаи чисторезультативной функции: и потомъ во з м о ж е и т и в ъ ц е р к о в ъ и цѣловати честный крестъ - Пам. XII в., с. 40), то в текстах XVI, XVII вв. она часто выступает в собственно результативном значении: в которой бы ся во время осадное и пристрашное силному неприятелю не в о з м о г л ъ здатися - Назир., с. 157; могль бы здѣсь в о с п р о с и т и - Назир., с. 242; изволиш про меня в с п р о с и т ъ -

Грам., с. 50; а впретъ надежа наша Христос что восхо-
дет то и сотворит - Грам., с. 90; откуда тебе имамъ вос-
писати не вѣм - Грам., с. 39.

В современном русском языке эта приставка также не отно-
сится к числу продуктивных в результативной функции, чаще
встречается в деэтимологизированных глаголах. Подтверждение
ее прежней продуктивности находим в современных русских го-
ворах (возделать - сделать, воздавать - сда-
вать, возлегчить - облегчить и т.п.), в болгарском
языке (възваравам, възвирам и др.).

Таким образом, есть основания думать, что состав резуль-
тативных приставок с XVII по XX век изменялся в сторону умень-
шения. Попытка объяснить наличие результативной функции у
всех известных древнерусскому языку локальных приставок была
предпринята в ряде работ [1; 7]. Однако причины сокращения
этого списка к настоящему времени остаются пока малопонятны-
ми.

В). Если в настоящее время при наличии довольно широкого
круга результативных приставок подавляющее большинство из них
завоевало монополию на выражение результативного значения у
конкретных основ (написать, сделать, покрасить, убить, испор-
тить и т.п.), то в ранних памятниках русского языка широко
распространена вариантность приставок при одной основе. Случаи
варьирования результативных приставок в древнерусских
текстах могут иметь различное объяснение. Так, если приставка
носит еще локально-результативный характер, источником
варьирования является близость и недифференцированность, раз-
мытость их пространственных значений, которую исследователи
отмечают в русском языке до XVII в. [10]. Сравним примеры:
иже въ словеси добротьюоуоумоу въскриляетеся -
Усп. сб., с. 305; егда отъ земля на нбо въкрилиша
ся - Усп. сб., с. 310. В этих случаях варьирование ВЪС-/ВЪ-
объясняется тем, что в древнерусском языке данные приставки
обладали общим пространственным компонентом ("указание на-
правления действия вверх и на поверхность предмета"). Следы
недифференцированности пространственных значений ВЪ- и ВЪС-
можно наблюдать и в современных русских говорах, где вк-
одить и всходить иногда употребляются как сино-
нимы.

Иного типа варьирование имеет место в случаях пох-
одити/сходити, потайти/оутайти и др.
Пространственные значения варьирующихся приставок не имеют

общих конкретных сем, поэтому варьирование, как представляется, осуществлено по более абстрактному компоненту "предел", "результат" движения, деятельности. Подобная мена приставок свидетельствует об отсутствии их жесткой словообразовательной связи с конкретными основами. К XVI в. распространенность этого явления резко снижается. Вариативность результативных приставок сохраняется лишь у основ инхотативного значения: *посохнуть / усохнуть / засохнуть* (наиболее древним является первый тип). Таким образом, с XVI в. словообразовательная связь результативных приставок с конкретными основами становится более жесткой, что близко к ситуации в современном русском языке. Однако в западно- и южнославянских языках настоящего времени можно наблюдать нечто, напоминающее свободное варьирование приставок в древнерусском языке. При сравнении с современными русскими результативными глаголами польских и болгарских соответствий выяснилось, что последние могут быть оформлены целым рядом приставок при одной и той же основе, например: *Поблєднєть - zvladnaci, povladnaci* (польск.); *отковать - премръзам, измръзам* (болг.); *повелеть - kazac, nakazac, vozkazac* (польск.). Это свидетельствует о сохранении польским и болгарским языками более древнего состояния в развитии результативного СД.

Г). Случай варьирования типа *походити / сходити* примечательны и в другом отношении. Одним из условий свободной связи результативных приставок и основы логически должен быть менее жесткий, обязательный характер влияния категории предельности/непредельности на словообразование глагола, чем это наблюдается в современном русском языке. В настоящее время приведенная выше пара именно потому и не может быть синонимичной, что влияние категории предельности/непредельности (далее - П/НП) предполагает у глаголов с приставкой ПО- ограничительное (делIMITативное) значение.

В аспектологии стало аксиоматичным положение о том, что глаголы результативного значения образуются в современном русском языке исключительно от предельных основ [13]. Позиция после приставки ПО- может считаться диагностирующей, так как в случае НП-основ образуются делIMITативные глаголы, П-основ - результативные. Именно поэтому для выяснения вопроса, могут ли в древнерусском языке глаголы результативного СД образовываться и от НП основ, мы в первую очередь рассмотрели

производные с приставкой ПО- от различных семантических групп: а) глаголов ненаправленного движения; б) стальных; в) эволютивных глаголов. Значение приставочных производных устанавливалось по дистрибуции.

В ходе анализа выяснилось, что в ранних памятниках древнерусского языка широко распространены приставочные глаголы результативного значения от НП-основ, у которых значение приставок можно свести к семе "взгляд на действие извне как на факт", например: таче слыша пакы о стыхъ мѣстѣхъ иде же Гѣ нашъ Иисъ Хсъ плѣтию по х о д и и жадаше тамо по х о д и т и и поклонити ся имъ - Усп. сб., с. 75; кѣто бо твою памать имѣя прѣбѣне бѣче не по б о л и т ь кѣгда, кѣто въ градѣ нашемъ не источи слзъ о ошѣствии твоемъ - Пам. XII в., с. 294; другая же азъ еи образу съмѣрену по с м и я х ѣ ся - Усп. сб., с. 212; много же зѣла сътвори Харинъ Епифану, Епифанъ же никако же отмоудъ не п о в р а ж ѣ д о в а Харину - Усп. сб., с. 267.

Поскольку семантический анализ древнего текста не может не быть в какой-то мере гипотетичным, очень важно найти подтверждение результативного восприятия подобных глаголов у других авторов. Мы находим его, например, в работах Е.А. Бахмутовой [2], где отмечается результативный (или чистовидовой) характер многих НП-основ с приставкой ПО-: поворовать, погробить, посмеяться, погневатся, погрететь и др. В качестве доказательств приводятся либо дистрибутивные показатели ("п о г р е м е в ч а с ь н о щ и" - указание на точное время события исключает ограничительное значение), либо дальнейшая семантическая эволюция глагола ("и узри и Печенезинъ и п о с м е я л с я, бе бо середний теломъ" - более позднее значение глагола "выразить насмешку" не могло быть результатом развития ограничительного оттенка).

В ранних памятниках (XII-XIII вв.) наибольшее количество результативных глаголов от-НП основ встречается в эволютивной группе, наименьшее - в группе глаголов движения, которые в этот период образуют результативные дериваты преимущественно от П-основ. В текстах XVI в. функционирование НП-основ в результативном значении подобно ему в древний период развития русского языка. Лишь в XVII в. эта особенность встречается уже редко, по-видимому, в связи с развитием системы акциональных значений у приставок, в частности, делимитативного и дистрибутивного оттенка у приставки ПО-. Тем не менее

в текстах, относящихся к XVII в., можно еще встретить примеры типа: *моща февраля къ 9-му числу прибродил я в Нижней из Симбирска - Грам., с. 42.*

Рассмотренные случаи свидетельствуют об ином характере влияния категории П/НП на глагольную лексику, чем в современном русском языке. Суть этого различия можно представить себе по-разному: а) либо разделение глагольной лексики на П/НП основы отличается от такового в современном русском языке; б) либо степень влияния этой категории на словообразование и, возможно, формобразование глагола по каким-то причинам не столь велика, как в настоящее время. Предположить первое не позволяет утвердившийся в аспектологической литературе взгляд на данную категорию как на универсально-семантическую [8], в то время как характер ее влияния на словообразование глагола можно себе представить варьирующимся, поскольку этот двусторонний по сути процесс зависит не только от семантики П/НП, но и от степени сформированности, дифференцированности акциональных приставочных значений. Таким образом, можно сказать, что памятники древнерусского языка отражают процесс нарастания (к XVII в.) влияния категории П/НП на деривацию глагола в связи с формированием системы приставочных СД, тогда как в ранних памятниках это влияние почти не отражено, в особенности у эволютных основ.

Это положение важно учитывать при анализе акциональных приставочных глаголов древнерусского языка, поскольку из него следует, что значения разных СД у одной приставки в ранний период не дифференцируются во "внутреннем контексте" (например, ВЪЗ- в начинательном и результативном значениях в древнерусском языке можно различить только во "внешнем контексте", по дистрибуции глагола), в то время как их различение в современном русском языке происходит уже на уровне выбора производящей основы.

Д). С иным характером влияния категории П/НП на глагольную деривацию до XVII в., чем в настоящее время, связана еще одна чрезвычайно яркая черта древнерусской результативности, которая в некоторых случаях просматривается при синхронном анализе памятников, а в некоторых - лишь при диахронном взгляде на акциональную систему. Речь идет о наличии в древних текстах разрядов результативных глаголов, формально идентичных словообразовательным типам временных и терминативно-временных СД (начинательному, финитивному, финальному и ограничительному).

Прежде всего рассмотрим случаи, когда изоморфные типы сосуществуют синхронно. Например, такая ситуация наблюдается приблизительно до XV в. в отношении результативных и начинательных глаголов. Как известно, в современном русском языке начинательное и результативное значения одной и той же в плане выражения приставки дифференцируются уже на уровне "внутреннего контекста" (начинательные приставки присоединяются только к III-основам, результативные — только к II, таким образом они находятся в отношениях омонимии). Ранее в данной статье было показано, что в русском языке до XVII в. результативные приставки могут давать результативные дериваты и с III-основами. "Нерасчлененность" начинательных и результативных глаголов может сниматься лишь внешним контекстом в тех случаях, если эта дифференциация существенна для смысла высказывания. По-видимому, в памятниках русского языка приблизительно до XV в. омоструктурные начинательные и результативные приставки связаны, в отличие от современной ситуации, отношениями полисемии. В подтверждение этого можно сказать следующее. Во-первых, в ранних памятниках начало действия передается преимущественно аналитическими средствами, что свидетельствует о несамостоятельности значения начинательности у древнерусских приставок. Во-вторых, для многих начинательных с современной точки зрения глаголов в памятниках отмечены именные отглагольные дериваты (типа "в ъ з л ю б л е н и е"), что, как считается, является привилегией результативных глаголов. Наконец, в начинательных контекстах выступают глаголы с большинством известных древнерусскому языку результативных приставок, наиболее частотны из которых в ъ з-, в ъ-, п р о-, о у-, п о-, з а-. На примере приставки в ъ з-, продуктивность которой в начинательных глаголах резко снижается в XV в. (в это время становится продуктивной ПО-, а в XVII в. растет продуктивность приставки ЗА-), можно убедиться в сложности дифференциации начинательного и результативного значений: и тако блаженнѣ въ з в е с е л и с я с ѣ бра-тѣю на обѣдѣ веселѣмъ дѣховнымъ — Усп. сб., с. 109; и пакы вса елико въ с х о т е и сътвори — Усп. сб., с. 65; зане его же гѣ въ з л ю б и — Усп. сб., с. 50.

Синхроническое сосуществование в памятниках русского языка наблюдается также между результативными и ограничительными глаголами с приставкой ПО-. В настоящей работе уже отмечалось, что в ранних текстах результативное значение могут иметь как II, так и III-основы с данной приставкой. Ограничи-

тельное значение у этих глаголов появляется только в случаях специфических детерминаторов, причем, выражающих как малую (п о б ы т ь в ь н е м ь м а л о - Усп. сб., с. 200), так и большую меру времени (м н о г о п о х о д и х о м ь п о б р е - гу его - Пам. XII в., с. 52); как неопределенную (много, ма- ло), так и определенную (п о ж и в ь ш и с ь м о ж е м ь с в о и м ь .з. м о щ ь - Усп. сб., с. 232). Примечательно, что выражение большой и определенной меры времени рассматриваемой структу- ры нетипично для современного русского языка и свидетельству- ет о нерасчлененности делимитативного и пердуративного зна- чений в ранний период. Таким образом, в текстах до XVI в. де- лимитативное и пердуративное значения являются контекстными разновидностями результативных глаголов с приставкой ПО-. В памятниках, относящихся к XVI в., хотя и очень редко, встре- чаются ограничительные глаголы в современном понимании тер- мина (то есть без контекстной поддержки): и того для не тот час ь п о д о б а е т е г о с ы п а т ь н о п о ж д а в ь - Назир., с. 189. В текстах, относящихся к XVII в., таких употреблений уже зна- чительно больше, например: чаеш еще на Москве п о б ы т - Грам., с. 36.

Омоструктурность финального, финитивного типов с резуль- тативными просматривается диахронически. Так, в памятниках XII, XIII вв. широко распространены локально-результативные и собственно результативные глаголы с приставкой ДО-, но аб- солютно отсутствуют разновидности финального СД, называемые соответственно классификации М.А.Шелякина [14], финально-ком- плетивной и финально-разовой. Первые случаи фиксации фина- льно-разовых глаголов, близких к комплетивным, встречаются в памятниках, относящихся к концу XIV и середине XV вв. (по данным словаря И.И.Срезневского). Памятники XVI в. также сви- детельствуют о преобладании результативных глаголов с при- ставкой ДО-, причем многие из них к этому времени уже деати- мологизированы (добывать, доставать), хотя встречаются еще большое количество отглагольных имен типа "досталость", сви- детельствующих о результативном характере производящего. В этот же период развивают продуктивность дериваты с финально- разовым значением, а также и финально-комплетивным. В тек- стах XVII в. результативные глаголы с приставкой ДО-, к а и п р а в и л о, деатимологизированы, в то время как финаль- ный СД представлен всеми тремя разновидностями: предельно- размерной, финально-разовой, финально-комплетивной.

Результативные глаголы с приставкой *От-* широко распространены и в ранних памятниках русского языка, и в памятниках XVI, XVII вв.: потому что *отваривана* А вода не столь пышит брюхо - Назир., с. 127; а не *оттваривана* А вода от вещи густыя и липкиа неудобно отделиться возможесть - Назир., с. 128. При этом зафиксировано большое количество отглагольных имен (отварение, отлежание, отновление, отмоложение, отмягчение), что подтверждает результативный, а не финитивный характер глаголов. В то же время разновидности финитивного СД, выделяемые И.И.Щеболовой [15, с. 53], появляются в более поздних текстах: собственно финитивная разновидность не встречается еще и в XVII в., финитивно-детерминативная, близкая к результативному СД, формируется приблизительно в XV - XVI вв. Пример последней находим в тексте "Назирателя": ради сего земля *отлежит* ся столь долго сколько которою надобет - Назир., с. 349.

Несомненно то, что результативные глаголы хронологически предшествуют всем словообразовательным типам со значением временных и терминативно-временных СД (начинательному, финитивному, финальному и ограничительному). Есть основания думать, что в большинстве из этих случаев они предшествуют и генетически. Однако данное положение в настоящей статье выдвигается в качестве гипотезы, поскольку нуждается в основательном доказательстве.

Заключение. Особенности выражения результативности в русском языке XII-XVII вв., связанные с ключевыми моментами эволюции акциональной системы, могут быть суммированы следующим образом.

1). В ранних памятниках результативность выражается наряду с приставочным способом и неизпроизводной основой, сохраняющей связь с древней категорией определенности/неопределенности.

2). Материалы памятников XII-XVII вв. позволяют думать, что круг результативных приставок в этот период был шире, чем в современном русском языке.

3). Варьирование результативных приставок, имевшее место до XVII в., осуществлялось по принципу свободной вариативности, в то время как в современном русском языке существует довольно жесткая и однозначная связь между результативными приставками и конкретными основами.

4). Влияние категории П/НП на словообразование глагола до

XVI, XVII вв. имеет несколько иной характер, чем в настоящее время, ввиду недифференцированности значений приставок. Это проявляется, например, в том, что результативные дериваты могут быть образованы от НП-основ.

5). Результативные типы с различными приставками широко распространены в памятниках до появления собственно временных и терминативно-временных типов. Можно думать, что первые предшествуют и генетически, то есть приставочные временные и терминативно-временные СД развиваются следующим путем: приставки с локальным значением → приставки с результативным значением → приставки с результативным значением + временной характеристикой, выраженной внешним или внутренним контекстом → приставки с временным и терминативно-временным значением. Возможно, косвенным подтверждением такого пути развития является связанность некоторых акциональных значений временной подсистемы с идеей результата в современном русском языке. Например, значение конца действия и результата слиты в одной приставке (дочитать). Противоположное можно наблюдать в современном болгарском языке, где семы финала и результата могут выражаться двумя разными приставками в структуре одного глагола: доубивам, дозавинтя, донавия и т.д.

Однако, как именно совершался в русском языке переход от результативного значения к временным и терминативно-временным у конкретных приставок - вопрос, нуждающийся в специальном исследовании. По-видимому, одним из основных факторов в этом процессе было явление "заражения" внешним и внутренним контекстом [4].

Список сокращений

1. Грам. - Грамотки XVII - начала XVIII века / Под ред. С.И. Коткова. - М.: Наука, 1969.
2. Назир. - Назиратель / Под ред. С.И.Коткова. - М.: Наука, 1973.
3. Пам. XII в. - Памятники литературы Древней Руси: XII век / Под общ. ред. Л.А.Дмитриева, Д.С.Лихачева. - М.: Худож. лит., 1980.
4. Усп. сб. - Успенский сборник XII - XIII века / Под ред. С.И. Коткова. - М.: Наука, 1971.

Литература

1. Баженова С.И. О состоянии акциональной системы в древнерусском языке XII-XIII вв. - Ученые записки ТГУ, вып. 537. Аспектуальность и средства ее выражения. Вопросы русской аспектологии У. Тарту, 1980.
2. Бахмутова Е.А. Развитие видовой соотносительности в русском языке. Казань, 1962.
3. Бородич В.В. Видовые отношения старославянского глагола. АДД, М., 1953.
4. Breal M. Essai de sémantique. Paris, 1899.
5. Воробьева И.А. К вопросу о развитии глагольной префиксации в русском языке. АКД, Томск, 1958.
6. Иванова К. Начини на глаголно действие в съвременния български език. София, 1974.
7. Кукушкина О.В. Формирование категории вида и видо-временной системы русского языка. АКД, МГУ, 1979.
8. Маслов Ю.С. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида. - Советское славяноведение, 1973, № 4.
9. Памятники литературы Древней Руси: XII в. М., 1980.
10. Садыклы Н.Е. Лексика московских челобитных XVII в. АКД, Баку, 1973.
11. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Спб, 1893-1912.
12. Улуханов И.С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем. - В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
13. Шелякин М.А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке. АДД, Л., 1972.
14. Шелякин М.А. О значениях и образовании невозвратных глаголов с приставкой ДО- в современном русском языке. - Русский язык в национальной школе, 1969, № 5.
15. Щеголева И.И. Принципы словообразовательного синтеза. Ростов, 1980.

О ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ТИПА ЧИТАВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.Е. Луценко

Следует согласиться с мнением ряда ученых [1] о том, что исследование форм типа читав является одним из самых необходимых и важных с точки зрения уяснения сущности системы деепричастий, как и, очевидно, в какой-то части системы глагола в целом. Отношение к этим формам в грамматической литературе сложное. Одни авторы, признавая, что количество активно функционирующих форм такого типа в современной русской речи уменьшается, тем не менее пытаются показать, что данная форма не может рассматриваться как элемент, чуждый системе, что существуют позиции, в которых деепричастия типа читав не могут быть заменены другой формой деепричастного типа. равноценным эквивалентом в этом случае может быть только синтаксическая конструкция [2]. В пределах настоящего изложения это наводит на мысль о зависимости судьбы деепричастных имперфективных форм типа читав от изменений, происходивших в синтаксисе языка [3]. Следует отметить, что вопрос о том, насколько формы типа читав употребительны в современной русской речи, довольно часто освещается без опоры на какие-либо объективные данные (скажем, хотя бы статистические подсчеты). Поэтому, например, следует признать не совсем убедительной критику Д.И. Арбатским [4] А.А. Зализняка, который в "Грамматическом словаре русского языка" [5] приводит как обычные формы типа любив.

Другие авторы, к числу которых относится и Д.И. Арбатский, считают, что формы типа читав как таковые в системе уже не представлены, исключают их из описания и вообще не принимают во внимание при анализе функциональных типов деепричастного употребления.

Сокращение употребления формы такими исследователями, на наш взгляд, преждевременно принимается за ее исчезновение. Такой подход не может быть признан объективно научным и диалектическим. Язык представляет собой область, в которой на протяжении длительного периода могут сосуществовать элементы и отношения, свойственные различным хронологическим срезам одной и той же лингвистической системы. Поэтому задача состоит в том, чтобы, опираясь на объективные данные употребления и семантического развития форм, которые, как можно поль-

гать, представляют более древние отношения в языковой системе, установить характер развития системы или какой-либо частной подсистемы в целом.

Одной из существенных ошибок, не позволяющих установить тенденции семантического развития форм типа читав, было то, что они анализировались в терминах одновременности — предшествования. Между тем уже тот факт, что исчезновение (как процесс) таких форм многие исследователи связывают с развитием категории вида должно было бы натолкнуть на мысль исследовать именно семантическое развитие таких форм. Возможности такого анализа заключены уже в том, что нет никаких препятствий для истолкования семантики временной формы с помощью аспектуальных понятий.

Если говорить об основных особенностях употребления рассматриваемых здесь форм деепричастия, то в упомянутых терминах таковыми являются, во-первых, обозначение предшествования действия деепричастия действию главного глагола, во-вторых, обозначение одновременности действия деепричастия относительно действия главного глагола. Какая из этих функций является исходной, первичной, а какая производной, вторичной?

И при постановке вопроса в терминах, которые в принципе здесь отклоняются [6], можно прийти к определенным выводам; для этого необходимо посмотреть, каковы тенденции формообразования и употребления образований типа читав в других славянских языках.

Материал польского, чешского, лужицкого, сербского, болгарского и словенского языков в указанном плане проанализирован Э.Кошмидером [7]. По его данным, в болгарском языке такая форма исчезла из морфологической системы, в польском, сербском и словенском морфологически возможна, но не употребляется, а в остальных из названных языков употребляется, в основном сохраняя прежние функции.

С точки зрения поисков ответа на поставленный выше вопрос существенное значение имеют данные чешского языка, в котором у форм типа читав в настоящее время сохраняется только одна из упомянутых функций, а именно функция обозначения предшествования действия деепричастия действию главного глагола. Для русского языка аналогичный путь семантического развития предполагает, основываясь на фактах XVII века, А.А.Припадчев [8].

В примерах из произведений писателей XIX века, языка современных писателей формы типа читав, однако, представлены в

обеих функций, чем и обосновывается избранное выше направление анализа, связанное с необходимостью учитывать наличие в системе отношений различных хронологических срезов.

Если интерпретировать употребление деепричастных форм типа читаю в терминах аспектуальных признаков, то получается более разнообразная картина. Функция обозначения одновременности действия деепричастия действию главного глагола распадается на две. В одном случае деепричастная форма обозначает действие, направленное к своей цели (пределу). Ср. пример: "Добравшись всю ночь до места назначения и только под утро добравшись до ближайшей станции, Павел вконец измучился" (А. Филиппович). В другом случае форма обозначает только длительность действия, без подчеркивания его целенаправленности: "Как же, капитан только меня и ждет, истомился ждавши, не успокоится, покуда я ему не представлюсь" (В. Варно); "Матюха, готовившись к этому дню, долго думал: топить ли баню или по старому русскому обычаю люди придут и обмоют" (Г. Балакин) [9]. Что касается функции предшествования, то используя терминологию современной русской аспектологии, можно отметить, что она скрывает в себе, с одной стороны, функцию обозначения общефактичности (обобщенно-фактического значения), с другой стороны, функцию обозначения кратности. Ср.: "А плату брав, должны судить как ни есть... (Крылов, пример Дж. Феррелла); Встречав ее в ранней молодости, он снова увидел ее через 20 лет (пример Р. Якобсона). Функция обозначения кратности, однако, может рассматриваться в качестве "подфункции" общефактичности, так как общефактичность сама по себе не содержит конкретных указаний относительно противопоставления кратности/некратности действия [10]. Если рассматривать отношение между признаками направленности к пределу, длительности и общефактичности, то первый и третий признаки могут оцениваться как противоположности, а признак длительности как нейтральная база этого противопоставления или же вообще как признак безотносительный. Таким образом, учитывая сказанное выше, можно полагать, что семантическое развитие форм типа читаю шло от обозначения действия, стремящегося к своей цели, к обозначению действия, взятого в его целостности, как факта [11] или ряда фактов (кратность действия). В связи с этим возникает вопрос о движущих причинах подобного преобразования.

Такие причины, как и вообще снижение функциональной активности деепричастных форм типа читаю, писав в современной русской речи, можно связывать с причинами, вызвавшими исчез-

новение из системы русского глагола форм простых прошедших времен. В понимании этого последнего вопроса [12] ближе всего нам позиция, которую занимает И.К.Бундина. Исследовательница связывает исчезновение форм аориста и имперфекта с тем, что в ряде славянских языков в ходе исторического развития произошли изменения, которые состояли в изменении способа представления грамматической хронологии действия.

"Раньше это производилось путем указания и на отнесенность действия к одному из трех известных периодов времени, и на систему отсчета, но затем функция указания на систему отсчета была перенесена отчасти на синтаксические конструкции (имеются в виду разного рода придаточные времена), отчасти на контекст" [13]. Мы должны уточнить эту точку зрения в том смысле, что, как это было отмечено выше, в языке осуществился (может быть, не в полной мере) переход от выражения аспектуально-темпоральных признаков через четкое осознание распределенности этих признаков в парадигме к выражению тех же признаков при опоре на осознание характера их возможного распределения в синтагме. Только такого рода переход мог вызывать разрушение парадигмы, уменьшение количества ее членов. С другой стороны, отношения между формами могли изменяться под влиянием усиления связи в системе глагола между категориями вида и времени.

И.К.Бундина, отрицая тот факт, что перестройка системы славянского глагола была обусловлена системой видов, на наш взгляд, впадает в крайность. В такую же крайность впадают и ученые, которые отрицают существование в системе глагола, включающей в себя старые формы аориста и имперфекта, видовых отношений. Речь может идти, на наш взгляд, лишь о том, в какой степени выявляла себя в системе языка обусловленность категорий вида и времени [14]. Как известно, материал памятников дает нам примеры употребления форм аориста и имперфекта от основ как перфективных, так и имперфективных глаголов. В дальнейшем развитие происходит таким образом, что формы аориста начинают образовываться от перфективных основ, а формы имперфекта от имперфективных основ. Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о постепенном формировании в русском и других славянских языках обусловленности видовых значений временными и наоборот. Развитие, аналогичное развитию форм имперфекта и аориста с точки зрения их взаимосвязи с характером формообразующей основы, мог претерпевать и суффикс -в, значение которого, как отмечает Д.Н.Кудрявский, "давало воз-

возможность (мы бы сказали "обрело возможность") выразить ту же последовательность действий, которая могла быть обозначена и одним совершенным видом" [15].

Этим, соответственно, в свою очередь, могло быть обусловлено возникновение процесса утраты функциональной и образовательной активности несовершенных деепричастий на -в. Аналогичным образом дело обстояло, видимо, и с формами на -а/-я от имперфективных основ, хотя здесь возникает вопрос о том, почему в таком случае получили развитие в языке перфективные образования с аналогичными суффиксами. Тем не менее, изложенное выше весьма существенно с точки зрения анализа отношений между глагольными формами в современном языке. Важно установить, каковы основные черты взаимодействия видовых и временных признаков в системе глагола, как распределяются и сосуществуют эти признаки в условиях их взаимной обусловленности.

Литература и примечания

1. См. работы: I. Struve. *Some observations on past imperfective gerunds in Russian*-Word, v. 9, № 4, 1953, p. 381-390; J. Ferrel. *The past gerunds of the imperfective aspect in modern Russian*. - *The Slavonic and East European Review*, London, 1949, с. 164-174; J. Forsyth. *A grammar of Aspect Usage and Meaning in the Russian verb*. Cambridge, 1970.
2. См. названную работу Л. Струве, с. 381.
3. Ср. в связи с этим некоторые положения теории А.А. Потебни: А.А. Потебня, *Из записок по русской грамматике*, т. I-II. М., 1958, с. 199.
4. Д.И. Арбатский. О лексическом значении деепричастий. - *Вопросы языкознания*, 1980, № 4, с. 108-109.
5. А.А. Зализняк. *Грамматический словарь русского языка*. М., 1977, 880 с.
6. Как установлено в кандидатской диссертации Н.А. Луценко "Категория вида в русских причастиях (значение и употребление)", Тарту, 1981, признаки одновременности/предшествования являются опосредованным отражением видовых и временных особенностей глагольных форм, а не самостоятельными категориальными признаками.

7. E. Koschmieder. Nauka o aspektach czasownika polskiego w *zawysie*. Wilno, 1934.
8. А.А. Припадчев. Употребление деепричастий несовершенного вида с суффиксами -ши, -в, -вши в деловой письменности XVIII века. - Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж, 1980.
9. Примеры извлечены из произведений современных советских писателей.
10. См. Ю.С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. - Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 308.
11. Безотносительно к различению завершенности/незавершенности действия.
12. Обзор точек зрения по данному вопросу см. Салимзянова О.В. Система прошедших времен в "Хронике Георгия Амартола", АКД, Л., 1980.
13. И.К. Бунина. Система прошедших времен старославянского глагола. М., Изд-во АН СССР, 1959, 26 с.
14. Этот вопрос обсуждался совместно с Н.А. Луценко.
15. Д.Н. Кудрявский. К истории русских деепричастий. Юрьев, 1916, с. 71.

СЛОВА НЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ ЭСТОНСКОЙ ССР

Статья I

В.В. Мюркхейн

I. Изучение немецких лексических заимствований в русских говорах Прибалтики представляет как самостоятельный научный интерес (определение состава и характера заимствований, степени субституции, особенностей функционирования в системе неродственного языка и др.), так и связывается с решением ряда общих проблем, напр., с проблемами формирования лексических систем маргинальных говоров, лексической интерференции и, наконец, с такой обширной проблемой, как славяно-германские языковые отношения.

Сама постановка вопроса не нова. Немецкие лексические заимствования в русском языке привлекали пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей с конца прошлого и начала нынешнего столетия /2; 7; 9; 15/; интерес к ним оживился и в последние 30-40 лет /1; 3; 4; 13, 16-18/.

В начале века установилось мнение, что основная масса немецких заимствований стала проникать в русский язык с Петровской эпохи и преимущественно через польский язык^I. А.И. Соболевский и др. опровергали эту точку зрения, основываясь на данных памятников деловой письменности до XVII в., содержащих немало немецких заимствований /8, 13-22; 2, 352-370/. В отношении роли польского языка как посредника А.И. Соболевский в 1903 г. писал: "увеличившееся знакомство с латинским и вообще с западно-европейскими языками позволило нам усилить перевод прямо с оригинала, минуя польское посредничество" /7, 51/. Позиция Соболевского нашла поддержку несколько позже, в начале семидесятых годов, напр., в исследованиях А.К. Рейцак /3; 4/. Тщательно проанализировав заим-

^I См. в списке литературы работы В. Христиани и Н.А. Смирнова.

створившую лексику в памятниках деловой письменности XV-XVII вв., А.К. Рейндк пришла к выводу, что около 70% германизмов имеют более раннюю датировку в памятниках, чем это указывалось в трудах начала века и созданным по их следам "Этимологическом словаре русского языка" М. Фасмера, "Кратком этимологическом словаре русского языка" и др.

До сих пор германизмы, бытующие в современном русском языке и русских народных говорах, не изучены должным образом. Еще остаются неисследованными целые пласты немецкой лексики, имеющей территориально ограниченное распространение. Это русские окраинные говоры севера и юго-запада, островные говоры Прибалтики, Белоруссии и др. мест. В силу известных исторических событий немецкие лексемы проникали в словарь этих говоров с древнейших времен как прямым путем, так и через посредство других языков. Как известно, знокость нормы диалектной речи способствует не только сравнительно свободному проникновению в речевой обиход иноязычной лексики, но и дальнейшему ее фонетическому и грамматическому освоению, семантическому осмыслению и пересмыслению. Изучение этих процессов на диалектном материале поможет выявить механизм освоения русским языком заимствованных единиц разных уровней определенных иноязычных систем.

2. Располагая некоторым материалом по лексике немецкого происхождения (более 100 лексем и их вариантов), зафиксированной в русских говорах юго-западного Причудья, мы попытаемся рассмотреть ее с точки зрения путей и источников проникновения, состава, характера и степени субституции, а также функционирования в лексико-семантической системе говоров. Означенная лексика собиралась во время диалектологических экспедиций в деревнях Мерапалу, Педаспеа, Мехикоорма, Випсу и на острове Пийрисаар.

В науке до сих пор остается неясным вопрос о времени поселения русских на западном берегу Чудского озера. Однако в инвентаризационном списке 1582 г. д. Мехикоорма (до начала XVII в. Узмень, Измена, Изменка) уже числилась центром одного из 10-и важнейших приходов Тартуского епископства /12, 340/. Русское старожильческое население сплошь двуязычно: эстонским языком владеет традиционно, на нем же иногда и обучаются.

Русско-эстонские языковые отношения не всегда были бинарными, на них в течение продолжительного времени накладывалась система немецкого языка, о чем свидетельствует много-

численные немецкие заимствования в эстонском языке и в меньшей степени - в русских говорах. Со времени покорения Прибалтийских земель Ливонским орденом и фактически до середины XIX в. немецкий язык был господствующим в административной, экономической и культурной жизни Прибалтики. Для сельского населения немецкий язык был языком общения в местных официальных кругах, учреждения, в известные периоды - языком школы. Воздействие немецкого языка на местные диалекты происходило и в результате непосредственных контактов с немецкими крестьянами и мелкими служащими, потомками обедневших помещиков и их прислуги /I4, 8/. Кроме того, в более позднее время влияние немецкого языка могло возникнуть в условиях ситуации "трех местных языков" (немецкий, русский эстонский), из которых немецкий традиционно был наиболее авторитетным. Триязычие было характерно для городских жителей Прибалтики второй половины XIX-начала XX вв. В Эстонии от служащих требовалось знание "трех местных языков", а в некоторых семьях Тарту действительно пользовались этими языками одинаково. Триязычие было известно в Прибалтике и среди сельского населения /II, I40, I42-I46/.

Положение немецкого языка в средневековье и последующие за ним I-2 столетия можно рассматривать как суперстратное на уровне языка культуры и как адстратное для речи повседневного общения. Это обусловило проникновение массы заимствований в эстонский язык /IO, I47/. Поскольку русское население окраинных территорий постоянно контактировало с эстонцами и непосредственно соприкасалось с немцами, то становится понятным наличие в его речи германизмов, сохранившихся до сих пор. Что же представлял собою немецкий язык в те далекие времена живых контактов?

Исследования П. Аристе свидетельствуют о том, что до конца XIII в. немецкие колонизаторы были выходцами как с верхне-, так и нижненемецких территорий. С конца XIII в. колонизаторы приходили преимущественно из нижненемецких земель (в основном из Вестфалии) и приносили средненижненемецкий язык с местными диалектными чертами, к которым впоследствии присоединились и многие другие. На прибалтийских территориях общим разговорным и письменным языком для немцев служил нижненемецкий со всеми его диалектными особенностями. Он сохранялся в качестве письменного литературного до начала XVII в. и как разговорный - до первой половины XIX в. Говорили в Прибалтике и на средненижненемецком. Свообразие нижненемец-

кого прибалтийского языка возникало и от подражания речевой манере таких авторитетных городов Ганзейского союза, как Любек и др. /Ю, 85, II4/.

Большинство заимствований в эстонском языке из нижне-немецкого. Эти заимствования хорошо сохранялись как в рукописных, так и печатных книгах ХУП в., были полностью фонетически освоены эстонским языком и вошли во всеобщий словарный запас. Часть из них исчезла /Ю, 86/.

3. Сопоставление записанных нами германизмов, с одной стороны, с данными этимологических словарей и работ по германским заимствованиям, с другой, -- с показаниями словарей русских народных говоров и работами по лексике русских говоров Прибалтики позволяют выделить две группы с точки зрения их распространенности по всей стране. Это, во-первых, прочно укоренившиеся и повсеместно известные слова немецкого (или общегерманского) происхождения, заимствованные в разное время русским языком непосредственно или через другие языки, в основном через польский, напр.: аптека, гонт 'кровельные дощечки с пазами, дражка', клеймо, контора, пара, спирт, ярмарка и мн. др. В целом эта группа слов в работе не рассматривается, за исключением лексем, употребляющихся в говорах в узко диалектных значениях, -- так называемые семантические диалектизмы: кантованный четырехгранный, четырехугольный, капсуль медальон и др.

Вторую группу составляют территориально ограниченные слова -- заимствования, известные в настоящее время лишь в некоторых говорах. Слова этой группы и представляют основной объект исследования. Они распадаются на 3 подгруппы: 1) слова, ареал которых охватывает русские говоры Прибалтики, Псковскую область и частично говоры северо- и юго-запада: андарак ~ ундук 'длинная юбка или юбка с оборками', эвель 'фронтон', рёдель ~ рёделька ~ ределка 'вешала, приставная лестница', шпáры 'стропила' и др.; 2) заимствования, известные в русских говорах Прибалтики: кунда 'круг клиентуры', пак 'пакет, тук', пумпа 'насос', колодец, рабарбар 'ревень', фрыштык 'завтрак' и др.; 3) слова, отмеченные лишь в русских говорах Эстонии: греки 'ягоды терновника', дата 'жердь', футтаршменга, шленга 'оконный или дверной косяк'.

4. Заимствованные слова второй группы в зависимости от сфер функционирования распределяются по следующим лексико-тематическим разрядам.

1) Строительное дело: гарта инструмент для вырубки паза

нем. hart 'твердый' /25, I-395/; грунт 'земля, отведенная для постройки', в эст. ehituskruunt 'то же', из нем. через польск. grunt < grund 'почва, основа' /25, I-464/; эвель 'фронтон' < прибалт.-нем. jewel с тем же знач. /5, I8I-I22/; мурдат 'конечный венец сруба', ср. эст. mürlatt < ср.-н.-нем. müg + latte; шиндер 'кровельная дрань, гонт', эст. sindel 'то же' < нем. Sindel 'то же'; шпара (им. мн. шпары) 'стропило' < нов.-в.-нем. Sparren 'стропило', ср.-н.-нем. Spare 'брус' /27, 578; I8, I05/. Этот разряд включает 28 лексем - четверть всех заимствованных германизмов. Предполагается, что немецкая строительная терминология могла проникать в русские говоры Причудья непосредственно из речи профессионалов-строителей (по-местному мурников; прои́зв. от мур 'каменная стена' < ср.-в.-нем. mur 'стена' /29, III-I38/), воспринимавших в городах Прибалтики новые строительные реалии, или от строителей-немцев /5, I83/.

2) Жилище и хозяйственные помещения (I8 лексем): кельдер 'подвал, погреб' < н.-нем. keller /I0, 92/; трэпка 'лестница на крыльце, ступеньки на лестнице', эст. trepp 'ступенька', 'лестница' < ср.-н.-нем. Treppe /29, IV-6II/; шафрейка ~ сафрейка 'кладовая' /28, 20I/; шибер ~ либер 'заслонка, задвижка' < нем. Schieber 'то же'.

3) Труд, орудия труда (I6 слов): кряцлик 'маленькие трехзубные грабли с загнутыми зубьями', ср. эст. вырусское диалектное kraatsli 'то же' < нем. Kratze 'скребок, скребница'. Видимо к этимону с этим же корнем восходят карзить 'чесать шерсть' и карзило 'щетка для расчесывания шерсти', ср. в пылеваских, ряпинских и вырусских диалектах отмечено kaarsima 'чесать шерсть', в др. говорах и эстонском литературном без перестановки гласного с плавным kraasima 'то же' < ср.-н.-нем. krassen 'царапать, чесать' /I0, 93/; кюфель 'деревянная большая лопата, совок для мусора, муки и под.', эст. küvel 'совок' < н.-нем. küffel 'лопата' /I0, I8/; робельцер ~ робенцер 'отвертка' < эст. roobentser < нем. Schraubenzieher 'то же'.

4) Бытовая сфера (26 единиц): анкурок 'сосуд для приготовления домашнего пива', ср. стар. псков. анкерок 'боченок' /23, I-65/ < нем. Anker 'бочонок' /25, I-79/; камзол 'вязаная кофта, свитер', эст. kamsun 'то же', предположительно из нем. или франц. /25, II-174; 27, 278/; ролик ~ рулечек 'каток для белья' < нем. Rolle 'каток для белья, скалка'; шүфлик 'выдвижной ящик стола, буфета' < балт.-нем. Schublade 'то же'; шналлик ~ шналька 'пряжка от ремня или пояса', эст. snall, nall 'то

же' < нем. Schnalle 'пряжка'; фрштык ~ фрышк ~ фрышчк 'завтрак' < нем. Frühstück 'то же'; фрштыкать 'завтракать' < нем. frühstücken.

5) Природа (15 лексем): крэсс (pluralia tantum) 'настурция' < эст. kress < нем. Kresse 'то же'; нэпы ~ нэпкы 'вальдшнепы' < нем. Waldschnepfe, диал. Waldschneppe /25, 1-270/; рабарбар 'ревеня' < общеприбалтийское нем. Rhabarber 'то же'; токроз 'шток-роза', мальва < эст. tokroos 'то же' < нем. Stockrose 'шток-роза' и др.

Займования, проникшие в русские говоры через эстонский язык, несут на себе особенности эстонского происхождения или эстонский фонетической субституции немецких слов. Напр., палкы 'бревна' < эст. palk < balk (ср. заимствование непосредственно в деловую речь, из н.-нем. balke > балка), токроза, эст. tokroos. Однако фонетический облик ряда слов свидетельствует о непосредственном заимствовании из немецкого, ср. русские и эстонские параллели: шиндер - sindel шафрейка - zahver, шлэнга - (s)leng и др. Отдельные слова обнаруживают субституцию как со стороны эстонского, так и русского языков, напр.: ср.-н.-нем. latte > эст. latt > русск. лата; нем. Waldschneppe > эст. nerr > русск. непик.

Вопросы субституции и функционирования заимствованной лексики будут рассматриваться во второй статье.

Литература

1. Мартынов В.В. Славяно-германские лексические взаимодействия древнейшей поры. Минск, 1963.
2. Отменко И. К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре Великом. - РГВ, т. I, XVII, Варшава, 1911, кн. 3-4.
3. Рейцак А.К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV-XVII вв. АКД. Л., 1963.
4. Рейцак А.К. Некоторые наблюдения над заимствованиями из германских языков в русской лексике XV-XVII вв. - В кн. Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1969.
5. Рихтер Е.В. Заметки о терминах сельскохозяйственных орудий и жилища у русских Западного Причудья. - Тр. прибалтийской диалектологической конференции 1968 г. Тарту, 1970.

6. Семенова М. Русско-латышские языковые связи. Рига, 1973.
7. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. Спб., 1903.
8. Соболевский А.И. "Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху" Н.А. Смирнова. - Сборник ОРЯС, т. LXXXVIII, Спб., 1904, № 3.
9. Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. - Сборник ОРЯС, т. LXXXVIII, Спб., 1910, № 2.
10. Ariste P. Saksa laensõnad Heinrich Stahli eesti keeles. - Emakeele seltsi aastaraamat IX, 1963. Tallinn, 1963.
11. Ariste P. Kolm kohalikku keelt. - Keel ja kirjandus, 1963, N 3.
12. Eesti Maateaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. II. Võrumaa. Tartu, 1926.
13. Gardiner S. Russisch клеймо, клейнот, клейноды. - Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. 28, Hf. I. Heidelberg, 1959.
14. Hindo N. Ap. õigeusu Rõpina kogudus 1752-1937. Tartu, 1937.
15. Cristiani W. Über das Eindringen von Fremdwörter in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. Berlin, 1906.
16. Hüttl-Worth G. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im 18. Jahrhundert. Wien, 1956.
17. Matthias T. Deutsche Wörter im Russischen. - Wissenschaftliche Beihefte zur Zeitschrift des Deutschen Sprachvereins, Hf. 48, Berlin, 1933.
18. Viires A. Sõnavaralisi paralleele Peipsi-tagastes murra-kutes ja eesti keeles. - Keel ja kirjandus, 1959, N 2.

СЛОВАРИ

19. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I-IV, М., 1955.
20. Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.). Изд. ЛГУ, 1959.
21. Материалы для словаря русских говоров Латвийской ССР. Вып. 2, 5. Рига, 1971-1973.

22. Немченко В.Н., Саница А.И., Мурникова Т.Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
23. Псковский областной словарь с историческими комментариями. Вып. I-4. Изд. ЛГУ, 1967 - 1979.
24. Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина. Вып. I-I6. Л., 1965-1980.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I-IV. М., 1964-1973.
26. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
27. Kluge F., Götze A. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1951.
28. Hupel Idiotikon der deutschen Sprache in Lief- und Ehstland. Riga, 1795.
29. Schiller K., Lübben A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. I-VI. Bremen, 1875-1881.

Содержание

К.К.Трофимович. Социально-экономические условия развития и функционирования литературного языка небольшой социалистической народности	3
А.Д.Дуличенко. Одна из последних попыток создания нового славянского литературного языка: резьянский в Италии.....	20
П.А.Дмитриев. Об одной словообразовательной модели в русском и сербохорватском (хорватосербском) языках.....	46
Ф.Д.Климчук. К особенностям гидронимического ландшафта одной славянской микрзоны.....	52
Л.В.Дуличенко. Взаимозамена винительного и локатива с предлогами ВЪ и НА в параллельных текстах древнеславянской канонической письменности.....	60
М.А.Шелякин. О семантической структуре отрицательных местоимений русского языка и происхождении конструкций с непарным отрицанием.....	71
И.Я.Ланидус. К истории акцентуации имени существительного в русском языке.....	81
Н.А.Луценко. О системно-семантических функциях глагольных форм типа НАПИШЕТ в русском языке (в сопоставлении с некоторыми другими славянскими и индоевропейскими).....	92
Э.М.Джемакулова. Происхождение русских кумулятивных глаголов	105
С.И.Баженова. К особенностям результативного способа действия в русском языке XII-XIII вв.....	125
О.Б.Луценко. О деепричастиях типа ЧИТАВ в современном русском языке.....	137
В.В.Мюркхейн. Слова немецкого происхождения в русских говорах Эстонской ССР.....	143

Ученые записки
Тартуского государственного университета.
Выпуск 579.
ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ.
Труды по русской и славянской филологии.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликобли, 18.
Ответственный редактор М.Шелякин.
Подписано к печати 17.08.1981.
МВ 03767.
Формат 30x45/4.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Печатных листов 9,5.
Учетно-издательских листов 9,2.
Тираж 500.
Заказ № 886.
Цена I руб. 40 коп.
Типография ТГУ,
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.